

СТИВЕН

НУЖНЫЕ ВЕЩИ

КИНГ

Король на все времена

Стивен Кинг

Нужные вещи

«АСТ»

1991

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Кинг С.

Нужные вещи / С. Кинг — «АСТ», 1991 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-093036-4

Человеческая душа темна и с легкостью обращается ко Злу... Об этом хорошо известно демону, прибывшему в маленький американский городок и открывшему там магазинчик «Нужные вещи». Он готов предложить покупателям именно то, о чем они мечтают... в обмен на маленькую услугу. Он всего-то и просит – невинно подшутить над соседом или приятелем. Но достаточно сделать первый шаг по дороге в Ад – и происходящее уже не остановить. Зло воцаряется в городке. Рано или поздно Зло обратится в кровавый, смертоносный хаос...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093036-4

© Кинг С., 1991

© АСТ, 1991

Содержание

Часть 1. Церемония открытия	11
Глава первая	11
1	11
2	14
3	16
4	17
5	22
6	24
7	26
8	26
Глава вторая	27
1	27
2	29
3	31
4	32
5	34
6	35
7	36
Глава третья	39
1	39
2	42
3	43
4	47
5	47
6	49
7	51
8	53
9	54
Глава четвертая	57
1	57
2	58
3	60
4	61
5	64
6	66
7	68
8	71
9	72
10	74
11	75
Глава пятая	78
1	78
2	84
3	86
4	91
5	92

Глава шестая	96
1	96
2	98
3	99
4	101
Глава седьмая	103
1	103
2	104
3	106
4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Стивен Кинг

Нужные вещи

Stephen King
NEEDFUL THINGS

© Stephen King, 1991

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Крису Лейвину, который знает ответы не на все вопросы, а только на самые важные.

*Дамы и господа, прошу внимания!
Подходите ближе, чтобы лучше слышать!
Расскажу вам историю, не возьму ни цента!
(И если вы поверите, Все будет хорошо.)*

Стив Эрл. Змеиный жир

Я слышал, что многие люди терялись даже на улицах маленьких городков, когда тьма становилась такой густой, что ее, как говорится, можно резать ножом...

Генри Дэвид Торо. Уолден, или Жизнь в лесу

А вы здесь уже были.

Ну да, точно! Я вас узнал, у меня хорошая память на лица!

Идите сюда; дайте пожать вашу руку! Знаете, я вас узнал еще прежде, чем разглядел лицо, – по походке. Нельзя было выбрать лучшего дня, чтобы вернуться в Касл-Рок. Восхитительный день! Скоро начнется сезон охоты – понаедут сюда идиоты, которые палят во все, что движется, и при этом не носят оранжевых жилетов. Потом выпадет снег... но все это будет потом. А пока на дворе октябрь, а октябрь у нас в Касл-Роке длится долго. Сколько ему угодно.

А вообще, по моему скромному мнению, это лучшее время года. Ну, весна тоже неплохо, конечно, но я лично предпочитаю октябрь маю. Когда лето кончается, наша часть штата – Западный Мэн – превращается в пустынный, всеми забытый уголок и господа из коттеджей на озере и на Смотровой площадке возвращаются к себе в Нью-Йорк или Массачусетс. Мы, местные, каждый год встречаем их и провожаем – здрасте, здрасте, здрасте; пока, пока, пока. Они приезжают – и это здорово, потому что они привозят свои городские доллары, они уезжают – тоже хорошо, потому что они увозят свои городские проблемы.

Вот об этих проблемах мне и охота поговорить. Сможете уделить мне минутку? Вот тут, на ступеньках у летней эстрады, мы можем присесть. Тут и солнышко греет, и к тому же отсюда – почти весь центр как на ладони. Да, только поостерегитесь заноз. Эти ступеньки давно уже нужно отшкурить и выкрасить. Только это Хью Приста обязанность, да. А у Хью руки не скоро еще дойдут. Пьет он у нас, знаете ли. Не такой уж это большой секрет. Нет, в Касл-Роке секреты хранить возможно, кое-кому это вполне удастся, но для этого надо как следует постараться; а большинство из нас в курсе, что Хью Прист и упорный труд уже очень давно не дружат.

Что вы говорите? Где?

А-а! Вот вы о *чем!* Ну и как вам оно? Их листовки расклеены по всему городу! Сдается мне, Ванда Хемфилл (ее муж Дон, владелец супермаркета «Хемфиллз») сама их везде налепила. Вы сорвите одну со столба и тащите сюда, чтобы и я посмотрел. Да вы не стесняйтесь – ничего вам за это не будет. Уж если на то пошло, их никто не просил клеить листовки по всему городскому парку.

Черт подери! Нет, вы гляньте на это! Как отпечатано! «Кости – орудие Дьявола». Буквы большие, красные и *дымятся*. Как бы прямая доставка из преисподней! Ха! Кто-нибудь, кто не знает, какой у нас сонный маленький городишко, еще может подумать, что у нас тут и вправду какая-то дьявольщина творится. Но знаете, иногда подобная ерунда перерастает в нечто более значительное, чем простой городской скандалчик. А в этот раз, есть у меня подозрение, преподобному Вилли уж точно вожжа под хвост попала. Без вопросов. Церкви в маленьких городах... наверное, не мне вам рассказывать, *что* это такое. Они кое-как уживаются – более или менее, – но не питают друг к другу симпатии, скажем так. Все идет мирно – но до какого-то определенного момента, а потом все равно поднимается буча.

В этот раз буча выходит большая, со взаимными обидами и обвинениями. Дело вот в чем: католики собирались сделать какое-то благотворительное мероприятие под названием «Ночь в казино» в «зале Рыцарей Колумба» – это в другой части города. В последний четверг месяца, если мне не изменяет память. А собранные средства должны были пойти на ремонт крыши здания церкви Богоматери Тихих Вод... вы проезжали ее по пути в город, если ехали со стороны Смотровой площадки. Приятная церквушка, правда?

На самом деле идея «Ночи в казино» принадлежала отцу Брайхему, но развили ее «Дщери святой Изабеллы». Очень она им понравилась, эта идея. И особенно – Бетси Виг. По мне, так ей просто нравится мысль, как она выйдет в своем черном платье в облик и станет крутить рулетку, приговаривая: «Делайте ставки, дамы и господа, делайте ваши ставки». Да, им всем понравилась эта идея. Дело-то там безобидное, яйца выеденного не стоит, но им в этом мерещится что-то чуть-чуть порочное.

Хотя вот преподобному Вилли и его пастве это все показалось не столь безобидным. Вообще-то он преподобный Уильям Роуз; и он никогда особенно не любил отца Брайхема, на что тот отвечал взаимностью. (На самом деле именно отец Брайхем первым назвал преподобного Роуза «Пароходом Вилли», и преподобный Вилли об этом знает.)

Между этими двумя «столпами веры» и раньше проскакивали искры, но эта история с «Ночью в казино» высекала уже не просто искры, а целый фейерверк. Когда Вилли узнал, что католики собираются провести ночь за азартными играми в зале РК, он так взвился, что чуть крышу не пробил макушкой. На свои деньги он отпечатал эти листовки: «Кости – орудие Дьявола», – и Ванда Хемфилл со своими подружками из кружка кройки и шитья расклеила их по всему городу. С тех пор католики и баптисты общаются между собой исключительно через колонку «Письма» в местном еженедельнике, где они бушуют, неистовствуют и объявляют друг другу, что противная сторона непременно будет гореть в аду.

Гляньте-ка. Сейчас вы поймете, что я имею в виду. Вон она вышла из банка. Это Нан Робертс, хозяйка кафешки «Перекуси у Нан». Я так думаю, она самая богатая в нашем городе – с тех пор как старый Папаша Мерилл отправился на свой самый крупный блошинный рынок, на небеса. Она была яркой баптисткой чуть ли не с сотворения мира. А вот ей навстречу движется Эл Гендрон, истый католик, святее папы римского; и его лучший друг – ирландец Джонни Бирхем. Теперь смотрите внимательнее! Видите, как они задирают носы? Ха! Прямо готовый цирковой номер! Ставлю доллар против обгрызенной кочерыжки, что температура упала на двадцать градусов, когда они проходили мимо друг друга. Правильно моя матушка говорила: «С людьми веселее всего, куда уж коням с ними тягаться».

А теперь вон туда взгляните. Видите, около видеомагазина – машина шерифа? А в машине – Джон Лапуант. Предполагается, что он следит за соблюдением скоростного режима:

в центре скорость ограничена, и особенно по окончании занятий в школе, – но если заслонить глаза от солнца и как следует присмотреться, вы разглядите, что *на самом деле* он пялится в фотографию, которую достал из бумажника. Отсюда мне ее не видно, но я знаю, что это за снимок, как знаю девичью фамилию собственной матери. Эту фотку Энди Клаттербак снял около года назад. На ней – сам Джон вместе с Салли Рэтклифф; Джон обнимает ее за талию, а у нее в руках плюшевый медведь, которого он выиграл для нее в тире. Обоих прямо-таки распирает от счастья. Но это было, как говорится, давно и неправда. Сейчас Салли помолвлена с Лестером Праттом, учителем физкультуры. Он такой же истовый баптист, как и она сама. Джон до сих пор не оправился от потрясения. Вон как вздыхает, бедняга. Прямо сердце болит, на него гляючи. Так вздыхать может только мужчина, который влюблен до сих пор (или думает, что влюблен). В общем, довел он себя до зеленой тоски.

Вы замечали, что беды и неприятности, как правило, складываются из вещей самых обычных? Будничных и заурядных. Вот вам пример. Видите парня, что поднимается по ступенькам здания суда? Нет, не того, что в костюме, – это Дэн Китон, наш глава городского управления. Я другого имею в виду: черного парня в рабочем комбинезоне. Это Эдди Варбертон, ночной уборщик в здании муниципалитета. Понаблюдайте за ним и обратите внимание, что он сделает. Вот! Видите, остановился на верхней ступеньке и смотрит на улицу? Ставлю еще один доллар против обгрызенной кочерыжки – он смотрит на автомобильную мастерскую «Суноко». Ее владелец и по совместительству мастер – Сонни Джакетт, с которым Эдди враждует уже два года – с тех пор как привел туда свою машину, чтобы проверить трансмиссию.

Я хорошо помню эту машину. Это была «хонда сивик», самая обыкновенная. Но для Эдди это была особенная машина – первая и единственная за всю жизнь машина, которую он купил новой. А Сонни сделал свою работу из рук вон плохо, да еще и завысил цену. Такова точка зрения Эдди. А точка зрения Сонни: Варбертон просто не хочет платить сколько нужно, а чтобы не платить, пытается обвинить меня в расизме, пользуясь тем, что он черный. Вот как бывает...

Итак, Сонни Джакетт подал на Эдди Варбертона в малый арбитражный суд. Сначала они поскандалили в зале суда, потом – в коридоре. Эдди заявил, что Сонни назвал его тупым ниггером, на что Сонни ответил, что, мол, ниггером никого не обзывал, а вот насчет первого определения – он целиком и полностью согласен. В итоге оба остались недовольны. Судья вынудил Эдди заплатить Сонни пятьдесят долларов, на что Эдди сказал, что пятьдесят – это слишком, а Сонни – что это безбожно мало. А потом было вот что: в новой машине Эдди случилось короткое замыкание, она загорелась и закончила свои дни на свалке неподалеку от шоссе № 5. Теперь Эдди водит «олдсмобиль» 89-го года, в котором вечно подтекает масло. И он по-прежнему уверен, что Сонни Джакетт знает о коротком замыкании гораздо больше, чем говорит.

Вот уж точно: с людьми веселее всего, куда уж коням с ними тягаться. Только веселье все больше какое-то мрачное.

Но такова жизнь маленького провинциального городка – как его ни назови: Пейтонс-Плейс, или Гроверс-Корнерс, или Касл-Рок. В каждом таком городке люди едят пироги, пьют кофе и обсуждают друг друга за спиной. Вот идет Слопи Додд, один-одинешенек, потому что другие дети издеваются над его заиканием. Вон Миртл Китон; и если она выглядит немного смущенной и растерянной, как если бы она не знает, где находится и что вокруг происходит, так это из-за ее мужа (того самого типа, который зашел в здание суда вслед за Эдди), который в последние полгода сам не свой. Видели, глаза у нее припухшие? Наверняка недавно плакала, или плохо спала, или и то и другое.

А вот идет Ленор Поттер. Выглядит, как всегда, потрясающе – как будто только сошла со сцены. Идет в «Западные автоперевозки», выяснить, не пришел ли ее заказ – какое-то особое органическое удобрение. У этой женщины вокруг дома растет столько разных цветов, сколько у Картера не наберется таблеток от печени. Она очень этим гордится. И она не ходит в больших

любимицах у местных дам. Они считают, что она задавака – задирает нос и кичится этими своими цветами, шикарными бусами и семидесятидолларовыми бостонскими завивками. И, раз уж мы с вами сидим тут бок о бок на занозистой ступеньке эстрады, раскрою вам один секрет: я полностью с ними согласен. Она действительно задавака.

Все это обычное дело, скажете вы, но должен заметить, в Касл-Роке хватает проблем, и далеко не все эти проблемы так безобидны. Все помнят Фрэнка Додда, дежурного на переезде, который двенадцать лет тому назад свихнулся и убил нескольких женщин. Все помнят бешеную собаку, которая загрызла Джо Камбера и еще одного старого пьяницу с той же улицы. Та же собака загрызла и прежнего шерифа, Джорджа Баннермана. С тех пор шерифом у нас Алан Пангборн, и хотя он человек хороший, ему никогда не подняться до Большого Джорджа в глазах этого городка.

А то, что случилось с Реджинальдом Мериллом по прозвищу Папаша – с этим старым скупердяем-старьевщиком, державшим лавку так называемых древностей... разве это обычное дело?! Лавка его называлась «Эмпориум Галлориум», и стояла она вон там, где сейчас пустырь. Видите, на той стороне Главной улицы? Здание сгорело уже давно, но в городе есть люди, которые видели, как все было (или которые утверждают, что видели), и после пары кружечек пива в «Подвыпившем тигре» они вам скажут, что это был не простой пожар – тот пожар, который спалил дотла «Эмпориум Галлориум» и забрал жизнь Папаши Мерилла.

Его племянник, Туз, говорил, что незадолго до пожара с его дядей стало твориться что-то ужасное – как в «Сумеречной зоне». Конечно, Туза тогда даже и близко здесь не было; он тянул свой четырехлетний срок в Шоушенской тюрьме за ограбление со взломом. (Ежу было понятно, что Туз Мерилл плохо кончит; в школе он слыл отъявленным драчуном и задирой. Все дети в городе, наверное, переходили на другую сторону улицы, едва заметив, как Туз вышагивает по тротуару в своей байкерской куртке, звенящей молниями и заклепками, и тяжелых подкованных ботинках.) Но знаете, люди все-таки ему верили – может быть, с Папашей в тот день и вправду стряслось что-то странное, а может, все это просто сплетни за чашкой кофе и куском яблочного пирога в забегаловке у Нан.

Здесь все осталось таким же, как и во времена вашей молодости. Люди боятся из-за религии, страдают из-за несчастной любви, носят в себе секреты, таят в себе злобу... и даже страшные истории, как та, что я только что рассказал – о том, что было или чего не было в день гибели Папаши, – все это лишь для того, чтобы скрасить еще один скучный и серый день. Касл-Рок так и остался прекрасным местом для того, чтобы жить и расти, как написано на плакате у въезда в город. Солнце ласкает озеро и листья деревьев на берегу, а в ясный день со Смотровой площадки видна вся дорога до самого Вермонта. Дачники, приезжающие на лето, обсуждают утренние газеты, а по вечерам в пятницу или субботу (а то и в пятницу, и в субботу) на стоянке рядом с «Подвыпившим тигром» иной раз случаются драки, но приезжие всегда уезжают домой, а драки заканчиваются. Этот город всегда был прекрасным местечком, и если кто-то начинает грузиться и грузить окружающих, знаете, что мы говорим на это? Мы говорим: *«Это пройдет, он скоро на это забудет»*.

Генри Бофорта, к примеру, бесит, когда Хью Прист спяну пинает его музыкальный автомат... но он скоро на это забудет. Вильма Ержик и Нетти Кобб терпеть друг друга не могут... но Нетти скоро на это забудет (наверное), а для Вильмы ненависть и неприязнь – просто обычное состояние организма. Шериф Пангборн до сих пор убивается по своим так нелепо погибшим жене и младшему сыну, и это, конечно же, очень большое горе, но и он тоже когда-нибудь успокоится – всему свое время. У Полли Чалмерс тяжелый артрит. Он не проходит, даже наоборот – если честно, то чем дальше, тем хуже. На такое забить невозможно, но она все равно притерпится. И она не одна такая – таких миллионы.

Мы по-прежнему иной раз огрызаемся друг на друга, но в основном все идет нормально. Или шло до сих пор. А теперь, друг мой, я вам скажу настоящий секрет; я из-за этого вас и

позвал – сразу как только увидел. Есть у меня подозрение, что надвигается беда – настоящая беда. Нюхом чую, она уже не за горами, как гроза в неурочное время года. Склоки между католиками и баптистами из-за «Ночи в казино», дети, которые дразнят бедного зайку Слопи, страдания Джона Лапуанта от несчастной любви, горе шерифа Пангборна – все это покажется мелочью по сравнению с тем, что нас ждет.

Видите здание на той стороне Главной улицы? Четвертое по счету от пустыря, на котором стоял «Эмпориум Галлориум»? С зеленым навесом над входом? Ага, вот это! Окна замазаны мылом – заведение еще не открыто. Вывеска: «Нужные вещи». Что еще за хрень такая? Я понятия не имею, но что-то мне здесь не нравится.

Предчувствие нехорошее.

Взгляните еще раз на улицу. Видите этого мальчика с велосипедом? Ага, того самого – с мечтательным видом. Приглядитесь к нему повнимательнее. По-моему, с него все и начнется.

Нет, я же вам говорю: я не знаю, что будет... у меня просто предчувствие. Но вы все равно приглядитесь к мальчишке. И задержитесь у нас в городке на какое-то время. Что-то явно назревает, что-то очень *нехорошее*, и если оно действительно произойдет, лучше, чтобы тут были свидетели.

Я знаю этого паренька с велосипедом. И вы, может быть, тоже знаете. Его зовут Брайан, фамилию вот запомнил. Его отец занимается дверьми и отделкой стен не то в Оксфорде, не то в Южном Париже, по-моему.

Вы за ним понаблюдайте. И вообще, присматривайтесь *ко всему*. Вы бывали тут раньше, но скоро все изменится.

Я это знаю.

Я это чувствую.

Назревает гроза.

Часть 1. Церемония открытия

Глава первая

1

Открытие нового магазина в маленьком городе – это большое событие.

Впрочем, на Брайана Раска это «большое событие» не произвело особенного впечатления, в отличие от многих других – от его собственной матери, например. Он слышал, как она долго и нудно обсуждала открытие нового магазина по телефону со своей лучшей подругой Майрой Эванс где-то с месяц назад (они именно обсуждали, а вовсе не *сплетничали*, потому что, как ему объяснила мама, сплетничать – это плохо и *она* никогда не сплетничает). Это здание раньше занимала контора «Страхование и недвижимость Западного Мэна», потом оно какое-то время пустовало; первые рабочие появились там как раз в начале учебного года и с тех пор трудились не покладая рук. Никто не имел представления, что происходит внутри; перво-наперво рабочие установили большую витрину и тут же замазали ее мылом.

А две недели назад на дверях появилась табличка – прозрачная пластмассовая дощечка, подвешенная на шнуре.

Скоро МЫ открываемся!
НУЖНЫЕ ВЕЩИ
МАГАЗИН НОВОГО ТИПА
«Вы не поверите своим глазам!»

– Просто еще одна антикварная лавка, – сказала мать Брайана Майре. Кора Раск лежала, развалившись на диване, держала в одной руке телефонную трубку, свободной рукой клала в рот вишни в шоколаде и смотрела по телевизору «Санта-Барбару». – Еще одна антикварная лавка с кучей липовой раннеамериканской мебели и облезлых сломанных телефонов. Вот увидишь.

Этот разговор состоялся через несколько дней после того, как рабочие вставили новую витрину и замазали ее мылом. И мать говорила с такой уверенностью, не терпящей никаких возражений, что – по понятиям Брайана – тема должна была быть закрыта раз и навсегда. Вот только для матери Брайана не существовало окончательно закрытых тем. Ее домыслы и рассуждения были такими же бесконечными, как проблемы героев из «Санта-Барбары» и «Скорой помощи».

На прошлой неделе первая строка на дощечке на двери сменилась на:

МЫ открываемся СОВСЕМ Скоро!
ПРИХОДИТЕ 9 октября – и приводите друзей!

Брайан мало интересовался новым магазином – во всяком случае, не так живо, как его мама (и кое-кто из учителей; когда была его очередь дежурить школьным почтальоном, он слышал, как они говорили об этом в учительской средней школы Касл-Рока), – но ему все-таки было одиннадцать, а здорового одиннадцатилетнего мальчика интересует практически все. К тому же название нового магазина подстегивало любопытство. «Нужные вещи». Что бы это значило?

Изменения на вывеске Брайан заметил во вторник, по дороге из школы домой. По вторникам он возвращался из школы поздно. Он родился с заячьей губой, и хотя в семь лет ему сделали операцию и убрали дефект, ему все еще приходилось ходить к логопеду. Всем, кто

спрашивал, он говорил, что ненавидит эти занятия; однако на самом деле все было наоборот. Брайан был сильно и безнадежно влюблен в мисс Рэтклифф и всю неделю ждал этих занятий, чтобы увидеть предмет своего обожания. Во вторник уроки тянулись целую тысячу лет, и последние два часа у него в животе все дрожало, как будто там трепыхались бабочки.

Кроме него, в логопедическом классе было еще четверо ребят, и среди них не было никого, кто бы жил рядом с ним. Брайана это вполне устраивало. После целого часа в одной комнате с мисс Рэтклифф он не нуждался в компании: он был весь погружен в мечты. Домой он шел медленно, толкая велосипед, вместо того чтобы ехать на нем, – шел, думая только о *ней*, а вокруг, сквозь косой частокोल лучей октябрьского солнца, падали желтые и золотые листья.

Его путь пролегал через три квартала Главной улицы, как раз напротив городского парка, и, увидев обновленную вывеску, Брайан прижался носом к витрине, надеясь разглядеть, чем сменились нудные столы и желтые офисные стены закрывшегося агентства по страхованию и недвижимости Западного Мэна. Но его любопытство осталось неудовлетворенным: внутри уже повесили шторы, и шторы были плотно задернуты. Брайан увидел лишь собственное отражение.

В пятницу, четвертого октября, в местной газете «Зов» появилась реклама нового магазина. Ее окружала гофрированная рамка, а под текстом стояли спина к спине два ангела, трубившие в длинные трубы. По сравнению с вывеской на двери в рекламе не было ничего нового: название магазина, «Нужные вещи», когда открывается, в десять утра девятого октября, и, разумеется, «Вы не поверите своим глазам». А что за товары хозяин или хозяйка «Нужных вещей» собираются продавать – об этом не было ни слова.

Похоже, это последнее обстоятельство больше всего раздражало Кору Раск – достаточный повод, чтобы подвигнуть ее на необычный для субботнего утра звонок Майре.

– Уж *я-то* поверю своим глазам, можешь не сомневаться, – говорила она. – Когда я вижу эти *складные кровати*, которым якобы *двести лет*, но у которых на рамах стоит метка «Рочестер, Нью-Йорк», и это видно *любому*, кто не поленится нагнуться и заглянуть под покрывало, – я *очень даже* верю своим глазам.

Майра что-то ответила. Кора выслушала, выживая орешки из банки «Арахис Плантера» и стремительно отправляя их в рот. Брайан и его младший брат Шон сидели на полу в гостиной и смотрели мультфильмы. Шон полностью погрузился в мир смурфов, а Брайан, хотя и не остался совсем безучастным к делам сообщества маленьких синих человечков, все же прислушивался к разговору краем уха.

– *То-очно!* – объявила Кора с еще большими, чем обычно, уверенностью и напором. Видимо, Майра сделала какое-то особенно верное заявление. – Высокие цены и вшивые древние телефоны!

Вчера, в понедельник, Брайан с парой друзей проезжал через центр по дороге домой из школы. Проезжая мимо нового магазина, он заметил, что над входом установили темно-зеленый навес, которого еще не было утром. Спереди тянулась белая надпись: НУЖНЫЕ ВЕЩИ. Полли Чалмерс, хозяйка ателье, стояла на тротуаре, оперев руки в бедра – весьма аппетитные, надо признать, – и разглядывала навес со смешанным выражением озадаченного удивления и восхищения.

Брайан, кое-что понимавший в навесах, подумал, что здесь было чем восхищаться. Это был единственный настоящий навес на всей улице, и он придавал магазину какой-то особенный вид. Брайан не знал слова «изысканный», но он сразу понял, что этот магазинчик действительно выглядит *по-особенному*. Этот зеленый навес придавал ему вид магазина из телесериалов. По сравнению с ним «Западные автоперевозки» на другой стороне улицы смотрелись как-то убого и по-деревенски.

Вернувшись домой, он застал мать на диване. Она смотрела свою «Санта-Барбару», поедала кремовый пирог «Малышка Дебби» и запивала его диетической колой. Мать всегда

пьет диетическую газировку, когда смотрит дневные телесериалы. Брайан не знал зачем – подозревал, что для промывки пищевода, – но спрашивать не хотел. Решил, что это опасно. Вполне может статься, что вместо ответа она начнет на него орать, а если мать начинает орать, то надо скорее искать убежище. Если хочешь остаться в живых.

– Эй, мам, слышишь?! – Брайан бросил книги на столик и достал из холодильника молоко. – Знаешь что? Там, перед новым магазином, навес.

– Кто залез? Куда залез? – спросила она из гостиной.

Брайан налил себе молока и зашел в комнату.

– *Навес*. Перед новым магазином.

Кора села прямо, направила пульт и выключила звук. На экране Эл Кэпвелл с Коринной продолжали обсуждать свои санта-барбарские проблемы в своем любимом санта-барбарском ресторане, но теперь их разговор мог понять только тот, кто умеет читать по губам.

– Что? – переспросила она. – Это те самые «Нужные вещи»?

– Угу. – Брайан отпил молока.

– *Не чавкай*, пожалуйста, – сказала мама, запихивая в рот последний кусок пирога. – *Противно* слушать. Сколько раз тебе говорить?

Примерно столько же, сколько ты мне говорила не разговаривать с набитым ртом, подумал Брайан, но вслух этого не сказал. Держать язык за зубами он научился еще в раннем детстве.

– Прости, мам.

– Что за навес?

– Зеленый такой.

– Гофрированный или алюминиевый?

Брайан, отец которого работал в фирме «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже» и продавал щиты для отделки фасадов, знал, что мама имеет в виду, но на такой навес он бы вряд ли обратил внимание. Алюминиевые и гофрированные навесы встречаются на каждом шагу – куда ни плюнь. Над окнами половины домов Касл-Рока такие навесы. Подумаешь, невидаль.

– Нет. Он из материи. Холст, наверное. Он выпирает далеко вперед, и под ним тень. И он круглый, вот такой. – Осторожно, чтобы не разлить молоко, Брайан согнул ладони в полукруг. – Спереди написано название. В общем, выглядит внушительно.

– Чтоб мне провалиться!

Как правило, этой фразой Кора выражала восхищение или раздражение – смотря по обстоятельствам. Брайан на всякий случай отступил назад. А вдруг это все-таки было второе?

– И что это будет, как думаешь, мам? Может быть, ресторан?

– Не знаю, – заявила она скучным голосом и потянулась за телефоном. Для этого ей потребовалось сдвинуть с места кошку Сквибблз, журнал с телепрограммой и баночку диетической колы. – Но звучит подозрительно.

– Мам, а что это значит – «Нужные вещи»? Что-то вроде...

– Брайан, не мешай мне. Не видишь: мамочка занята. В хлебнице есть печенье, возьми, если хочешь. Но только одно, а то аппетит перебьешь. – Она уже набирала номер Майры, и вскоре подруги с горячностью обсуждали зеленый навес.

Брайан совсем не хотел печенья (он очень любил маму, но иногда, глядя, как она ест, совершенно терял аппетит). Он уселся за кухонный стол, открыл задачник по математике и начал решать отмеченные упражнения. Брайан был умным и добросовестным мальчиком и почти все домашние задания делал еще в школе. Но сегодня он не успел закончить математику. Он методично отсчитывал десятичные знаки, делил и умножал, параллельно прислушиваясь к разговору – то есть к маминым репликам. Она опять говорила, что скоро они заполучат *еще один* магазин, торгующий старыми и вонючими *флаконами от духов* и фотографиями

чьих-то умерших *родственников*, и что это позор, что подобные вещи вообще поступают в продажу. В мире развелось слишком много людей, говорила Кора, которые руководствуются принципом «Бери денежки и беги». Когда она говорила про навес, тон был такой, как будто кто-то умышленно взял на себя труд вывести ее из себя и полностью в этом преуспел.

Наверное, она думает, что кто-то должен прийти и все ей рассказать, решил Брайан, сосредоточенно двигая карандашом. Да, скорее всего. Во-первых, она умирает от любопытства. А во-вторых, она злится, что никто не торопится раскрывать ей секрет. Подобное сочетание ее добивает. Ничего, скоро все выяснится. Уж она постарается выяснить... А когда это случится, она по секрету расскажет и ему тоже. А если окажется слишком для этого занятой, он всегда может подслушать ее разговор с Майрой.

Но все повернулось так, что Брайан первым узнал секрет «Нужных вещей» – раньше мамы, раньше Майры, раньше всех в Касл-Роке.

2

За день до открытия «Нужных вещей» Брайан ехал из школы, с трудом удерживаясь в седле велосипеда; он был весь погружен в сладостную мечту (он не рассказал бы об этой мечте никому – даже под пыткой раскаленными клещами или кусачими пауками-тарантулами), в которой он пригласил мисс Рэтклифф пойти вместе с ним на ежегодную ярмарку графства Касл и она согласилась.

– Спасибо, Брайан, – говорит мисс Рэтклифф, и Брайан замечает слезинки признательности в уголках ее синих глаз – синих-синих, каким бывает только штормовое море. – А то в последнее время мне было так... грустно. Знаешь, я потеряла свою любовь.

– Я помогу вам его забыть, – отвечает Брайан, и его голос тверд и нежен одновременно, – только вы называйте меня... Бри.

– Спасибо тебе, – шепчет она и повторяет еще раз, наклонившись так близко, что он чувствует запах ее духов – чарующий аромат диких цветов: – Спасибо... Бри. И раз уж – хотя бы сегодня – мы будем не учеником и учительницей, а просто парнем и девушкой, называй меня... Салли. И давай на ты.

Он берет ее за руку. Смотрит ей в глаза.

– Я уже не ребенок, – говорит он. – Я могу сделать так, чтобы ты забыла его... Салли.

Кажется, она заморожена его неожиданным пониманием, его неожиданной мужественностью; пусть ему только одиннадцать, но он больше мужчины, чем Лестер. Она стискивает его руки. Их лица сближаются... сближаются...

– Нет, – шепчет она. Теперь ее глаза такие большие; они так близко, что он готов в них утонуть. – Не надо, Бри... Так нельзя...

– Все в порядке, малышка, – говорит он и прижимается губами к ее губам.

Через какое-то время она отстраняется и нежно шепчет...

– Эй, парень, вынь глаза из задницы! Куда ты прешь?

Грубо вырванный из приятных фантазий, Брайан только теперь сообразил, что он чуть не угодил под пикап Хью Приста.

– Извините, мистер Прист, – пробормотал он, густо покраснев. Меньше всего ему хотелось нарваться на ярость Хью Приста, который служил в Управлении общественных работ и имел репутацию человека с самым дрянным характером во всем Касл-Роке. Брайан настороженно следил за ним. Если бы Прист собрался вылезти из машины, он бы вскочил на велик и припустил бы по Главной со скоростью света. Ему вовсе не улыбалось провести месяц в больнице только из-за того, что он размышлял о походе на ярмарку вместе с мисс Рэтклифф.

Но в приемнике пел Хэнк Уильямс-младший, а в ногах у Хью Приста стояла бутылка пива, и ему было лень выходить из машины ради того, чтобы выбить дерьмо из этого маленького придурка с глазами на заднице.

– Ты, парень, смотри, куда прешь, – сказал он, сделав хороший глоток из бутылки и глядя на Брайана убийственным взглядом, – потому что в следующий раз я и не подумаю остановиться. Просто перееду тебя, и все. Размажу по дороге, дружок.

Он переключил передачу и уехал.

Брайану вдруг захотелось – к счастью, этот безумный порыв очень быстро прошел – завопить ему вслед: «*Чтоб мне провалиться!*» Он подождал, пока оранжевый пикап завернет на Линден-стрит, и пошел дальше. Мечты о мисс Рэтклифф были безнадежно испорчены – на весь остаток дня. Хью Прист вернул его к реальности. Мисс Рэтклифф вовсе не ссорилась со своим женихом, Лестером Праттом; она по-прежнему носила колечко с бриллиантом, которое он подарил ей на помолвку, и по-прежнему водила его синий «мустанг», пока ее машина была в ремонте.

Не далее как вчера вечером Брайан видел мисс Рэтклифф и мистера Пратта. Они – в компании других молодых людей – расклеивали эти листовки, «Кости – орудие Дьявола», на телефонных столбах в том конце Главной улицы. А еще они пели гимны. Ну, правда, потом прошли католики и содрали все листовки. Это было даже смешно... хотя, будь Брайан постарше, он бы сделал все от него зависящее, чтобы защитить листовки – *любые* листовки, – которые мисс Рэтклифф расклеила своими святыми руками.

Брайан подумал о ее темно-синих глазах, о ее длинных ногах танцовщицы и почувствовал все то же мрачное удивление, которое он испытывал всякий раз, когда вспоминал, что в январе она собирается сменить имя с Салли Рэтклифф на Салли Пратт. Дурацкая фамилия Пратт – она ассоциировалась у Брайана со звуком, с каким, по его представлениям, должна падать с лестницы толстая тетка.

А может, она передумает, думал он, медленно вышагивая по Главной. Все в жизни бывает... Или Лестер Пратт попадет в аварию, или у него обнаружится опухоль мозга или еще что-нибудь в этом роде. А вдруг выяснится, что он наркоман? Мисс Рэтклифф никогда в жизни не выйдет замуж за наркомана!

Как бы дико это ни звучало, но эти дурацкие мысли помогли ему успокоиться. Но они все равно не смогли отметить тот прискорбный факт, что Хью Прист оборвал его фантазию незадолго до апогея (когда Брайан целуется с мисс Рэтклифф и практически *прикасается к ее правой груди* в «Тоннеле любви» на ярмарке). Идея, конечно, была бредовая – одиннадцатилетний мальчик ведет учительницу на ярмарку графства. Мисс Рэтклифф, конечно, очень красивая, но для него она старая. Как-то раз на логопедическом занятии она сказала, что в ноябре ей исполнится двадцать четыре.

Итак, Брайан привычно сложил свою фантазию по старым загибам, как обычно мы складываем важные документы, которые часто читаем и перечитываем, и запрятал на полку в дальнем уголке памяти – на законное место. Он приготовился сесть на велосипед и крутить педали до самого дома.

Но в этот момент он как раз проходил мимо нового магазина, и вывеска на двери привлекла его внимание. Что-то на ней изменилось. Он остановился и взгляделся повнимательнее.

Надписи:

МЫ открываемся СОВСЕМ Скоро!

ПРИХОДИТЕ 9 октября – и приводите друзей!

больше не было. Ее сменила маленькая квадратная табличка. Красные буквы на белом фоне.

ОТКРЫТО

Вот так вот:

ОТКРЫТО

и *все*. Брайан замер на месте, зажав велосипед ногами и уставившись на табличку. Его сердце забилось сильнее.

Ты ведь туда не пойдешь? – спросил он себя. Я имею в виду, даже если они действительно открылись на день раньше, ты же туда не пойдешь?

А почему нет?

Ну... Потому что витрина все еще замазана мылом. И жалюзи на двери опущены. Если туда войти, с тобой все, что угодно, может случиться. *Все, что угодно.*

Ну конечно. Будто парень, который открыл магазин – вроде Нормана Бейтса¹, одевается в платье покойной мамочки и разделявает покупателей, как свиней. *Ра-зу-ме-ет-ся.*

Ладно, забудь, высказалась его робкая половина, но действительно как-то робко, как будто она уже знала, что спор проигран. И в этом было что-то *смешное*.

Тем более что Брайан подумал, как он расскажет об этом маме. Просто и беззаботно, как бы между прочим: «Кстати, мам, помнишь тот новый магазин, который «Нужные вещи»? Так вот, он открылся на день раньше. Я зашел посмотреть, что там и как».

Она тут же вырубит звук телевизора, уж я-то знаю! Она захочет услышать об этом все!

Эта мысль все и решила. Брайан опустил подножку велосипеда, шагнул в тень под навесом – впечатление было такое, что там и вправду прохладнее, градусов на десять как минимум, – и приблизился к двери «Нужных вещей».

Когда он дотронулся до большой дверной ручки – бронзовой и старомодной, ему вдруг пришло в голову, что табличку ОТКРЫТО могли повесить там по ошибке. Скорее всего ее приготовили на завтра, и кто-то случайно повесил ее на дверь. Из-за штор не доносилось ни звука; внутри явно никого не было.

Но раз уж он взялся за ручку, надо идти до конца. Он легонько нажал на ручку... и она легко поддалась. Язычок замка шелкнул, и дверь «Нужных вещей» распахнулась.

3

Внутри царил полумрак, но какой-то свет все-таки был. Брайан увидел, что там была установлена система направленного света (специализация компании «Фасады и двери Дика Перри») и часть светильников была включена. Они были направлены на некоторые витринные шкафы, расставленные по всему залу. В основном эти шкафы были пусты. Лампы освещали только *занятые* витрины.

Пол – просто деревянный во времена «Страхования и недвижимости Западного Мэна» – теперь был покрыт от стены до стены богатым ковром цвета густого бургундского вина. Стены, идеально белые, как яичная скорлупа, отражали слабый рассеянный свет, пробивавшийся через покрашенные мылом окна.

Да, наверное, это ошибка, подумал Брайан. Ничего еще не разложено. Кто-то по недосмотру повесил эту табличку на дверь и забыл ее запереть. Вежливый мальчик сейчас поступил бы так: закрыл дверь с той стороны, сел на велосипед и уехал.

Но Брайану не хотелось уходить. В конце концов он уже вошел в магазин и увидел, что там внутри. Мама, когда услышит об этом, не отстанет от него до вечера – будет расспрашивать и расспрашивать. И больше всего его бесило, что он не был уверен, что конкретно он видел. В витринах было расставлено где-то с полдюжины

¹ Норман Бейтс – маньяк-убийца из фильма А. Хичкока «Психо». – *Здесь и далее примеч. пер.*

(экспонатов)

каких-то вещей, и на них были направлены маленькие прожекторы – пробное включение скорее всего, – но он все равно не мог как следует разглядеть, что там лежит. Однако он видел, чего там точно *не было*: псевдоантикварных кроватей и старых обшарпанных телефонов.

– Добрый день, – неуверенно произнес он, все еще стоя на пороге. – Есть тут кто живой? Он уже собрался уходить, как вдруг из глубины магазина раздался голос:

– Я есть.

В проеме за одной из витрин показалась высокая фигура – поначалу показавшаяся *неправдоподобно* большой. Этот проем был задрапирован темной бархатной занавеской. Брайан почувствовал пусть и мгновенный, но очень сильный приступ страха. Но потом пятно света от одной из ламп легло на лицо незнакомца, и мальчик расслабился. Это был пожилой мужчина, и лицо у него было очень добрым. Он смотрел на Брайана с любопытством и искренней симпатией.

– Дверь была открыта, – начал Брайан, – и я подумал...

– Конечно, она открыта, – сказал высокий старик. – Я решил ненадолго открыть магазин сегодня для... ну, вроде как предварительного просмотра. И вы – мой самый первый клиент. Заходите, мой юный друг, и оставьте здесь толику принесенного с собой счастья!

Он улыбнулся и протянул руку. Улыбка была заразной. Брайан тут же проникся симпатией к хозяину «Нужных вещей». Ему надо было перешагнуть через порог, чтобы пожать руку высокому старику, и он сделал это без страха и колебаний. Дверь у него за спиной закрылась, щелкнув замком. Брайан этого не заметил. Он был слишком занят – разглядывал глаза незнакомца. Они были синими – темно-синими, точь-в-точь как у мисс Рэтклифф. Они могли бы быть родственниками: папой и дочкой.

Рукопожатие старика было крепким и уверенным, но совсем не болезненным. Хотя что-то в нем было... неприятное. Что-то... *мягкое*. И одновременно жесткое.

– Очень приятно, – сказал Брайан.

Темно-синие глаза впились ему в лицо, как железнодорожные фонари под черными козырьками.

– Равно как и я чрезвычайно польщен столь приятным знакомством, – ответил высокий старик.

Вот так Брайан Раск, раньше всех в Касл-Роке, познакомился с хозяином «Нужных вещей».

4

– Меня зовут Лиланд Гонт, – представился хозяин. – А вы, молодой человек?..

– Брайан. Брайан Раск.

– Замечательно, мистер Раск. И раз уж вы – мой первый клиент, я вам сделаю очень хорошую скидку на любую одну вещь, которая вам здесь понравится.

– Спасибо, конечно, – ответил Брайан, – но я вряд ли смогу что-то у вас купить. Денег мне не дадут до пятницы, да и... – он с сомнением оглядел витрины, – вы ведь еще не все выставили, что есть. Не все товары.

Гонт улыбнулся. Зубы у него были кривые, в тусклом свете они казались желтыми, но Брайану его улыбка все равно показалась искренней и дружелюбной. И он снова не смог сдержаться и улыбнулся в ответ.

– Да, – согласился Лиланд Гонт, – еще не все. Большая часть моего... как вы выразились, товара прибудет только сегодня вечером. Но у меня все же есть кое-что интересное. Вы осмотритесь, молодой человек. Мне бы хотелось узнать ваше мнение, по крайней мере... и,

как мне кажется, у вас же есть мама? Ну разумеется. Такой приятный молодой человек просто не может быть сиротой. Я не прав?

Брайан кивнул, продолжая улыбаться.

– Правы, конечно. Мама сейчас дома. – У него вдруг мелькнула мысль. – Может быть, мне сходить за ней?

Брайан сразу же пожалел о сказанном. Он *не хотел* приводить сюда маму. Завтра мистер Лиланд Гонт откроет свой магазин для всего города. Завтра его мама и Майра Эванс будут крутиться здесь вместе с другими дамами Касл-Рока. Брайан подумал, что уже к концу месяца – да что там месяца: к концу недели – мистер Гонт перестанет казаться таким странным и своеобразным, но пока что он именно таким и казался, пока что он принадлежал Брайану Раску, и только Брайану Раску, и Брайан хотел, чтобы так все и осталось. Хотя бы сегодня. Хотя бы на один день.

Поэтому он почувствовал несказанное облегчение, когда мистер Гонт поднял руку (пальцы у него были очень длинными и узкими; Брайан отметил, что средний и указательный пальцы были одинаковой длины) и покачал головой.

– Не надо, – сказал он. – Уж чего-чего, а *вот этого* мне не хочется. Она, несомненно, захочет тоже кого-нибудь привести. Скажем, подругу, так ведь?

– Ага, – кивнул Брайан, подумав о Майре.

– А может, и *двух* подруг или даже трех. Нет, пусть лучше все будет как есть, Брайан, – можно мне называть вас Брайаном?

– Конечно! – Брайан был даже польщен.

– Спасибо. А ты меня называй мистер Гонт, потому что я старше тебя, что, впрочем, не означает – лучше, согласен?

– Конечно. – Брайан не был уверен, что он понимает, что мистер Гонт имеет в виду под «старшими и лучшими», но ему очень *нравилось* слушать, как тот говорит. И его глаза... это действительно было что-то. Брайан с трудом отводил от них взгляд.

– Ну вот так-то лучше.

Мистер Гонт потер руки, и при этом раздался какой-то странный шипящий свист. От этого звука Брайану стало немного не по себе. На ум почему-то пришла змея, раздраженная и готовая укусить.

– Ты потом все расскажешь маме и, может быть, даже покажешь ей, что купил, – если купишь, конечно...

Брайан задумался, стоит ли сообщать мистеру Гонту, что все его текущие средства в кармане составляют ровно девяносто один цент, и решил, что не надо.

– ...а *она* расскажет подругам, *те* расскажут своим подругам... видишь, Брайан? Ты послужишь мне лучшей рекламой, чем все местные газеты. Это получится даже лучше, чем если б я нанял тебя разгуливать в «бутерброде»² по улицам.

– Как скажете, – согласился Брайан. Он понятия не имел, что такое «бутерброд», но почему-то не сомневался, что он ни за что бы не согласился показаться на улицах города в таком виде. – И мне правда было бы интересно тут все посмотреть. – *Хотя смотреть-то пока особенно не на что*, подумал он, но не сказал этого вслух, потому что был вежливым мальчиком.

– Ну, тогда приступай! – сказал мистер Гонт, указывая на витрины и прилавки. Только теперь Брайан заметил, что на нем был какой-то совсем уж необычный длинный пиджак бордового бархата. Ему почему-то подумалось, что это может быть смокинг, как в рассказах про Шерлока Холмса. И это было ужасно здорово. – Прощу, Брайан!

² «Бутерброд» (*жарг.*) – человек, увешанный с двух сторон рекламными щитами.

Брайан медленно подошел к ближайшему к двери прилавку. Он оглянулся через плечо, уверенный, что мистер Гонт последует за ним, но тот остался стоять на месте. Он разглядывал Брайана с каким-то странным интересом. Казалось, что он прочел мысли мальчика и обнаружил, что тот ненавидит, когда хозяева магазинов таскаются за покупателями, когда те ходят и смотрят. Наверное, они просто боятся, что ты что-то сломаешь, или стащишь, или и то и другое.

– Не торопись, – сказал мистер Гонт. – Делать покупки – это истинное удовольствие для человека, если он никуда не торопится, и большой геморрой, если он делает все бегом.

– Скажите, а вы приехали издалека? – спросил Брайан. Его удивило, что мистер Гонт говорит в третьем лице:

«человек, он». Потому что обычно такие фразы мы строим во втором лице: «Делать покупки – это истинное удовольствие, если ты никуда не торопишься...» и так далее. Такая манера речи напомнила Брайану одного сморчка, ведущего передачи «Мастера сцены», которую его мама всегда смотрела, если в программе было написано, что сегодняшней выпуск будет «про любовь».

– Я, – ответил Гонт, – родом из Экрона.

– Это в Англии?

– Это в Огайо. – Лиланд Гонт обнажил в сияющей улыбке крупные неровные зубы.

Это почему-то рассмешило Брайана – как шутка из комедийного телешоу. Впрочем, все происходящее казалось ему какой-то непонятной телепередачей, немного загадочной, но не страшной. Он рассмеялся.

А потом испугался, что мистер Гонт сочтет это невежливым (может, потому, что мама вечно его упрекала, что он не умеет вести себя вежливо, так что в конце концов Брайан решил, что он живет посреди огромной, хотя и невидимой паутины поведенческого этикета), но через пару секунд старик тоже расхохотался. Они смеялись, глядя друг на друга, и Брайан подумал, что такого приятного дня, каким обещал быть сегодняшний день, на его памяти еще не было.

– Ладно, ты тут пока смотри, – махнул рукой мистер Гонт. – А воспоминаниями обменяемся позже.

И Брайан смотрел. В самой большой витрине было выставлено всего пять предметов, хотя места хватило бы еще на двадцать – тридцать. Там была курительная трубка; потом – фотография Элвиса Пресли в красном шарфе и знаменитой белой куртке с тигром на спине. Король (так его всегда называла мама) держал у своих пухлых губ микрофон. Еще там были фотоаппарат «Полароид»; кусок полированного камня с дырочкой посередине, заросшей внутри кристаллами. В свете лампы они переливались и мерцали. И наконец, там была какая-то деревянная щепка размером примерно с палец Брайана.

Он указал на кристалл.

– Это жеод, правильно?

– Ты хорошо образованный молодой человек, Брайан. В самую точку попал. Вообще-то для всех вещей у меня есть свой ярлычок, но они еще не распакованы – как и большая часть товара. Придется как следует потрудиться сегодня, чтобы приготовиться к завтрашнему открытию. – Но по голосу старика было совсем незаметно, что он так уж сильно переживает за завтрашнее открытие. Он явно не торопился срываться с места и распаковывать ящики.

– А это что? – спросил Брайан, указывая на щепку. Про себя он подумал, что для магазинчика в маленьком городке это был очень странный товар. Сам Лиланд Гонт ему очень понравился, но если все остальные штуки в его магазине будут такого же типа, то его бизнес долго здесь не протянет. Если вам вздумалось продавать старые трубки, фотографии Короля или деревянные щепки, то лучше всего было бы открывать магазин в Нью-Йорке... во всяком случае, судя по фильмам.

– А! – воскликнул мистер Гонт. – Вот это действительно интересная штука! Давай я тебе покажу!

Он прошел через комнату, обошел прилавок, достал из-под стойки кольцо, обвешанное ключами, и сразу же нашел нужный. Открыв витрину, он осторожно вынул щепку.

– Протяни руку, Брайан.

– Ой, а может, не надо? – спросил Брайан. Прожив всю жизнь в штате, который существовал в основном за счет туризма, он побывал в самых разных сувенирных лавках и видел немало плакатов с такими стишками: «Отличного вида, взять в руки приятно, но если сломаешь, то платишь. Понятно?» Он представлял себе, как отреагирует мама, если он случайно сломает щепку – или что это было, – а мистер Гонт, уже не такой дружелюбный, скажет, что эта штукавина стоила пятьсот долларов.

– Почему же нет? – Мистер Гонт удивленно приподнял брови. Лохматые и сросшиеся на переносице, так что, наверное, можно было сказать, что он приподнял *одну* бровь.

– Ну, я такой неуклюжий...

– Не говори ерунды, – возразил мистер Гонт. – Я неуклюжих за милую вижу. Ты не такой. – И он уронил щепку в ладонь Брайана. Брайан уставился на свою руку с искренним удивлением, он даже не знал, что его ладонь вообще раскрыта, пока не увидел лежащую на ней щепку.

На ощупь она была больше похожа на камень...

Брайан неуверенно взглянул на мистера Гонта:

– Похоже на камень...

– Это *и* дерево, *и* камень, – ответил тот. – Окаменевшее дерево.

– Окаменевшее, – зачарованно повторил Брайан. Он повнимательнее пригляделся к щепке и провел пальцем по краю. Поверхность была мягкая и одновременно рельефная. Почему-то ощущение было не из приятных. – Она, наверное, очень старая.

– Ей больше двух тысяч лет, – кивнул мистер Гонт.

– Бли-и-ин! – воскликнул Брайан, подскочив на месте и чуть не выронив щепку. Он сжал кулак, чтобы удержать ее... и вдруг его охватило чувство какой-то нечеткости и расплывчатости. Не головокружение, нет. Но все вдруг стало таким *далеким*. Будто его сознание покинуло тело и унеслось куда-то вдаль.

Он видел мистера Гонта, наблюдавшего за ним с интересом и смехом в глазах. Только его глаза почему-то казались размером с блюдце. Хотя это чувство полной дезориентации было совсем не страшным; это было даже интересно и уж точно – лучше, чем ощущения от скользкого куска дерева.

– Закрой глаза! – попросил мистер Гонт. – Закрой глаза и скажи, что ты чувствуешь!

Брайан так и сделал. Какое-то время он стоял, замерев на месте и вытянув перед собой правую руку, сжимавшую кусок окаменевшего дерева.

Он не видел, как мистер Гонт приподнял верхнюю губу, на секунду оскалив большие неровные зубы, – в гримасе удовольствия или предвкушения. У него было смутное ощущение движения – спирального движения. Звук быстрый и легкий: тутуд... тутуд... тутуд... Он знал этот звук. Это...

– Корабль! – радостно закричал он. – Мне кажется, будто я на корабле.

– Совершенно верно, – согласился мистер Гонт.

Его голос доносился до Брайана сквозь невообразимую даль.

Все его чувства разом обострились; теперь он чувствовал, как вздымается и опускается его корабль вслед за ленивыми волнами. Издалека доносился птичий гомон, а совсем рядом были слышны голоса животных – мычание коров, кукареканье петухов, низкий, утробный рык очень большой кошки, выразивший скорее скуку, чем ярость. Потом он почти физически ощутил дерево (дерево, частью которого, без сомнения, когда-то была эта щепка, зажатая у него

в руке) под ногами – и он понял, что его ноги обуты уже не в баскетбольные кроссовки, а в легкие сандалии, и...

А потом все кончилось, свернувшись в одну яркую точку, как изображение на экране телевизора, когда отключается электричество. Брайан, потрясенный и опустошенный, открыл глаза.

Рука мертвой хваткой вцепилась в щепку и никак не хотела разжиматься. А когда он все-таки разжал руку, суставы пальцев захрустели, как старые дверные петли.

– Вот это да! – тихо выдохнул он.

– Здорово, согласишься? – спросил мистер Гонт довольным голосом, выживая щепку из ладони Брайана, как доктор – занозу. Потом он вернул ее в витрину и запер стеклянную дверцу.

– Еще бы, – кивнул Брайан и глубоко вздохнул. Он покосился на щепку в витрине – руку все еще слегка покалывало. Эти ощущения – качка, подъемы и спуски палубы, мерное бормотание волн, дерево под ногами – намертво врезались в память, хотя он боялся (и ему было по-настоящему грустно), что все это пройдет, как проходят сны.

– Ты знаешь историю Ноя и его ковчега? – спросил мистер Гонт.

Брайан нахмурился. Он был уверен, что это история из Библии, но во время воскресных служб в церкви и на занятиях по закону Божьему по четвергам он имел обыкновение отключаться.

– Это не тот корабль, который должен был проплыть вокруг света за восемьдесят дней? – уточнил он.

Мистер Гонт опять улыбнулся.

– Что-то вроде того, Брайан. Что-то вроде того. Так вот, эта щепка скорее всего с Ноева ковчега. Естественно, я не могу заявить, что эта вещица *действительно* с Ноева ковчега, потому что тогда все подумают, что я бесстыжий обманщик. Сейчас в мире найдется, наверное, тысячи четыре человек, которые пытаются продавать куски дерева, утверждая, что это – обломки Ноева ковчега, и, наверное, тысяч четыреста человек, которые торгуют кусками «истинного креста, на котором распяли Иисуса». Но я *могу* утверждать, что этой деревяшке больше двух тысяч лет, потому что это определено радиоуглеродным анализом, и я *могу* утверждать, что ее привезли из Святой Земли, хотя нашли не на горе Арарат, а на горе Борам.

Большую часть этой тирады Брайан пропустил мимо ушей, кроме самого главного.

– Две тысячи лет, – выдохнул он. – Вот это да! А вы уверены?

– Я уверен. У меня есть сертификат из МТУ³, там сделали радиоуглеродную датировку; и этот сертификат, естественно, прилагается. Но знаешь, я действительно верю, что он *может быть* с Ковчега. – Мистер Гонт задумчиво посмотрел на щепку, а потом поднял свои блестящие голубые глаза, поймав взгляд Брайана. Тот зачарованно слушал. – В конце концов гора Борам находится менее чем в тридцати километрах от Арарата, а в истории мира допущено много ошибок, причем относительно куда более важных вещей, чем место последнего упокоения какого-то корабля. И особенно – за то время, когда историю еще не записывали на бумаге, а передавали из уст в уста. Я прав?

– Вообще-то звучит логично, – согласился Брайан.

– И к тому же эта окаменелость, если взять ее в руки, порождает довольно странные ощущения, ты не находишь?

– Это уж *точно*.

Мистер Гонт улыбнулся и взъерошил волосы мальчика, разрушая чары.

– Ты мне нравишься, Брайан. Я бы хотел, чтобы все мои покупатели были такими, как ты, – открытыми для чудес. Жизнь скромного торговца была бы намного проще, будь мир устроен именно так.

³ МТУ – Массачусетский технологический университет.

– И за сколько... за сколько вы продаете эту штуковину? – спросил Брайан, указав пальцем на щепку. Палец слегка дрожал. Только сейчас до него начало доходить, как глубоко его затронули эти странные ощущения. Это было похоже на шум океана в ракушке, прижатой к уху, только – трехмерный и со стереозвуком. Ему очень хотелось еще раз подержать деревяшку в руке, но он не знал, как попросить, а сам мистер Гонт ему больше не предлагал.

– Ну, как тебе сказать. – Мистер Гонт подпер кулаком подбородок и плутовато взглянул на Брайана. – С такой вещицей – как и со всем остальным по-настоящему *интересным* товаром – все будет зависеть от покупателя. Что сам *покупатель* захочет мне заплатить. Вот сколько бы *ты* заплатил, Брайан?

– Не знаю. – Брайан подумал, что у него всего-то девяносто один цент, и выдал: – Много!

Мистер Гонт запрокинул голову и захохотал. Брайан вдруг понял: он ошибся, решив, что мистер Гонт весь седой. Теперь он увидел, что у него только слегка посеребрены виски. Наверное, он просто стоял под светильником, и от этого его волосы казались седыми, подумал мальчик.

– Ну ладно, все это было жутко интересно, Брайан, но мне *действительно* надо многое сделать, чтобы успеть к десяти утра завтра, и...

– Конечно, конечно, – воскликнул Брайан, направляясь к выходу, как того требовали хорошие манеры. – Мне тоже пора идти. Извините, что отнял у вас столько времени...

– Нет, нет, нет! Ты меня не так понял! – Мистер Гонт положил руку Брайану на плечо. Брайан осторожно высвободился. Он очень надеялся, что этот жест не выглядел невежливым, но даже если и так, то уже ничего не поделаешь. Рука мистера Гонта была твердой, сухой и почему-то неприятной. На самом деле на ощупь она почти не отличалась от окаменевшего куска дерева, предположительно с Ноева ковчега или откуда там еще. Но мистер Гонт, кажется, и не заметил безотчетного рывка Брайана. Он держался так, будто он сам (а вовсе не Брайан) повел себя неподобающе. – Я просто хотел сказать, что нам стоит приступить к делу. Как я понимаю, нету особого смысла рассматривать то немногое, что я успел разложить: во-первых, их тут совсем мало, товаров, а во-вторых, ты уже видел все самое интересное из того, что расставлено по витринам. Но я-то свой товар знаю даже без описи и могу предложить тебе кое-что интересное. Чего бы *тебе самому* хотелось?

– У-у-у! – протянул Брайан. Ему *столько всего* хотелось, *тысячу* всяких штук. И в этом была вся проблема: когда вопрос ставится так конкретно, трудно – практически невозможно – выбрать что-то одно, чего тебе хочется больше всего.

– Лучше особенно не задумываться о таких вещах, – посоветовал мистер Гонт. Он сказал это лениво, как бы между прочим, но его пронзительно-цепкие синие глаза пристально изучали лицо Брайана. – Если я спрошу прямо: «Брайан Раск, чего ты сейчас хочешь больше всего на свете?» – что ты ответишь? Только быстро, не думай! Первое, что придет в голову!

– Сэнди Куфакса, – выпалил Брайан. Он не знал, что его ладонь была открыта, чтобы поймать щепку с Ноева ковчега, пока деревяшка не оказалась в руке, и он понятия не имел, что он ответит мистеру Гонту, пока не услышал слова, сорвавшиеся с его собственных губ. Но когда он услышал их, он сразу понял, что это была чистая правда.

5

– Сэнди Куфакса, – задумчиво проговорил мистер Гонт. – Как интересно.

– Ну, не *самого* Сэнди Куфакса, – поправился Брайан, – а его бейсбольную карточку.

– «Топпс» или «Флирс»? – уточнил мистер Гонт.

Брайан бы никогда не поверил, если бы ему сказали, что сегодняшний день может быть еще лучше, чем был, но именно так и случилось. Мистер Гонт разбирался в бейсбольных карточках не хуже, чем в окаменевших щепках и жеодах. И это было *по-настоящему* удивительно.

– «Топпс».

– Наверняка тебя интересует карточка того года, когда он был новичком в высшей лиге, – с сожалением сказал мистер Гонт. – Боюсь, что тут я тебе ничем не смогу помочь, но...

– Нет, – перебил его Брайан. – Не пятьдесят четвертого года. Пятьдесят шестого. Вот *ее* мне бы очень хотелось найти. Я собираю коллекцию бейсбольных карточек 1956 года. Сначала папа ее собирал, а потом мне отдал, чтобы я продолжил. Это очень интересно, и из них всего несколько штук по-настоящему дорогие: Эл Калайн, Мел Парнелл, Рой Кампанелла... У меня их уже больше пятидесяти штук. И Эл Калайн тоже есть. Он стоил тридцать восемь долларов. Я даже не помню, сколько газонов выкосил, чтобы купить себе Эла.

– Верю, – улыбнулся мистер Гонт.

– Ну так вот, большая часть карточек пятьдесят шестого года совсем не дорогие: по пять долларов, семь, иногда десять. Но Сэнди Куфакс в хорошем состоянии стоит девяносто или даже сто баксов. В *том* году он еще не был звездой первой величины, но потом он стал великим игроком, и это было еще тогда, когда «Доджерс» играли за Бруклин. Тогда все звали его Да Бумс. Ну, так мой папа рассказывал.

– Твой папа прав на все двести процентов. Знаешь, Брайан, кажется, у меня есть одна штука, которая очень тебя обрадует. Подожди здесь.

Он скрылся за занавешенной дверью, оставив Брайана возле витрины со щепкой и «Полароидом», из которого торчала фотография Короля. Брайан стоял, переминаясь с ноги на ногу и замирая от безумной надежды и предвкушения. Он убеждал себя не валять дурака: даже если у мистера Гонта была карточка с Сэнди Куфаксом и даже если это была карточка «Топпс» пятидесятых годов, она скорее всего окажется пятьдесят пятого или пятьдесят седьмого года. Но если это окажется пятьдесят шестой год, *ему* от этого будет не легче. У него денег всего ничего – меньше доллара.

Ну, хорошо; но ведь посмотреть на нее я могу? – рассуждал Брайан. *За осмотр денег не берут, правильно?* Это было еще одно любимое изречение его матушки.

Из комнаты за занавесью раздались звуки передвижаемых коробок и мягкий стук, когда они касались пола.

– Минутку, Брайан, – крикнул мистер Гонт. Судя по голосу, он слегка запыхался. – Я помню, тут где-то была обувная коробка...

– Не надо из-за меня беспокоиться, мистер Гонт! – закричал в ответ Брайан, всей душой желая, чтобы мистер Гонт *все-таки* побеспокоился.

– Может, эта коробка еще не пришла? – неуверенно пробормотал мистер Гонт.

У Брайана упало сердце.

Потом:

– Нет, я же помню... ага! Вот она! Точно!

Брайан воспрянул духом. Нет, не просто воспрянул – воспарил.

Мистер Гонт вернулся из-за занавески. Его волосы были слегка растрепаны, а лацкан бордового пиджака был весь в пыли. В руках он держал коробку из-под кроссовок «Air Jordan». Он положил ее на прилавок и снял крышку. Брайан заглянул внутрь. В коробке лежали бейсбольные карточки, каждая – в отдельном пластиковом конвертике: точно такие же, как в специализированном магазине бейсбольных карточек в Северном Конвее, Нью-Хэмпшир, куда Брайан иногда заходил, когда у него были деньги.

– Я думал, тут где-то есть список, но не повезло, – вздохнул мистер Гонт. – Но я все равно хорошо знаю весь свой товар, я уже говорил. Если не помнить, что есть у тебя в ассортименте,

тогда не стоит и заниматься такой вот продажей «всего понемножку». Так вот, я точно помню, что видел...

Он умолк и принялся быстро перебирать карточки.

Брайан следил за мелькающими картинками затаив дыхание. Хозяин магазина бейсбольных карточек имел «целую ярмарку» карточек, по выражению его отца, но содержимое целого магазина меркло перед сокровищами, собранными в этой обувной коробке. Здесь были карточки-вкладыши из пачек жевательного табака с Таем Коббом и Паем Тейнором. Здесь были сигаретные карточки Бейба Рута, и Дома Димаджио, и Большого Джорджа Келлера, и даже Хайрема Диссена, одорукого питчера, игравшего за «Уайт Сокс» в сороковых годах. ЗЕЛЕНЫЙ «ЛАКИ СТРАЙК» УШЕЛ НА ВОЙНУ! – было написано на большинстве сигаретных карточек. А вот, только что мелькнуло: широкое, серьезное лицо, форма «Питтсбурга»...

– Боже мой, это ведь Хонус Вагнер? – выдохнул Брайан. Его сердце трепыхалось где-то в районе горла, словно маленькая птичка, случайно залетевшая в рот и застрявшая в глотке. – Это же самая редкая карточка *во Вселенной!*

– Да, да, – кивнул мистер Гонт с отсутствующим видом. Его длинные пальцы лихорадочно перебирали карточки: лица из другого времени под пластиковыми обложками, люди, которые «загоняли мяч», «попадали в яблочко» и «делали базу», герои великой «золотой эры» бейсбола – эры, которая была для Брайана живой мечтой. – Всего понемножку – вот в чем секрет успешного бизнеса, Брайан. Разнообразие, удовольствие, удивление, исполнение желаний... вот в чем секрет успешной *жизни*, уж если на то пошло... Обычно я не даю советов, но уж если даю, то к ним лучше прислушаться... вот, что-то есть... тут... где-то... *Aga!*

Он вытянул карточку из середины коробки, как фокусник, исполняющий хитрый номер, и торжественно передал ее Брайану.

Это был Сэнди Куфакс.

Карточка «Топпс» 1956 года.

И она была *подписана*.

– «Моему другу Брайану, с наилучшими пожеланиями, Сэнди Куфакс», – прочел Брайан хриплым шепотом.

После чего потерял дар речи.

6

Он смотрел на мистера Гонта, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Мистер Гонт улыбнулся.

– Я не подстраивал этого, правда. Просто совпадение... Но *хорошее* совпадение, согласись?

Брайан по-прежнему не мог выдать из себя ни слова и просто кивнул. Пластиковый конвертик с бесценной карточкой казался невообразимо тяжелым.

– Достань ее, – предложил мистер Гонт.

Когда Брайан снова смог говорить, его голос был больше похож на хрип старого инвалида.

– Я не решусь.

– Ну, зато я решусь. – Мистер Гонт взял у Брайана конвертик, достал карточку, подцепив ее тщательно наманикюренным ногтем, и положил ее на руку мальчику.

Брайан различал мельчайшие неровности на поверхности, продавленные кончиком ручки, которой Сэнди Куфакс написал свое имя... *их имена*. Подпись Куфакса почти не отличалась от напечатанной, только напечатанная гласила: «Сэндфорд Куфакс», а автограф – «Сэнди Куфакс». И она была в тысячу раз лучше, потому что была *настоящей*. Живой Сэнди Куфакс держал эту карточку в руках и оставил на ней свой автограф.

Но и это еще не все. Здесь было еще одно имя – его собственное. Какой-то мальчик, которого тоже звали Брайаном, дождался любимого игрока перед началом матча на пяточке около раздевалки на стадионе «Эббетс-Филд»; и Сэнди Куфакс, *настоящий Сэнди Куфакс*, молодой и сильный – успех и слава еще впереди, – взял протянутую ему карточку, может быть, до сих пор пахнущую жвачкой, и написал на ней свое имя... *и мое тоже*, мысленно добавил Брайан.

Внезапно оно вернулось – то чувство, которое он испытал, когда держал в руках кусок окаменелого дерева. Только на этот раз оно было намного, намного сильнее.

Сладкий запах свежескошенной травы на игровом поле.

Крики и смех из кладовки для бит.

– Здравствуйте, мистер Куфакс, вы не подпишете мне свою карточку?

Узкое лицо. Карие глаза. Темные волосы. Он приподнимает бейсболку, чешет затылок, потом надевает ее обратно.

– Конечно, парень. – Он берет карточку. – Как тебя зовут?

– Брайан, сэр. Брайан Сигвин.

Черк, черк, черк – ручкой по карточке. Волшебство: подпись на пылком воодушевлении. Воплощение мечты.

– Хочешь стать бейсболистом, когда вырастешь, Брайан? – Вопрос явно задан по привычке. Он говорит, не поднимая глаз от карточки, которая лежит на его большой правой ладони, а пишет он левой – той самой левой, которая скоро прославит его на всю страну...

– Да, сэр.

– Тогда тренируйся и больше времени уделяй самым основам. – Он возвращает карточку.

– Да, сэр.

Но он уже уходит, на ленивый бег по мере приближения к скамейке запасных сбиваясь, и рядом с ним бежит его тень...

– Брайан? Брайан?

У него под носом щелкают длинные пальцы – пальцы мистера Гонта. Брайан очнулся от своего видения и увидел довольного мистера Гонта, который внимательно за ним наблюдал.

– Брайан, ты тут?

– Простите. – Брайан покраснел. Он знал, что карточку надо вернуть, но просто не мог выпустить ее из рук. Мистер Гонт смотрел ему прямо в глаза – казалось, он читает его мысли, – и Брайан опять не смог отвести взгляда.

– Итак, – тихо сказал мистер Гонт, – давай представим, Брайан, что ты – *покупатель*. Просто для примера. Сколько бы ты заплатил за эту карточку?

Брайан был просто в отчаянии.

– У меня есть всего...

Мистер Гонт поднял руку.

– Тише! – сказал он строго. – Прикуси язык! Покупатель никогда не должен говорить продавцу, сколько у него денег! Это все равно что вручить ему свой кошелек да еще вывернуть карманы в придачу. Если не можешь врать, просто молчи. Это первое правило честной торговли, мой мальчик.

Его глаза были такими большими и темными... Брайану казалось, что он погружается в них, как в воду.

– За эту карточку нужно платить в два приема. Половина... и половина. Одна половина – это наличные. Другая – поступок. Понимаешь?

– Да, – сказал Брайан. Он снова почувствовал, что уносится куда-то *вдаль* – прочь от Касл-Рока, прочь от «Нужных вещей», даже прочь от себя. И единственной реальностью в этой дали были огромные темные глаза мистера Гонта.

– Оплата наличными за эту карточку Сэнди Куфакса с автографом, 1956 года выпуска, – восемьдесят пять центов. Достаточно честно?

– Да, – выдавил Брайан. Его голос доносился откуда-то издалека, очень слабо. Он чувствовал, что растворяется, уменьшается... и приближается к точке, за которой исчезнет вся ясная память.

– Хорошо, – продолжал мягкий, ласкающий голос мистера Гонта. – До сих пор наша торговля шла замечательно. Насчет поступка... Брайан, ты знаешь женщину по имени Вильма Ержик?

– Вильму? Конечно, знаю! – произнес Брайан сквозь стужающуюся темноту. – Она живет в нашем квартале.

– Да, – сказал мистер Гонт. – Слушай внимательно, Брайан.

Наверное, он продолжал говорить, но Брайан не помнил, что он говорил.

7

Дальше он помнил только, как мистер Гонт ласково выпроваживает его на улицу, и говорит, как ему было приятно с ним познакомиться, и просит рассказать маме и ее подругам, что с ним здесь обошлись честно и вежливо.

– Конечно, – заверил его Брайан. Он был слегка ошарашен... и в то же время чувствовал себя просто отлично, как будто он только что проснулся от послеобеденного сна, выспавшийся и отдохнувший.

– И обязательно заходи еще, – добавил мистер Гонт, закрывая дверь. Брайан взглянул на табличку. Теперь там было написано:

ЗАКРЫТО

8

Брайану казалось, что он провел в «Нужных вещах» целую вечность, но часы над входом в банк показывали только десять минут четвертого. Прошло всего-то минут двадцать. Он собрался сесть на велосипед, но потом навалился животом на руль и запустил руки в карманы.

Из одного он извлек шесть блестящих медных монеток по одному центу.

Из другого – карточку Сэнди Куфакса с автографом.

Очевидно, он все-таки *договорился* с мистером Гонтом, но даже за все сокровища мира он не мог бы вспомнить, *о чем* они договорились – он помнил только, что мистер Гонт упоминал имя Вильмы Ержик.

«Моему другу Брайану, с наилучшими пожеланиями, Сэнди Куфакс».

О чем бы они ни договорились, оно того стоило.

Такая карточка стоила практически *всего*.

Брайан аккуратно запрятал ее в портфель – чтобы не помялась, – забрался на велосипед и быстро погнал к дому. Всю дорогу он улыбался.

Глава вторая

1

Когда в небольшом городке Новой Англии открывается новый магазин, местные жители – которые в большинстве случаев проявляют себя как дремучие провинциалы – демонстрируют такой продвинутой космополитизм, на какой вряд ли способны их столичные родственники. Открытие новой галереи в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе может привлечь разве что кучку вероятных меценатов и просто зевак; при открытии нового клуба может даже собраться очередь, с непременными полицейскими кордонами и выжидающими за занавесами журналистами, вооруженными сумками с аппаратурой и теле- или фотокамерами. Там стоит возбужденный гул, как среди записных театралов перед выходом новой пьесы на Бродвее, которая в любом случае станет причиной для разговоров в узких кругах независимо от того, ждет ли ее ослепительный успех или сокрушительный провал.

Когда в небольшом городке Новой Англии открывается новый магазин, в день открытия редко увидишь толпу у входа, а очередей не бывает вообще никогда. Когда подняты шторы, отперты двери и магазинчик готов принять первых посетителей, потенциальные покупатели и просто любопытствующие зеваки заходят туда с поразительной неохотой... но, как ни странно, подобное первоначальное безразличие гарантированно служит признаком грядущего процветания нового магазина.

За тем, что кажется проявлением полного равнодушия, часто скрываются жадное ожидание и весьма пристальное наблюдение (Кора Раск и Майра Эванс были далеко не единственными, кто забивал телефонные линии Касл-Рока своим возбужденным жужжанием о «Нужных вещах» еще задолго до его открытия). Но живой интерес и лихорадочное ожидание не отменяют консервативного кодекса поведения провинциального покупателя. Есть вещи, которые просто НЕ ПОДОБАЕТ ДЕЛАТЬ, и особенно – в узких анклавах истинных янки к северу от Бостона. Эти сообщества девять месяцев в году практически варятся сами в себе и считают верхом неприличия слишком поспешно выказывать интерес к чужакам, причем по правилам хорошего тона сей интерес должен быть обязательно беглым и как бы поверхностным.

Разведка нового магазинчика в маленьком городке и посещение престижного мероприятия в большом городе – действия, всегда вызывающие неизменный восторг у участников; но и там, и там есть свои правила, негласные, но зато строгие и на удивление похожие. И главное правило: *не быть первым*. Разумеется, кому-то все равно придется его нарушить, иначе вообще никто никуда не пойдет, но новый магазин в провинциальном городе обязательно будет стоять пустым в течение как минимум двадцати минут после того, как табличка ЗАКРЫТО впервые сменится на ОТКРЫТО, а человек знающий может поспорить на что угодно, что первые посетители начнут приходить группками – по двое, трое или четверо одновременно, – и это будут непременно дамы.

Второе правило заключается в том, что покупатели-разведчики демонстрируют крайнюю вежливость, которая граничит с ледяной холодностью. Третье правило таково: никто не должен (по крайней мере в свой первый визит) расспрашивать хозяина магазина о том, кто он, откуда и т. д. Четвертое: ни в коем случае не приносить приветственный подарок и особенно такой банальный, как домашний торт или пирог. Последнее правило столь же непререкаемо, как и первое: *нельзя уходить последним*.

Этот величественный гавот – назовем его «Танцем дамского одобрения» – продолжается от двух недель до двух месяцев и затевается только в том случае, если новый магазин открывает чужак, а не кто-то из местных. Если же это кто-то из местных, тогда открытие похоже на

праздничный церковный ужин – неформальный, приветливый и довольно скучный. Но когда новый торговец приезжает Издалека (это всегда произносится именно так, с большой буквы), «Танец дамского одобрения» неизбежен, как смерть, и неодолим, как земное тяготение. Когда испытательный срок подходит к концу (в газетах об этом не пишут, но почему-то все знают и так), есть два сценария развития дальнейших событий – либо поток клиентов входит в нормальное русло и довольные покупатели приносят хозяину запоздалые приветственные подарки и приглашают его заходить в гости, либо новый бизнес прогорает. В городках типа Касл-Рока местные знают о том, что какое-то предприятие прогорело, за недели и даже за месяцы до того, как это дойдет до его злополучных владельцев.

Но в Касл-Роке была по крайней мере одна женщина, которая не играла по общепринятым правилам, обязательным для остальных. Полли Чалмерс, портниха, владелица швейной мастерской «А мы тут шьем себе потихоньку». Впрочем, от Полли и не ожидали «нормального» поведения; дамы Касл-Рока (да и многие джентльмены тоже) полагали Полли Чалмерс весьма эксцентричной особой.

Для самозванных социальных арбитров Касл-Рока Полли Чалмерс была как заноза в том самом месте, о котором не упоминают в приличном обществе. С одной стороны, никто не мог определить, кто она: местная или Издалека? Да, она родилась и выросла в Касл-Роке, но в восемнадцать лет сбежала из дому с подарочком от Дюка Шиэна в утробе. Это случилось в 1970 году, и перед тем как окончательно вернуться в 1987-м, она побывала в Касл-Роке всего один раз.

Это было в конце 1975-го, когда отец Полли умер от рака. Сразу же после смерти мужа Лоррейн Чалмерс слегла с сердечным приступом, и Полли осталась смотреть за матерью. Лоррейн перенесла второй приступ – на этот раз смертельный – в начале весны 1976-го, и после похорон матери Полли (которая, по мнению городских женщин, стала такой «непонятно-загадочной») снова уехала неизвестно куда.

Оно и к лучшему – таково было всеобщее мнение, а когда в 1981 году умерла последняя из Чалмерсов, старая тетушка Эвви, и Полли даже не сподобилась приехать на похороны, все решили, что она уже никогда не вернется. Однако через четыре года она *вернулась* и открыла швейное ателье. Скорее всего на деньги своей тетки Эвви, хотя никто не знал этого достоверно. Но с другой стороны, кому еще, кроме Полли, эта выжившая из ума старуха могла завещать все свое добро?

Самые ярые знатоки *человеческой комедии* (а таких в городе было большинство) даже не сомневались, что, если Полли добьется успеха в своем предприятии и останется в городе, почти все ее тайны со временем будут раскрыты. Но не тут-то было. В случае Полли прошлое так и осталось покрыто мраком. И это тоже бесило городских кумушек.

Она провела несколько лет в Сан-Франциско – вот все, что им удалось разузнать. Лоррейн Чалмерс держала язык за зубами, когда разговор заходил о ее беглянке-дочери. Училась ли Полли где-нибудь? Она вела свое дело так, как будто с отличием окончила специальные бизнес-курсы, но опять же никто не знал наверняка. Она была не замужем, когда приехала в Касл-Рок, но побывала ли она замужем в Сан-Франциско или в каком-нибудь другом городе за период между «тогда» и «сейчас»? Этого тоже никто не знал. Достоверно было известно только одно: за того парня, который заделал ей ребенка, Шиэна, она так и не вышла – он записался в морские пехотинцы, несколько раз приезжал домой и теперь торгует недвижимостью где-то в Нью-Хэмпшире. И вообще, почему после стольких лет она решила вернуться?!

Но больше всего городских кумушек интересовала история с ребенком. Неужели красотка Полли сделала аборт? Или все-таки родила и отдала ребенка на усыновление? Или решила оставить маленького себе? Но если так, то где он теперь? Может быть, умер еще младенцем? Или он (а может, вовсе не он, а *она*!?) сейчас жив/жива, учится где-нибудь в школе и время от времени пишет письма матери? Никто ничего не знал, и это тоже дико раздражало.

Беременная незамужняя девочка, уехавшая на автобусе неизвестно куда, теперь превратилась в женщину около сорока, которая вернулась назад, в родной город, и уже четыре года живет здесь и занимается бизнесом, но даже пол ребенка, ставшего в свое время причиной ее побега, по-прежнему остается загадкой.

Чуть позже Полли Чалмерс предоставила городским обывателям очередное подтверждение своей эксцентричности, если подобные подтверждения были еще нужны: она завела дружбу с Аланом Пангборном, шерифом округа Касл, а ведь прошло только полтора года с тех пор, как шериф Пангборн похоронил жену и младшего сына. Такое поведение было еще не скандальным, но на *эксцентричное* вполне тянуло. Вот почему никто не удивился, когда утром девятого октября, а именно в две минуты одиннадцатого, Полли Чалмерс вышла на улицу и бодро промаршировала от своего ателье до «Нужных вещей». Никто не удивился даже тому, что она несла в руках жестяной контейнер, в котором мог быть только пирог.

Это было *вполне в ее духе*, как потом согласились кумушки.

2

Витрину «Нужных вещей» уже отмыли от белых подтеков, и в ней красовалось около дюжины самых разных штукovin: часы, серебряная рамка, картина, чудный триптих, так и ждущий, чтобы кто-то вставил в него фотографии своих близких. Полли с одобрением взглянула на эти вещи и подошла к двери, на которой уже висела табличка ОТКРЫТО. Полли толкнула дверь, и у нее над головой мелодично звякнул маленький колокольчик – установленный уже после того, как в магазине побывал Брайан Раск.

Внутри пахло новым ковровым покрытием и свежей краской. Магазин был залит солнечным светом, и, как только Полли перешагнула порог, ей вдруг пришла вот такая мысль: *Здесь еще не было ни одного покупателя, кроме меня, но здесь уже чувствуется успех. Замечательно.* Подобные скоропалительные суждения были ей совершенно не свойственны, равно как и ощущение мгновенного одобрения, но сейчас это казалось вполне нормальным.

Хозяин – высокий мужчина – что-то рассматривал в одном из стеклянных шкафов. Услышав звон колокольчика, он поднял взгляд.

– Привет, – сказал он.

Полли была уверенной в себе и практичной женщиной, которая знала себе цену, но когда она встретилась взглядом с этим незнакомцем, она испытала мгновенное замешательство, и это само по себе смущало.

Я его знаю – это было первое, что она подумала, когда прошло это странное наваждение. *Я его видела раньше. Но где?*

Нет, не видела. Это знание – эта уверенность – пришло мгновением позже. *Это, наверное, дежа-вю*, решила Полли, чувство ложного узнавания, которое время от времени возникает у каждого и сбивает тебя с толку именно в силу своей странной двойственности, потому что оно одновременно и нереально, и прозаично.

Она на мгновение замедлила шаг и неуверенно улыбнулась в ответ. Потом она поудобнее перехватила ручку контейнера с пирогом, и острая боль двумя молниями пронзила ладонь и запястье. Такое впечатление, что в самой ее плоти вдруг выросли зубья большой металлической вилки. Это опять разыгрался артрит, и боль была адской, но сейчас Полли даже порадовалась очередному приступу, потому что он заставил ее сосредоточиться. Полли заговорила вроде бы без заметной паузы... хотя, почему-то подумалось ей, этот мужчина все равно *мог* заметить. Его блестящие карие глаза, казалось, многое подмечали.

– Привет, – сказала она. – Меня зовут Полли Чалмерс. Я хозяйка маленького швейного ателье по соседству. Я подумала, раз уж мы с вами соседи, то, может, мне стоит зайти поздороваться до того, как сюда хлынет поток покупателей.

Он улыбнулся, и его лицо как будто просветлело. Полли вдруг поняла, что улыбается ему в ответ, хотя ее левая рука по-прежнему горела огнем. *Если бы я не любила Алана*, решила она, *я влюбилась бы в этого человека вот прямо сейчас и без памяти*. «Покажи мне, где ложе, Хозяин, я покорно пойду за тобой». Словно озорной чертенок, проскочила мысль: интересно, а сколько дамочек, которые еще заглянут сюда сегодня, заимеют на него виды? Она заметила, что у него нет обручального кольца; это лишь разожжет огонь в сомлевших сердцах.

– Рад познакомиться с вами, мисс Чалмерс. А я Лиланд Гонт. – Он подошел к ней, протянул правую руку для рукопожатия и едва заметно нахмурился, когда она шагнула назад.

– Простите меня, – объяснила Полли. – Но я не здороваюсь за руку. Не сочтите меня невоспитанной. Просто у меня артрит. – Она поставила жестянку с тортом на ближайшую витрину и подняла руки, затянутые в лайковые перчатки. Самые обыкновенные руки, разве что чуточку искривленные, как будто сведенные судорогой, и левая чуть больше правой.

В городе были женщины, которые полагали, что Полли даже гордится своей болезнью – а иначе с чего бы она так охотно ее демонстрирует? На самом деле все было наоборот. Хотя Полли ни в коем случае не была тщеславной, она все же заботилась о своей внешности и стеснялась своих изуродованных кистей. Если она их показывала кому-то, то показывала очень быстро и сразу же убирала, и каждый раз у нее мелькала мысль, настолько мгновенная, что даже сама Полли не всегда успевала ее уловить: *Ну вот. С этим закончили. Теперь можем нормально поговорить*.

Обычно люди проявляли неловкость или смущение, когда она показывала свои руки. Но Гонт повел себя совершенно неожиданно. Он схватил ее запястья и осторожно пожал их, хотя чувствовалось, что у него очень сильные руки. Для первой встречи подобное поведение могло бы показаться неподобающе фамильярным, но Полли оно почему-то не возмутило. Пожатие было дружеским, теплым и уважительным. Но самое главное – кратким. Его руки были какими-то слишком сухими. Это чувствовалось даже сквозь ткань ее легкого пальто и было неприятно.

– Трудновато, должно быть, работать в швейном ателье с таким-то недугом. Как вы справляетесь?

Редко кто из знакомых задавал Полли этот вопрос, и никто – за исключением Алана – не задавал его с такой откровенной прямоотой.

– Пока могла, я занималась шитьем полный день, – ответила она. – Как говорится, стиснуть зубы и терпеть. Теперь у меня под началом работает дюжина девушек на полставки, а я сама в основном придумываю модели или делаю выкройки. Но когда у меня ничего не болит, я с удовольствием шью. – Это была ложь, но Полли решила, что в ней нет никакого вреда, потому что последнюю фразу она произнесла скорее для собственного успокоения.

– Я очень рад, что вы зашли. Признаюсь вам по секрету: у меня очень запущенный случай болезни, которую называют мандраж. Знаете, как у актеров перед выходом на сцену. И особенно перед первым появлением перед аудиторией.

– Да? Почему? – Полли всегда настороженно относилась к людям и не доверяла первому впечатлению, поэтому ее весьма удивило – и даже немного встревожило – то, что она так легко и естественно общается с человеком, которого видит первый раз в жизни, и при этом чувствует себя так, как будто они знакомы уже давно.

– Я боюсь, что никто не придет. За весь день – ни одного человека.

– Они придут, – уверила его Полли. – Всем интересно, что у вас тут продается. Название «Нужные вещи», оно непонятное и загадочное. Поэтому всем любопытно. Но самое главное даже не ваши товары... Они придут поглазеть на *вас*. Просто в таком небольшом городке, как наш Касл-Рок...

– ...никто не торопится проявить чрезмерное рвение, – закончил он за нее. – Я знаю, мне уже приходилось работать в маленьких городах. Умом-то я понимаю, что вы на сто процентов правы, но другой голос... знаете, там, в глубине души... все шепчет и шепчет: «Никто

не придет. Нет, Лиланд, никто не придет, вот увидишь. Они будут *толпами* проходить мимо, но внутрь никто не заглянет».

Она рассмеялась, вспомнив свои точно такие же страхи перед открытием ателье.

– А это что? – спросил он, коснувшись рукой жестяного контейнера. Полли – как и Брайан Раск накануне – заметила одну странность: средний и указательный пальцы у Гонта были одной длины.

– Это торт. Для вас. И насколько я знаю наш славный маленький городок, больше сегодня тортов-пирогов не будет.

Гонт улыбнулся ей, явно польщенный.

– Спасибо. Большое спасибо вам, мисс Чалмерс. Я тронут.

И Полли, которая никогда не предлагала называть ее по имени при первой встрече и даже при коротком знакомстве (и которая всегда с подозрением относилась ко всем, кто порывался называть ее по имени, не получив на то разрешения, – агентам по продаже недвижимости, страховым агентам, продавцам подержанных машин), вдруг с изумлением услышала собственный голос:

– Раз уж мы с вами соседи, называйте меня просто Полли.

3

– Торт, наверное, дьявольски вкусный, – радостно констатировал Лиланд Гонт, приподняв крышку контейнера и вдохнув аромат. Он попросил Полли остаться и попробовать кусочек. Полли начала отказываться. Гонт настаивал.

– У вас есть кому присмотреть за ателье, – сказал он, – а ко мне никто не заглянет еще добрых полтора часа – надеюсь, полутора часов хватит для соблюдения этикета и протокола? К тому же у меня еще столько вопросов об этом городе.

В общем, она согласилась. Гонт исчез за занавешенной дверью. Было слышно, как он поднялся по лестнице на второй этаж – скорее всего к себе в квартиру – за вилками и тарелками. Пока Полли его дожидалась, она решила осмотреться.

На стене рядом с входной дверью висела табличка, извещавшая, что магазин работает с десяти до пяти по понедельникам, средам, пятницам и субботам. По вторникам и четвергам он будет закрыт для всех, кроме «специально приглашенных», и так до конца весны – или, как подумала Полли, улыбнувшись про себя, – пока сюда не понаедут эти бешеные туристы и отдыхающие с пачками денег в карманах.

Она решила, что «Нужные вещи» скорее всего можно назвать лавкой редкостей. *Шикарной* лавкой редкостей, признала она после беглого осмотра, но, приглядевшись, решила, что все не так просто.

Товары, выставленные в витринах вчера, когда сюда заходил Брайан – кристалл жеода, «Полароид» со снимком Элвиса Пресли, пара-тройка других вещичек, – остались на своих местах, но к ним добавилось еще с полсотни других. На свежесмытой стене висел небольшой ковер, который стоил, наверное, целое состояние: турецкий и очень-очень старый. В одном из стеклянных шкафов была выставлена целая коллекция оловянных солдатиков – возможно, старинных, – хотя Полли знала, что *все* оловянные солдатикки смотрятся старинными, даже если они отлиты в Гонконге в прошлый понедельник.

Набор представленных в магазине вещей был чрезвычайно разнообразен. Между фотографией Элвиса – которая в глазах Полли ничем не отличалась от тысяч подобных безделок, продающихся на ярмарках по всей Америке по пять долларов штука, – и исключительно неинтересным флюгером в виде белоголового орлана, национальной эмблемы Америки, стоял витражный плафон, который, судя по всему, стоил никак не меньше восьмисот долларов, а то и всю тысячу. На битый невзрачный чайник опирались две очаровательные французские куколочки

из тончайшего фарфора, и Полли даже представить себе не могла, сколько стоят эти восхитительные малышки с чудесными румяными щечками и подвязанными панталончиками.

Чего там только не было! Подборка бейсбольных и табачных карточек, ворох дешевых журналов тридцатых годов («Странные рассказы», «Поразительные рассказы», «Ужасные и удивительные истории»), настольный радиоприемник пятидесятых годов того отвратительно блекло-розового оттенка, который в то время был в моде и получил повсеместное одобрение, когда дело касалось раскраски бытовых приборов, если уж не политики.

Рядом с некоторыми товарами – хотя и не со всеми – стояли пояснительные таблички: ТРЕХКРИСТАЛЬНАЯ ЖЕОДА, АРИЗОНА. НАБОР РАЗВОДНЫХ КЛЮЧЕЙ. На табличке рядом со щепкой, так поразившей воображение Брайана, было написано: ОКАМЕНЕЛОЕ ДЕРЕВО СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ. Табличка перед коллекционными карточками и журналами сообщала: О НАЛИЧИИ ОСТАЛЬНЫХ СПРАШИВАЙТЕ У ПРОДАВЦА.

Полли заметила одну странность: ни на одном из товаров, выставленных в витринах, будь то действительно ценная вещь или явный кандидат на свалку, не было ярлыка с ценой.

4

Гонт вернулся с двумя тарелочками – это были обычные старые корнинговские тарелки, ничего особенного, – ножом для торта и двумя вилками.

– У меня там такой беспорядок, самому страшно, – признался он, снимая крышку контейнера и убирая ее в сторону (Полли отметила, что он перевернул ее крышкой вниз, чтобы на дубовом столе не осталось влажное кольцо). – Как только я все тут налажу, сразу начну искать дом, но пока что придется пожить наверху, над магазином. Я пока не разобрал свои вещи, у меня все в коробках. Ох, как я ненавижу эти коробки. И кто только...

– Ой, нет, – воскликнула Полли. – Я столько не съем.

– Хорошо, – с улыбкой согласился Гонт, укладывая толстый кусок шоколадного торта на одну из тарелок. – Этот тогда будет мой. Кушай, кисонька, кушай! Столько вам хватит?

– Еще тоньше.

– Тоньше уже не могу, – сказал Гонт, отрезая узкую дольку. – Пахнет божественно. Еще раз большое спасибо, Полли.

– На здоровье.

Торт действительно распространял божественные ароматы, и Полли была не из тех, кто изнуряет себя диетой, однако ее первоначальный отказ остаться и составить компанию Гонту был продиктован не просто вежливостью. Последние три недели в Касл-Роке стояло роскошное бабье лето, но в понедельник похолодало, и это резкое похолодание немилосердно отразилось на ее руках. Боль в суставах скорее всего утихнет, когда руки привыкнут к холоду (по крайней мере она очень надеялась, что именно так и будет, потому что так было и в прошлом году, и в позапрошлом... но Полли не могла не видеть, что с каждым годом болезнь прогрессирует), сегодня с утра боль была просто адской. Во время таких вот приступов она никогда не знала, что смогут, а чего не смогут сделать ее руки-предательницы, и ее отказ попробовать торт вместе с Гонтом был продиктован исключительно неуверенностью и боязнью попасть в неловкое положение.

Она сняла перчатки и для пробы согнула руку в запястье. Боль пронзила предплечье от локтя до ладони, как голодный клинок. Полли стиснула зубы и снова согнула руку. Опять было больно, но уже не так сильно. Полли немного расслабилась. Все будет в порядке. Не так хорошо, как хотелось бы, но приемлемо. Она осторожно взяла свою вилку, стараясь как можно меньше сгибать пальцы. Отправив в рот первый кусок, она заметила, что Гонт смотрит на нее с сочувствием. *Ну вот, сейчас он будет меня жалеть, мрачно подумала она, и расскажет, какой кошмарный артрит был у его бабушки. Или бывшей жены. Или еще у кого-нибудь.*

Но Гонт не стал ее жалеть. Он откусил кусок торта и комично вытаращил глаза.

– Бросайте это ваше шитье и штопку! Вам надо открыть ресторан.

– О, это не я пекла, – смущенно ответила Полли, – но я передам ваш комплимент Нетти Кобб. Это моя домработница.

– Нетти Кобб, – задумчиво повторил Гонт.

– Да... вы ее знаете?

– Да нет, вряд ли. – Лиланд Гонт произнес это с видом человека, который витал где-то в мыслях и которого внезапно вернули в реальный мир. – В Касл-Роке я никого не знаю. – Он взглянул на Полли с хитринкой в глазах. – А есть шансы переманить ее к себе?

– Никаких шансов! – рассмеялась Полли.

– Я хотел вас расспросить про местных агентов по недвижимости. Кто из них, по-вашему, достоин доверия?

– Ой, они все тут жулики, но Марк Хоупвелл, пожалуй, самый приличный.

Гонт захохотал, прикрыв рот рукой, чтобы случайно не оплевать Полли крошками. Потом он закашлялся, и если бы у нее не болели руки, она бы похлопала его по спине. Пусть они познакомились только сегодня, но этот человек ей определенно *правился*.

– Простите, – сказал он, откашлявшись, – все они жулики, вы сказали?

– Все как один.

Если бы Полли сама не была такой скрытной в отношении своего прошлого, она непременно начала бы задавать вопросы. Зачем он приехал в Касл-Рок? Где он жил до того, как приехать сюда? Сколько он собирается здесь оставаться? Была ли у него семья? Но она была вовсе не любопытна, и поэтому ее вполне устраивало, что она отвечает на его вопросы, а не задает вопросов ему... тем более что его вопросы не касались ее, Полли Чалмерс. Он расспрашивал ее о городе, о том, много ли здесь машин зимой и где можно купить небольшую жаровню, о ценах на страховки и о других совершенно нейтральных вещах. Кое-что из того, что она говорила, Гонт аккуратно записывал в черный кожаный блокнот, который достал из кармана своего синего блейзера.

Полли взглянула на тарелку и с удивлением обнаружила, что съела весь свой кусок торта. Руки все еще болели, но меньше, чем когда она пришла. Она вспомнила, что чуть было не раздумала заходить в магазин – такой сильный был приступ. И теперь она была рада, что все-таки не передумала.

– Мне пора, – сказала она, взглянув на часы. – А то Розали решит, что я умерла.

Гонт составил пустые тарелки одна на другую, сложил сверху вилки и накрыл контейнер крышкой.

– Я верну его, как только доем торт. Хорошо?

– Ну разумеется.

– То есть еще до обеда.

– Ну, не надо уж *так* торопиться, – сказала Полли. Гонт проводил ее до дверей. – Очень приятно было познакомиться.

– Спасибо, что зашли.

На мгновение Полли показалось, что Гонт собирается взять ее за руку, и ее охватило смятение при одной только мысли об этом прикосновении (она сама понимала, что это глупо, и тем не менее смутилась), но он не стал этого делать.

– Честно сказать, я слегка опасался за сегодняшний день, но благодаря вам он превратился в настоящее удовольствие.

– У вас все будет в порядке. – Полли открыла дверь и... остановилась на пороге. Она ничего не спросила про него самого, но одна вещь ее все-таки удивила, даже *слишком* удивила, и она не могла уйти, не удовлетворив своего любопытства. – У вас тут столько интересных вещей...

– Спасибо.

– ...но ценников нет. Почему?

Гонт улыбнулся:

– Это такой небольшой каприз. Я всегда думал, что в торговле самое главное – именно торговаться. Наверное, в прошлой жизни я был торговцем коврами на Ближнем Востоке. Скорее всего в Ираке, хотя в наши дни не следует говорить подобных вещей.

– То есть вы назначаете цену в зависимости от состояния рынка? От спроса там и тому подобное? – спросила она, чуть поддразнивая.

– Можно сказать и так, – серьезно согласился он, и Полли опять потрясла глубина его карих глаз, таких красивых и таких странных. – Но тут дело даже не в спросе, а в том, насколько вещь необходима. Насколько она нужна.

– Понятно.

– Серьезно?

– Ну... кажется, да. Это объясняет название магазина.

Гонт улыбнулся.

– Может, и так. Может, и так.

– Ну что ж, желаю вам очень хорошего дня, мистер Гонт...

– Лиланд, пожалуйста. Или просто Ли.

– Хорошо, Лиланд. И не волнуйтесь насчет покупателей. Я думаю, к пятнице вам придется нанимать охранника, чтобы выпроваживать их под закрытие.

– Да что вы! Это было бы мило.

– До свидания.

– *Чао*, – сказал он и закрыл за ней дверь.

Пару секунд он постоял у двери, наблюдая за тем, как Полли Чалмерс идет по улице, поправляя перчатки на своих несчастных больных руках. Эти измученные, страдающие руки находились в явном – и даже слегка жутковатом – контрасте с самой Полли, такой красивой и ладной. Гонт улыбнулся. Но это была очень странная улыбка, недобрая и неприятная. А когда уголки его губ поползли назад, обнажая неровные зубы, она стала и вовсе хищной.

– Ты подойдешь, – сказал он в пустоту магазина. – Ты замечательно подойдешь.

5

Предсказание Полли сбылось. К концу дня почти все женщины Касл-Рока – то есть те, чье мнение хоть что-то значит, – и даже несколько мужчин хоть на секундочку, да заглянули в «Нужные вещи». Большинство из них первым делом спешили уверить Гонта, что они жутко торопятся и забежали всего на минутку.

Стефания Бонсан, Синтия Роуз Мартин, Барбара Миллер и Франсин Пелетье были первыми: Стеффи, Синди Роуз, Бабз и Франси явились все вместе – как говорится, тесным и дружным коллективом – уже минут через десять после ухода Полли (молва о ее посещении нового магазина распространилась со скоростью звука и по телефону, и по весьма эффективному «кустарниковому телеграфу», который успешно действует во всех маленьких городках Новой Англии, где у всякого дома есть садик и задний двор).

Подруги смотрели. Охали и ахали. Они с порога уведомили Гонта, что, к сожалению, заглянули совсем ненадолго, потому что сегодня они играют в бридж (не упоминая о том, что никто никогда не садится за еженедельный роббер раньше двух пополудни). Франси спросила, откуда приехал Гонт. Он ответил: Экрон, Огайо. Стеффи спросила, давно ли он занимается антикварным бизнесом. Гонт ответил, что это не совсем антикварный бизнес. Синди спросила, сколько времени мистер Гонт живет в Новой Англии. Довольно давно, сказал Гонт, довольно давно.

Уже потом вся четверка сошлась во мнении, что магазин, безусловно, очень интересен – столько странных вещей! – но интервью с мистером Гонтом трудно назвать успешным. Этот тип был таким же скрытым, как Полли Чалмерс, если не круче. Бабз еще раз указала на то, что они все уже знали (или думали, что знали): что именно Полли первой из всех зашла в новый магазин и что она *принесла торт*. Может быть, размышляла Бабз вслух, она знала мистера Гонта... еще с Тех Времени, которые провела *Вдалеке*.

Синди Роуз заинтересовалась вазой из прозрачного стекла и спросила мистера Гонта (который всегда находился поблизости, но не болтался под ногами и не навязывался потенциальным покупателям, как с одобрением отметили все), сколько он за нее просит.

– А сколько бы вы заплатили? – спросил он с улыбкой.

Она кокетливо улыбнулась в ответ.

– О, значит, вы *вот как* ведете дела, мистер Гонт?

– Именно так, – был ответ.

– А вы не боитесь убытков, ведь янки умеют поторговаться? – спросила Синди Роуз. Остальные с живым интересом наблюдали за происходящим, как зрители на финальном матче Уимблдонского турнира.

– Нет, не боюсь. – Его голос был по-прежнему дружеским, но в нем появились мягкие нотки вызова.

Синди Роуз внимательнее пригляделась к вазе. Стеффи Бонсан что-то прошептала ей на ухо. Синди Роуз кивнула.

– Семнадцать долларов, – заявила он. Вообще-то ваза тянула на все пятьдесят, а в бостонских антикварных магазинах ее бы оценили в сто восемьдесят, и не меньше.

Гонт сжал пальцами подбородок. Брайан Раск узнал бы этот жест.

– Я рассчитывал получить за нее никак не меньше сорока пяти, – сказал он с некоторым сожалением.

У Синди Роуз заблестели глаза: тут было, что ловить. Ваза сама по себе не особенно заинтересовала ее вначале; это была лишь уловка – возможный ключик, чтобы разговорить молчаливого и загадочного мистера Гонта. Но теперь, присмотревшись, Синди Роуз обнаружила, что это действительно прелестная вещица, идеально подходящая к ее гостиной. Кайма из цветов вокруг тонкого горлышка точь-в-точь подходит под цвет обоев. Пока Гонт не назвал цену, лишь на йоту превышающую ее возможности, она и не осознавала, как сильно ей хочется заиметь эту вазу.

Она посоветовалась с подругами.

Пока они шептались, Гонт наблюдал за ними с мягкой улыбкой.

Над дверью звякнул колокольчик, и в магазин вошли еще две женщины.

Начался первый рабочий день «Нужных вещей».

6

Когда через десять минут клуб любителей бриджа с Эш-стрит покинул «Нужные вещи», Синди Роуз Мартин несла в руках бумажный пакет. В нем лежала стеклянная ваза, аккуратно завернутая в упаковочную бумагу. Синди Роуз отдала за вазу почти всю свою наличность – тридцать один доллар плюс налог, – но была так довольна, что чуть ли не мурлыкала.

Обычно после таких спонтанных покупок она ужасно злилась на себя, уверенная, что ее обсчитали, а то и вообще злобно надули, – но только не в этот раз. *Эту* сделку она обстряпала на высшем уровне. Мистер Гонт даже попросил ее зайти через несколько дней, сказав, что у него есть пара к этой вазе и она прибудет с доставкой на неделе – может быть, даже завтра! Эта ваза будет прекрасно смотреться на столике в гостиной, но если к ней будет пара, их можно

будет поставить по краям каминной полки. И смотреться такой комплект будет просто *потрясающе*.

Подруги тоже считали, что покупка получилась удачной, хотя их слегка раздражало, что из мистера Гонта не удалось вытянуть ни слова о его прошлом. Но несмотря ни на что, у них сложилось довольно высокое мнение о нем.

– У него такие красивые глаза. Зеленые, – мечтательно произнесла Франси Пелетье.

– Зеленые? – удивленно переспросила Синди Роуз. Ей показалось, что они были серые. – Я не обратила внимания.

7

Ближе к полудню, в обеденный перерыв, в «Нужные вещи» зашла Розали Дрейк из ателье Полли. Нетти Кобб, домработница Полли, составила ей компанию. В магазине крутились несколько женщин, в дальнем углу двое мальчишек из окружной школы рылись в картонных коробках с комиксами и восторженно перешептывались – так много тут оказалось всего для пополнения их коллекций. Оставалось только надеяться, что цены будут не слишком высокими. А цены надо было узнать у продавца, так как на пластиковых пакетах, в которых лежали комиксы, ценников не было.

Розали и Нетти поздоровались с мистером Гонтом, и Гонт попросил Розали еще раз поблагодарить Полли за торт. Его взгляд остановился на Нетти, которая отошла в сторонку и теперь задумчиво рассматривала небольшую коллекцию цветного стекла. Он оставил Розали изучать фотографию Элвиса рядом со щепкой **ОКАМЕНЕЛОГО ДЕРЕВА СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ** и подошел к Нетти.

– Вас интересует цветное стекло, мисс Кобб? – тихо спросил он.

Она испуганно вздрогнула – Нетти Кобб относилась к тому типу женщин, которые держатся от любого голоса, не важно, тихого или громкого, со спины или сбоку, – и нервно улыбнулась.

– *Миссис* Кобб, мистер Гонт, хотя мой муж давно умер.

– Мои соболезнования.

– Не стоит. Уже четырнадцать лет прошло. То есть времени уже немало. Да, у меня есть небольшая коллекция цветного стекла. – Она очень нервничала и чуть ли не дрожала, точь-в-точь как мышь при виде приближающегося кота. – Но я себе вряд ли могу позволить что-то из этих вещей. Они такие прелестные. Наверное, именно так должны выглядеть вещи в раю.

– Послушайте, – сказал Гонт. – Я закупил чуть ли не целую партию цветного стекла вместе с этими образцами, и они вовсе не такие дорогие, как может показаться. Здесь у меня выставлено далеко не все, и другие предметы *намного лучше*. Может, зайдете завтра – посмотрите?

Она снова вздрогнула и отодвинулась в сторону, как будто он предложил ей зайти не за тем, чтобы взглянуть на товар, а чтобы он мог развлечься, щипая ее за зад... до тех пор, пока она не начнет кричать.

– Ой, я не знаю... В четверг я всегда занята, понимаете... у Полли... По четвергам у нас генеральная уборка, понимаете...

– Неужели нельзя будет выкроить полчаса? – настаивал он. – Полли мне говорила, что вы испекли тот торт, который она принесла мне утром...

– Вам понравилось? Правда понравилось? – В ее глазах читалось испуганное ожидание: вот, сейчас он скажет, что нет, не понравилось, Нетти, у меня от него были рези в желудке, меня от него страшно пучило, и за это я накажу тебя, Нетти, сделаю тебе больно, заташу в заднюю комнату и буду щипать тебе сиськи и крутить соски, пока ты не взвоешь.

– Понравилось – не то слово. Это был восхитительный торт, – успокоил ее Гонт. – У меня мама пекла похожие... а это было так давно.

Это была чувствительная струнка Нетти: она обожала свою мать, несмотря на все побои, достававшиеся ей после частых материнских попок. Она даже слегка расслабилась.

– Ой, как хорошо. Ужасно рада, что вам понравилось. Вообще-то это идея Полли. Она такая милая. Она – самая лучшая.

– Да, – согласился Гонт. – Теперь, когда мы с ней познакомились, вполне могу в это поверить. – Он взглянул на Розали Дрейк, но та все еще рассматривала витрины. – Я просто решил, что теперь я вам очень обязан.

– Ой, нет! – запротестовала Нетти, снова встревожившись. – Вы мне ничего не должны. Ничего-ничего, мистер Гонт.

– Пожалуйста, заходите. Я вижу, у вас есть вкус к цветному стеклу... кстати, я через вас передам Полли коробку из-под торта.

– Ну... *может быть*, в перерыв... – Судя по испуганным глазам, Нетти сама не верила, что она только что это сказала.

– Отлично, – кивнул Гонт и быстренько отошел, пока она не передумала. Он подошел к мальчикам и спросил, как у них дела. Те нерешительно протянули ему несколько старых выпусков «Невероятного Халка» и «Людей X». Минут через пять они вышли из магазина с радостно-ошарашенными лицами, держа в руках чуть ли не всю подборку комиксов.

Едва за ними закрылась дверь, в магазин вошли Кора Раск и Майра Эванс. Они оглядели торговый зал горящими и жадными – как у белок в сезон сбора орехов – глазами и тут же бросились к витрине с фотографией Элвиса. Кора и Майра нагнулись над ней, восторженно перешептываясь и демонстрируя окружающим задницы шириной в два топорика.

Гонт с улыбкой смотрел на них.

Колокольчик над дверью опять зазвенел. Новое поступление было почти таких же размеров, как Кора Раск, только Кора была просто толстой, а эта новая женщина выглядела еще и *сильной* – такой вид имеет здоровяк-лесоруб с пивным брюхом. У нее на блузе красовался большой белый значок с надписью красными буквами:

Ночь в казино – будет весело!

По обаянию и шарму лицо этой леди могло соперничать со снеговой лопатой. Большая часть ее невзрачных и тусклых каштановых волос была скрыта под платком, немилосердно затянутым под широким подбородком. Она встала на пороге и обвела взглядом зал. Ее маленькие, глубоко посаженные глазки бегали туда-сюда, как у стрелка с Дикого Запада, когда он оглядывает салун, перед тем как распахнуть двери-крылья и устроить внутри милую дружескую потасовку. Потом она вошла.

Почти никто не обратил на нее внимания, лишь Нетти Кобб уставилась на «лесорубшу» со смешанным выражением смутения и ненависти. Она отпрянула от стойки с цветным стеклом и тем привлекла внимание вновь пришедшей, которая одарила Нетти взглядом, полным не просто презрения, а концентрированного презрения, после чего отвернулась.

Колокольчик над дверью звякнул опять – в этот раз дверь закрылась за Нетти.

Мистер Гонт наблюдал за происходящим с нескрываемым интересом.

Он подошел к Розали и прошептал:

– Боюсь, миссис Кобб ушла без вас.

Розали удивленно огляделась.

– Какого... – начала было она, но тут ее взгляд наткнулся на новую посетительницу со значком «Ночь в казино» на богатырской груди, изучавшую турецкий ковер на стене с видом студента-гуманитария в художественной галерее. – Ой, – вдруг спохватилась Розали. – Извините, мне пора бежать.

– Между ними нет особой любви, как я понял, – заметил мистер Гонт.

Розали растерянно улыбнулась.

Гонт указал глазами на женщину в платке.

– А кто это?

Розали сморщила носик.

– Вильма Ержик. Извините... мне надо догнать Нетти. Она такая нервная, вы не представляете.

– Да, да. Разумеется, – согласился Гонт и, проводив Розали внимательным взглядом, буркнул себе под нос: – А кто, скажите, сейчас не нервный?

Кора Раск подошла к нему сзади и легонько похлопала по плечу.

– Сколько стоит эта фотография Короля? – поинтересовалась она.

Лиланд Гонт с улыбкой обернулся к ней:

– Что ж, давайте обсудим. Во сколько вы сами ее оцените?

Глава третья

1

Примерно часа через два после закрытия нового форта коммерции Касл-Рока Алан Пангборн подъехал к зданию муниципалитета на Главной улице, где размещались офис шерифа и полицейское управление Касл-Рока. Он сидел за рулем совершенно обычной, ничем не примечательной машины. Фордовский фургон 1986 года выпуска. Семейный автомобиль. Алан устал и был полупьян. Выпил всего-то три пива, а в голову шибануло изрядно.

Проезжая мимо «Нужных вещей», он одобрительно – в точности как Брайан Раск – взглянул на зеленый навес над входом. Он знал о навесах намного меньше (поскольку не состоял в родственных отношениях ни с кем из сотрудников фирмы «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже»), но подумал, что этот навес придал определенный шик Главной улице, на которой большинство хозяев контор и магазинов разорялись разве что на фальшивый фасад, наверное, полагая, что «для сельской местности» сойдет и так. Алан еще не знал, что продавалось в этом магазине – Полли ему все расскажет, она собиралась зайти в магазинчик сегодня утром, – но он почему-то напомнил ему уютный французский ресторанчик, куда водят девушек, чтобы потом затащить их в постель.

Едва Алан проехал магазин, он тут же вылетел у него из головы. Через два квартала он включил правый поворотник и свернул в узкий проезд между приземистым кирпичным зданием муниципалитета и управлением водоснабжения. Вдоль разметки шла надпись: ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ТРАНСПОРТА.

Здание муниципалитета было построено в форме буквы Г, и между двумя перекладинами располагалась небольшая стоянка. Три места были предназначены для сотрудников офиса шерифа. На одном из них уже стоял старый неуклюжий «фольксваген»-«жук» Норриса Риджвика. Алан припарковался рядом, выключил фары и зажигание и потянулся к двери. Депрессия, в которой он пребывал с тех пор, как закрыл за собой дверь судебного зала в Портленде, – она не то чтобы сильно его угнетала, но кружила где-то поблизости, как кружат вокруг костра волки в приключенческих романах, которыми он зачитывался в детстве, – теперь навалилась уже в полной мере. Он отпустил дверную ручку. Он вообще ничего не делал – просто сидел в машине, надеясь, что это мерзкое состояние скоро пройдет.

Весь день он провел в Портлендском окружном суде, где давал показания на четырех заседаниях как свидетель обвинения. Их округ состоял из четырех округов поменьше: Йорк, Камберленд, Оксфорд и Касл, и из всех представителей закона, служивших в этих округах, Алан Пангборн жил дальше всех от Портленда. Окружные судьи старались составить расписание заседаний так, чтобы они проходили сериями и представителям округов нужно было приезжать не чаще раза-двух в месяц. Это давало Алану возможность проводить больше времени в округе, который он присягал защищать, а не в пути между Касл-Роком и Портлендом. Но в конце всех этих заседаний он чувствовал себя как школьник после выпускных экзаменов, которые он сдал все скопом. И он давно уже понял, что не следует усугублять это кошмарное состояние пивом. Но в дверях суда он столкнулся с Гарри Кроссом и Джорджем Кромптоном, и те затащили его в бар. У него, кстати, был повод: цепь явно связанных между собой краж со взломом во всех их округах, которые надо было обсудить. Но настоящая причина, почему он согласился, имела общие корни со всеми неправильными решениями: *тогда* ему показалось, что выпить пива – это самая что ни на есть замечательная идея.

И вот теперь он сидел за рулем фургона, который раньше был настоящим семейным автомобилем, и пожинал то, что сам и посеял. Побаливала голова. Его тошнило. Но хуже всего была депрессия – она вернулась, мстительная и ехидная.

Приветик! – кричала она издевательски. *А вот и я, Алан! Ужасно рада тебя видеть! Знаешь что? Вот закончился еще один длинный и трудный день, а Энни и Тодд по-прежнему мертвы. Помнишь ту субботу, когда Тодд разлил свой молочный коктейль на переднем сиденье? Как раз там, где сейчас лежит твой портфель, правильно? И ты на него накричал. Ого! Ты ведь этого не забыл? Забыл?! Ну ладно, ничего страшного. Я тебе напомню, Алан. Я, собственно, и пришла, чтобы напомнить. Работа у меня такая – напоминать! Раз за разом! Раз за разом!*

Он поднял портфель и взгляделся в сиденье. Да, следы от пролитого молока еще оставались, и да, он накричал на Тодда. *Какой же ты неуклюжий!* Что-то вроде того. Так, пустяк... но он никогда бы не стал говорить даже этого, если бы знал заранее, что его ребенку осталось жить меньше месяца.

Впрочем, *такое* узнать невозможно.

Ему вдруг пришло в голову, что дело вовсе не в пиве – дело в этой машине. Он провел этот день в компании призраков мертвых – жены и младшего сына.

Алан открыл бардачок, чтобы вытащить книжку штрафных талонов – он всегда носил ее с собой, даже когда ездил в Портленд давать показания, – это было нерушимое правило. Рука наткнулась на какой-то цилиндрический предмет, который вывалился на пол. Алан положил книжку на портфель и нагнулся, чтобы подобрать выпавшую вещь. Потом поднес ее к свету уличного фонаря и долго рассматривал, вновь ощущая щемящую боль утраты и горя, скрытую глубоко внутри. Артрит у Полли живет в руках, а у него как будто в самом сердце, и кто скажет, кому из них двоих хуже?

Это была банка Тодда. Если бы маленьким мальчикам можно было *жить в магазине*, то Тодд бы точно поселился в обернском магазинчике «Смешные приколы и розыгрыши». Малыш был очарован копеечной «магией» этих забавных штук: хохотунчиками, чихательным порошком, дырявыми стаканами, мылом, придававшим рукам цвет вулканического пепла, пластиковыми собачьими какашками.

Эта штука все еще здесь. Они мертвы уже девятнадцать месяцев, а она все еще здесь. Как я ее пропустил? Боже...

Алан покрутил банку в руках, вспоминая, как сын упрашивал его, чтобы он разрешил ему купить эту штуковину на свои карманные деньги, и как сам он упирался, цитируя любимое присловье своего отца: дурак и деньги расходятся быстро. И как Энни мягко переубедила его.

Ты послушай себя, мистер Волишебник-Любитель. Что еще за пуританские речи?! Нет, как вам это понравится? Как ты думаешь, откуда у мальчика эта страсть ко всяким приколам и фокусам? В моей семье никто никогда не вешал на стену портрет Гудини, да еще в рамочке. Ты хочешь сказать, что сам ни разу не покупал стаканов-непроливаек в дни своей бурной юности? Что ты не отдал бы полжизни за эту «змею в банке с орехами», если бы их продавали тогда?

Он что-то мямлил и бурчал – иными словами, вел себя как напыщенный идиот. Наконец ему пришлось прикрыть рукой смущенную улыбку. Но Энни ее все равно заметила. Она всегда все замечала. Это был ее дар... и очень часто – его спасение. Ее чувство юмора – равно как и умение видеть вещи под новым углом и в перспективе – всегда было лучше. Острее.

Пусть он купит себе эту банку, Алан. Детство бывает раз в жизни. И потом, это действительно весело.

И он позволил Тодду купить эту банку. А...

...А через три недели он разлил молоко на сиденье, а еще через месяц он был уже мертв. Они оба были мертвы. Ничего себе! Ты представляешь?! Как летит время, Алан. Но ты не

волнуйся! Ты ничего не забудешь, потому что я тебе напомню! Да, сэр! Я буду периодически освежать твою память, потому что это моя работа, а я всегда выполняю свою работу на совесть!

На банке было написано: ВКУСНЫЕ ОРЕШКИ – ЖУЙ НА ЗДОРОВЬЕ. Алан снял крышку, и наружу выпрыгнула зеленая змея, сжатая в тугую пружину длиной пять футов. Она ударилась о ветровое стекло и шлепнулась ему на колени. Алан посмотрел на нее, услышал смех своего мертвого сына и заплакал. Это был тихий и опустошенный плач, без драматичных рыданий и всхлипов. Его слезы имели кое-что общее с теми вещами, которые принадлежали его погибшим любимым людям: они не кончались. Их было много, слишком много, и как только ты чуть расслабишься и решишь, что «все, с этим покончено», обязательно найдется что-то еще, что напомнит тебе о твоём неизбывном горе. А потом еще. И еще.

Почему он разрешил Тодду купить эту проклятую штуку? Почему он не выкинул ее сразу, а оставил лежать в бардачке? И почему, черт возьми, он до сих пор ездит на этой проклятой машине?

Алан достал носовой платок и вытер лицо. Потом медленно уложил змею – дешевую жатую бумагу с металлической пружиной внутри – обратно в поддельную банку с орехами. Закрутил крышку и взвесил банку в руке.

Выброси эту дрянь.

Но он не мог этого сделать. Во всяком случае – не сегодня. Закинув банку обратно в бардачок – последний прикол, купленный Тоддом в лучшем в мире магазине, – он с силой захлопнул крышку, открыл дверцу, взял с сиденья свой портфель и вышел наружу.

Он глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух в надежде, что это поможет. Но не помогло. В воздухе пахло древесными опилками и химикатами – противный запах, который периодически доносился сюда с целлюлозно-бумажного комбината в Румфорде, что в тридцати милях к северу. Надо будет позвонить Полли и пригласить ее в гости – *это* должно помочь.

Очень мудрая мысль! – тут же согласился голос ехидной депрессии. *Да, кстати, Алан, ты помнишь, каким счастливым был Тодд, когда купил эту змею? Он испытывал ее на всех подряд! У Норриса Риджвика чуть инфаркт не случился, а ты сам едва не обоссался от смеха. Помнишь? Какой он был живой и веселый! А Энни – помнишь, как она смеялась, когда ты ей рассказал про его проделку? Она тоже была живой и веселой, правда? Разумеется, в самом конце она была уже не такой оживленной и совсем не веселой, но ты этого не заметил, да? Потому что у тебя были свои заботы. Например, случай с Тедом Бомоном – он никак не шел у тебя из головы. Что там у них произошло, в домике на озере, и как он напился и позвонил тебе, и как потом его жена забрала близнецов и уехала от него... Все это добавило лишних хлопот, а ты и без того зашивался с городскими делами, правильно? Ты был слишком занят, чтобы заметить, что происходит у тебя дома. Жаль! Если бы ты заметил это еще тогда, кто знает, может, они сейчас были бы живы? Я тебе буду об этом напоминать... раз за разом... раз за разом... Договорились? Ну вот и славно!*

На борту фургона, чуть выше крышки бензобака, была царапина длиной около фута. Она появилась уже после гибели Энни и Тодда? Или все-таки *до*? Алан не помнил, но это было и не важно. Он провел по ней пальцами и подумал, что надо бы отвести машину в мастерскую к Сонни, чтобы заделать эту царапину. Но с другой стороны, зачем? Почему бы не отогнать эту колымагу в Оксфорд к Гарри Форду и не обменять ее на что-то поменьше? Пробег у нее маленький; получится неплохая скидка...

Но Тодд пролил молочный коктейль на переднем сиденье! – возмущенно воскликнул голос у него в голове. *Он сделал это, пока был ЖИВ!* Алан, старик, как же так? А Энни...

– Послушай, заткнись! – сказал Алан вслух.

Он подошел к зданию муниципалитета и остановился. Совсем близко ко входу, так близко, что полностью открытая дверь поцарапала бы ему бок, стоял большой красный «кадил-

лак-севилья». Алану даже не нужно было смотреть на номера. Он и так знал, что это будет: КИТОН 1. Он задумчиво провел рукой по гладкому верху машины и вошел к себе в офис.

2

Шейла Брайхем сидела в застекленной диспетчерской и читала журнал «People», попивая «Уоо-Ноо». Больше в офисе не было никого, кроме Норриса Риджвика.

Норрис сидел за старенькой электрической пишущей машинкой и трудился над отчетом – с той болезненной, бездыханной сосредоточенностью, на которую был способен только он, и никто другой. Со стороны это смотрелось так: он застывал, вперив взгляд в машинку, потом резко нагибался вперед, как человек, у которого свело живот, и обрушивал на клавиши град энергичных ударов. После этого он опять замирал в скрюченном положении, читал только что напечатанное и тихо охал. Потом раздавалась серия звуков типа: *Щелк-хрусь! Щелк-хрусь! Щелк-хрусь!* – это значило, что Норрис долбит по корректирующей ленте и исправляет ошибки (в среднем у него уходит одна лента в неделю). Потом он опять выпрямлялся, впадал в трехсекундный ступор, и весь цикл повторялся по новой. По прошествии примерно часа Норрис опускал готовый отчет в лоток «входящие документы» на столе у Шейлы. Иногда – с периодичностью раз или два в неделю – отчет получался вполне даже связным.

Норрис поднял глаза и улыбнулся Алану.

– Привет, босс, как дела?

– Ну, ближайшие две-три недели Портленд мне не грозит. Происшествия были?

– Не, все как обычно. Алан, у тебя глаза красные, как у черта. Опять курил свой дурацкий табак?

– Ха-ха, – кисло сказал Алан. – Я пропустил пару пива с парочкой копов, а потом тридцать миль тарашился на фары встречных машин. Аспири́н, кстати, найдется?

– Всегда наготове. Ты же знаешь.

Нижний ящик стола представлял собой личную аптеку Норриса. Норрис открыл его, откопал гигантскую бутылку каопектата с земляничным вкусом, уставился на наклейку, помахал головой, бросил бутылку обратно в ящик, порылся еще минут пять и наконец извлек упаковку настоящего аспирина.

– У меня для тебя работа, – сказал Алан, высыпав на ладонь две таблетки аспирина. Вместе с таблетками на руку осело немного пыли, и он подумал, почему от простого аспирина бывает значительно больше пыли, чем от фирменного. А еще он подумал, что, если так пойдет и дальше, он точно сойдет с ума.

– Нет, Алан. Мне еще надо заполнить две формы E-9, а потом...

– Остынь. – Алан подошел к баку с водой и вытянул бумажный стаканчик из привинченного к стене цилиндра. Вода забулькала, наполняя стаканчик. – Тебе надо всего лишь встать, пройти через комнату и открыть дверь, через которую я вошел. Это даже ребенок сделает.

– Что...

– И не забудь свою книжку штрафных талонов, – добавил Алан и проглотил таблетки.

Риджвик сразу разволновался:

– Твоя вон лежит, рядом с портфелем.

– Я знаю. И там она и останется. Сегодня, по крайней мере.

Норрис задумчиво посмотрел на него и спросил:

– Бастер?

Алан кивнул:

– Бастер. Снова припарковался на месте для инвалидов. В прошлый раз я ему сделал последнее предупреждение.

Глава городского управления Касл-Рока Дэнфорд Китон III, по прозвищу Бастер⁴, как его звали все... кроме муниципальных служащих, желавших сохранить свои места. Когда он находился поблизости, они звали его или Дэн, или мистер Китон. Только Алан, который по своей должности не подчинялся городскому совету, мог позволить себе называть его Бастером прямо в лицо. Впрочем, такое случалось лишь дважды, и оба раза, когда был взбешен. Однако Алан не сомневался, что такие разы еще повторятся. Дэн Китон по прозвищу Бастер был из тех людей, которые просто созданы для того, чтобы бесить других.

– Ну чего тебе стоит? – взмолился Норрис. – Сам его оштрафуй!

– Не могу. На следующей неделе у меня встреча с чиновниками городской управы насчет выделения ассигнований.

– Он *уже* меня ненавидит, – с отвращением скривился Норрис. – Я это знаю.

– Бастер всех ненавидит, кроме своей жены и матери, – сказал Алан. – Впрочем, я не уверен насчет жены. Но факт остается фактом: только в прошлом месяце я семь раз его предупредил, чтобы он не парковался на нашей единственной площадке для инвалидов. Пора принимать меры.

– Ага, предупредил его ты, а рисковать своим местом буду я. Замечательно. – Норрис Риджвик выглядел как живая иллюстрация к печальному рассказу «Когда с хорошими людьми случаются гадости».

– Расслабься, – успокоил его Алан. – Ты налепишь ему на ветровое стекло квитанцию на пятидолларовый штраф. Он придет ко мне и потребует тебя уволить.

Норрис застонал.

– Я откажусь. Потом он скажет, чтобы я порвал квитанцию. Я опять откажусь. А на следующий день, когда он немного остынет и выпустит пар, я ему уступлю. И когда я приду на следующее заседание по ассигнованиям, он будет мне обязан.

– Да, а чем он будет обязан мне?

– Норрис, ты хочешь новый импульсный радар или как?

– Ну...

– А как насчет факса? Мы уже больше двух лет говорим про факс.

Да! – завопил деланно оживленный голос у него в голове. *Ты начал говорить об этом, когда Энни и Тодд были еще живы, Алан. Помнишь? Помнишь то время, когда они были живы?*

– Наверное, – сдался Норрис. Он потянулся за своей книжкой штрафных квитанций. У него на лице было написано огромными буквами: Капитуляция и Уныние.

– Молодец, – с наигранной сердечностью отозвался Алан. – Я буду у себя кабинете.

3

Он закрыл дверь и сразу же позвонил Полли.

– Алло? – раздалось в трубке, и он уже понял, что не будет рассказывать ей про свою депрессию. У Полли хватает своих проблем. Для того чтобы это понять, ему достаточно было услышать всего одно слово. Звук «л» в ее «Алло» был слегка смазан. Так случалось, только когда она принимала перкордан – причем больше одной таблетки, – а она принимала перкордан, только когда боль была слишком сильной. Хотя Полли ни разу об этом не говорила, Алан был уверен, что ей становится страшно от одной только мысли о том, что будет, когда эти таблетки перестанут действовать.

– Как вы, прекрасная леди? – спросил он, откинувшись в кресле и прикрыв глаза рукой. Аспирин не помог. Голова продолжала болеть. Он подумал, что, может быть, стоит попросить у Полли перкордан.

⁴ Бастер Китон – известный американский актер 20–30-х годов, «комик с каменным лицом».

– У меня все хорошо. – Она аккуратно подбирала слова, как бы переходя от одного слова к другому, словно по камушкам через ручей. – Лучше скажи, как ты? У тебя голос усталый.

– Я, как всегда, замучен адвокатами. – Алан решил, что сегодня он к ней не заедет. Она, конечно же, скажет: «Да, Алан, приезжай» и будет рада его видеть, но это лишь еще больше ее утомит. – Хочу пораньше лечь спать. Ты не против, если сегодня я не заеду?

– Нет, дорогой. Так будет даже лучше.

– Что, *так* плохо?

– Бывало и хуже, – осторожно сказала она.

– Я не об этом спросил.

– Нет, вовсе не так уж плохо.

Голос тебя выдает, врешь ты все, подумал он про себя.

– Хорошо. Что там насчет ультразвуковой терапии? Что-нибудь выяснилось?

– Ага. Но я не могу себе позволить провести полтора месяца в клинике Майо. И не говори, что *ты* это можешь себе позволить, Алан, потому что я слишком устала, чтобы сейчас с тобой спорить.

– Мне казалось, ты имела в виду Бостонский госпиталь...

– Только на будущий год, – вздохнула Полли. – Они открывают там кабинет ультразвуковой терапии только в следующем году. Может быть.

Потом была долгая пауза, и Алан уже собрался попрощаться, но тут она снова заговорила. Теперь ее голос звучал чуть веселее.

– Утром я заходила в новый магазин. Нетти испекла торт, а я отнесла. Само собой, чисто из вредности – приносить торт на открытие вроде как не полагается. Это правило только что в бронзе не отлито.

– И как оно там? Что они продают?

– Всего понемножку. Если ты станешь меня пытаться и угрожать пистолетом, я, пожалуй, скажу, что это магазин диковинок и безделушек, но это будет неверно. Нужно видеть самому.

– Ты видела хозяина?

– Мистер Лиланд Гонт из Экрона, штат Огайо, – сказала Полли, и Алан почувствовал, что она улыбается. – Помяни мое слово, он еще наведет шороху в Касл-Роке.

– А как он *тебе* показался?

Когда она снова заговорила, улыбка в ее голосе проступила еще явственнее.

– Алан, я тебе честно признаюсь... ты знаешь, я тебя люблю и надеюсь, что ты меня тоже, и ты для меня самый лучший, но...

– Я тебя очень люблю, – вставил он. Голова потихонечку отходила. И вряд ли это маленькое чудо сотворил норрисовский аспирин.

– ...но когда я его увидела, у меня сердце пустилось вскачь. И ты бы видел Розали и Нетти, когда они вернулись...

– *Нетти?!* – Алан снял ноги со стола и выпрямился в кресле. – Да она же боится собственной тени!

– Да. Но Розали все-таки уговорила ее пойти в магазин вместе – ты же знаешь, бедняжка *никуда* не выходит одна, – и потом я спросила у Нетти, что *она* думает про мистера Гонта. Алан, у нее загорелись глаза! Она как будто помолодела. «У него есть цветное стекло! – сказала она. – Чудесное цветное стекло. Он пригласил меня зайти завтра и кое-что присмотреть». Мне кажется, что это самая длинная фраза, которую она говорила мне за все эти четыре года. Потом я сказала: «Ну разве это не мило с его стороны». А она: «Да, очень мило. И знаешь что?» Я, естественно: «Что?» И Нетти сказала: «*И я, пожалуй, зайду!*»

Алан громко и от души рассмеялся:

– Если Нетти пойдет к нему без дуэньи, я просто *обязан* увидеть этого человека. Он, наверное, само обаяние.

– И что самое интересное, он совсем не красавец, по крайней мере уж точно не кинозвезда, но у него очень красивые карие глаза. Они буквально горят.

– Осторожнее, леди, – проворчал Алан. – А то я уже ревную.

Она засмеялась:

– Тебе не о чем волноваться. Да, и еще кое-что.

– Что?

– Розали сказала, что, когда они были там с Нетти, в магазин вошла Вильма Ержик.

– Что-нибудь случилось? Они поругались?

– Нет. Нетти просто смотрела на эту Вильму, а та только губы поджала. Так говорит Розали. А потом Нетти вылетела как ошпаренная. Вильма Ержик тебе не звонила насчет Неттиной собаки?

– Нет. Не было повода, – отозвался Алан. – За последние полтора месяца я раз пятнадцать проезжал мимо дома Нетти после десяти вечера. Пес больше не лает. Полли, щенки всегда шумные. А теперь он подрос, и у него хорошая хозяйка. Может, крыша у Нетти слегка набекрень, но с собакой она обращаться умеет. Кстати, а как его звать?

– Бандит.

– Кто, интересно, придумал такую кличку? Впрочем, теперь Вильме Ержик придется искать другой повод для проявления своей стервозности, потому что Бандит отпадает. Хотя она-то повод найдет, я даже не сомневаюсь. В любом случае дело ведь не в собаке; больше никто, кроме Вильмы, не жаловался. Дело в самой Нетти. У людей вроде Вильмы нюх на слабых.

– Да. – Полли стала печально-задумчивой. – Знаешь, однажды вечером Вильма Ержик позвонила ей и заявила, что если Нетти не заткнет своего пса, то она сама лично придет и пережрет ему глотку.

– Послушай, – сказал Алан, – я знаю, что Нетти тебе так сказала. Но еще я знаю, что Нетти до смерти боится Вильмы и что у Нетти бывали... проблемы. Я вовсе не утверждаю, что Вильма Ержик этого не делала, потому что я знаю, что она и не на такое способна. Но при этом и не исключаю возможности, что ничего этого не было, а просто у Нетти воображение разыгралось.

Замечание о проблемах Нетти было не очень конкретным, но они оба знали, о чем идет речь. После многих лет сущего ада – замужем за скотом, который издевался над ней как мог, – Нетти Кобб наконец не выдержала и воткнула вилку для мяса в горло своему спящему мужу. Она провела пять лет в Джунипер-Хилл, психиатрической клинике под Августой. Работа у Полли была частью программы по трудовой реабилитации. По мнению Алана, о лучшем нельзя было и мечтать, и тому подтверждение – что состояние Нетти стало значительно лучше. Два года назад Нетти Кобб переехала в собственный небольшой домик на Форд-стрит, в шести кварталах от центра.

– Да, у Нетти не все в порядке, но встреча с мистером Гонтом подействовала на нее просто потрясающе. Он действительно очень милый, – сказала Полли.

– Я должен его увидеть, – повторил Алан.

– Расскажешь потом о своем впечатлении. И обрати внимание на его глаза. Очень красивые карие глаза.

– Сомневаюсь, что они на меня подействуют, как на тебя, – сухо заметил он.

Она вновь рассмеялась, но теперь ее смех прозвучал чуть натянуто.

– Постарайся поспать.

– Хорошо. Спасибо, что позвонил, Алан.

– Не за что. – Пауза. – Я люблю тебя, красавица.

– Спасибо, Алан, я тоже тебя люблю. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Он повесил трубку, повернул абажур лампы так, чтобы она светила на стену, положил ноги на стол и сложил перед собой ладони, будто собрался молиться. Вытянул указательные пальцы. Силуэт кролика на стене поднял уши. Алан пропустил большие пальцы между расставленными указательными. Кролик пошевелил носом. Алан заставил кролика проскакать через все световое пятно. А обратно пришел уже слон, болтавший хоботом. Руки Алана двигались с ловкостью, говорящей о долгой практике. Он почти не замечал, каких животных создавали его безотчетные жесты. Это была стародавняя привычка, его способ расслабиться – скосить глаза к кончику носа и сказать: «Аумммм».

Он думал о Полли и ее бедных руках. Как ей помочь?

Если бы дело было только в деньгах, уже завтра днем она лежала бы в клинике Майо: сдал, расписался, принял. Пусть даже ему пришлось бы запихнуть ее в смиренную рубашку и накачать успокоительными.

Но дело было *не только* в деньгах. Ультразвук как метод борьбы с дегенерирующим артритом находился еще в зачаточном состоянии. Он мог стать панацеей – как, например, антибиотики, – а мог оказаться и лженаукой, как френология. В любом случае попробовать его сейчас не имело смысла. Шансы на успех были примерно один к тысяче. И дело даже не в потерянных деньгах, а в разбитых надеждах Полли.

Ворона – проворная и живая, как из диснеевского мультфильма, – медленно пролетела через его диплом Полицейской академии в Олбани. Ее крылья удлиннились, и она превратилась в доисторического птеродактиля с треугольной головой.

Дверь открылась. В щель просунулось лицо Норриса Риджвика, унылое, как морда басета.

– Я все сделал, Алан, – сказал он с видом человека, который признается в массовых убийствах детей и старушек.

– Отлично, Норрис, – ответил Алан. – И ничего не бойся. Я не допущу, чтобы ты пострадал. Даю слово.

Норрис еще пару секунд смотрел на него своими влажными глазами, потом с сомнением покачал головой. Взглянув на стену, он попросил:

– Покажи Бастера, Алан.

Алан усмехнулся, отрицательно покачал головой и потянулся к выключателю.

– Ну пожалуйста, – не унимался Норрис. – Я оштрафовал эту чертову машину – я это заслужил. Покажи Бастера. *Пожалуйста*. Порадуй меня хоть чем-то.

Алан глянул, нет ли кого за спиной у Норриса, и переплел пальцы. Толстенький человек-тень на стене важно шагал через пятно света, покачивая брюхом. Один раз он остановился, чтобы подтянуть штаны-тени, и прошептал дальше, вертя головой во все стороны.

Норрис залился тонким счастливым смехом – смехом ребенка, который напомнил Алану Тодда. Но он быстренько отогнал эти мысли.

– Ой, я сейчас *сдохну*, – смеялся Норрис. – Алан, ты слишком поздно родился, а то сделал бы карьеру в «Шоу Эда Салливана».

– Все, представление окончено. Иди к себе! – прикрикнул Алан.

Все еще смеясь, Норрис закрыл дверь.

Алан изобразил на стене Норриса – тощего и самодовольного, – выключил лампу и достал из заднего кармана потертый блокнот. Нашел чистую страницу, написал наверху: «Нужные вещи». И чуть ниже: *Лиланд Гонт, Кливленд, Огайо*. Так? Нет. Зачеркнул *Кливленд*, написал *Экрон*. *Может быть, я и вправду схожу с ума?* – подумал он. И на третьей строке написал: *Проверить*.

Потом он убрал блокнот обратно в карман и решил было пойти домой, но вместо этого вновь включил лампу. По стене снова замаршировали тени: львы, тигры, медведи... Депрессия подкралась тихой кошачьей поступью, липкая, как туман. Внутренний голос опять зарядил

свое про Энни и Тодда. Через какое-то время Алан Пангборн начал к нему прислушиваться. Он слушал против своей воли... но с возрастающим вниманием.

4

Полли лежала в постели. Закончив разговор с Аланом, она перевернулась на левый бок, чтобы повесить трубку. Трубка выскользнула у нее из рук и упала на пол. Сам аппарат медленно заскользил по ночному столику. Полли бросилась его ловить и ударила рукой о край стола. Чудовищный разряд боли прорвался сквозь тонкую паутину, сплетенную болеутоляющими таблетками вокруг ее нервов, и пронзил руку до плеча. Ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

Телефонный аппарат дополз до края и свалился на пол, глухо тренькнув звонком. Из трубки доносился идиотский, монотонный писк, как будто по УКВ передавали концерт из улья.

Полли задумалась, можно ли будет использовать те клешни, которые лежали теперь у нее на груди, чтобы поднять аппарат, не хватая его пальцами – сегодня пальцы вообще не сгибались, – а подталкивая и нажимая, как будто играешь на аккордеоне. И тут чаша ее терпения переполнилась. Когда такая простая вещь – поднять с пола упавший телефон – становится непреодолимой проблемой... это невыносимо. Она разрыдалась.

Боль проснулась уже окончательно и неистовствовала, превращая руки – и особенно ту, которую Полли ударила, – в раскаленные прутья. Полли лежала в постели и безутешно плакала.

Я бы все отдала, лишь бы освободиться от этого, думала она. Не раздумывая отдала бы все, все, все. Все, что угодно.

5

Осенними вечерами, часам к десяти, Главная улица Касл-Рока уже закрыта, как банковский сейф. Уличные фонари очерчивают уменьшающиеся в перспективе круги света на тротуарах, захватывая стены офисных зданий и превращая улицу в декорацию на опустевшей сцене. Кажется, вот-вот появится длинная фигура во фраке и цилиндре – Фред Астер или Джин Келли – и начнет танцевать, медленно перемещаясь от одного пятна света к другому и напевая печальную песню о том, как одиноко несчастному парню, которого бросила девушка, как ему одиноко и грустно, когда закрылись все бары. Потом на другом конце Главной улицы появится еще один персонаж – Джинджер Роджерс или Сид Шарисс, одетая в вечернее платье. Она будет танцевать навстречу Фреду (или Джину), напевая печальную песню о том, как одиноко несчастной девушке, которую бросил парень. Они увидят друг друга, артистически замрут, а потом начнут танцевать вместе перед входом, например, в ателье Полли Чалмерс.

Вместо этой красивой и грустной пары появился Хью Прист.

Он не был похож ни на Фреда Астера, ни на Джина Келли, и на том конце улицы не было видно никаких романтических и одиноких девушек, и он определенно не танцевал и не пел. Он был пьян как сапожник, потому что с четырех часов дня непрерывно пил в «Подвыпившем тигре». При такой серьезной «загрузке» просто идти и не падать – и то проблема, не говоря уже о каких-то там танцевальных па. Он шел медленно, пересекая круги света от фонарей. Его длинная тень падала то на парикмахерскую, то на «Вестерн Авто», то на видеопрокат. Его немного шатало, покрасневшие глаза смотрели прямо вперед, пузо выпирало из-под мокрой от пота синей футболки (на которой был нарисован гигантский комар, а под ним надпись: ГЕРБ ШТАТА МЭН. ТАКИЕ ВОТ У НАС ПТИЧКИ).

Фургончик Управления общественных работ Касл-Рока, на котором Хью Прист работал шофером, так и остался торчать на стоянке за «Тигром». Хью имел на своем счету не одно нарушение, и в последний раз – когда у него отобрали права на полгода – этот ублюдок Китон со

своими друзьями-ублюдками Фуллертоном и Сэмюэлсом, а также с этой стервой Уильямс ясно дали ему понять, что их терпение исчерпано. Следующее нарушение скорее всего закончится тем, что у него отберут права уже навсегда, и его неизбежно погонят с работы.

Конечно, пить Хью из-за этого не перестал – на свете не было силы, способной заставить его бросить пить, – но он все же пришел к определенному компромиссу с самим собой: пьяным за руль не садиться. Ему шел пятьдесят второй год. Поздновато думать о смене профессии, и особенно – с таким списком задержаний за вождение в пьяном виде, который тянулся за ним, как консервная банка, привязанная к собачьему хвосту.

Поэтому он возвращался домой пешком, и это была долгая прогулка... а еще оставался этот Бобби Дугас, который тоже служил в Управлении общественных работ и которому завтра придется как следует объясниться, если он, конечно, не хочет вернуться домой с работы, недосчитавшись пары зубов.

Когда Хью проходил мимо закусочной Нан, заморосил мелкий дождь. Это, естественно, не подняло ему настроения.

Он спросил Бобби, который по дороге домой проезжал мимо дома Хью, не собирается ли тот заглянуть вечером в «Тигра». Бобби Дугас забубнил: о чем речь, Хьюберт... Бобби всегда называл его Хьюбертом, хотя у него, на хрен, было другое имя, и уже очень скоро Бобби себе это уяснит. *О чем речь, Хьюберт, как обычно, к семи подъеду.*

Итак, Хью, уверенный, что его довезут до дому, если он перепьет и не сможет сам сесть за руль, прикатил в «Тигра» без пяти четыре (он бы освободился пораньше, где-то на полтора часа, но, как на зло, Дик Брэдфорд куда-то запропастился) и сразу же хорошенечко вмазал. Ну, подходит стрелка к семи – и что мы имеем? Никакого тебе Бобби Дугаса! Ядрить твою кочерыжку! Вот уже восемь, девять, полдесятого... догадываетесь, что *далее?* Те же яйца, вид сбоку!

Без двадцати десять Генри Бофорт, бармен и владелец «Тигра», предложил Хью вострить лыжи, сваливать на хрен, трубить отбой, иными словами – убираться ко всем чертям. Хью рассердился. Да, он пару раз пнул музыкальный автомат, но ведь эта вшивая пластинка Родни Кроуэлла опять заедала.

– Что я, по-твоему, должен был делать? Сидеть и слушать эту байду? – заявил он Генри. – Тогда смени пластинку. А то это похоже на песню гребаного эпилептика с заиканием.

– Я вижу, ты еще не дошел до кондиции, – сказал Генри. – Но сегодня тебе больше не наливают. Догонишься из своего холодильника.

– А что, если я скажу *нет?* – упрямяствовал Хью.

– Тогда я позвоню шерифу Пангборну, – резонно заметил Генри.

Остальные посетители «Тигра» – коих было не очень много по причине буднего дня – с интересом наблюдали за перепалкой. Как правило, люди вели себя вежливо с Хью Пристом, и особенно когда он «надирался», но он бы в жизни не выиграл конкурс на звание самого популярного парня в городе.

– Мне не хотелось бы, – продолжал Генри. – Но я это сделаю, Хью. Ты постоянно пинаешь мою «Рок-Олу», и мне это уже надоело.

Хью собрался было сказать: *Может, тогда мне стоит ТЕБЯ попинать, лягушатник ты хренов.* Но потом он представил, как Китон, этот толстый ублюдок, вручает ему розовую карточку⁵ за драку в пивной. Разумеется, если бы его уволяли на самом деле, эта розовая бумажка пришла бы по почте, потому что свиньи типа Китона никогда не пачкают рук (и не рискуют получить по роже), вручая ее лично, но ему просто нравилось представлять себе эту картину – было куда девать лишнюю злость. Тем более что дома у него были припасены две упаковки пива.

⁵ Уведомление об увольнении.

– Ладно, – сказал он примирительно. – Мне этого тоже не надо. Давай мне мои ключи. – В целях предосторожности, еще восемнадцать кружек пива назад, он отдал Генри ключи от машины.

– Не-а. – Генри в упор смотрел на Хью, вытирая руки полотенцем.

– *Не-а?* Что значит: *не-а?* Какого хрена?

– Это значит, что ты слишком пьян, чтобы садиться за руль. Я это знаю, и ты это тоже поймешь, только завтра, когда проспишься.

– Слушай, – терпеливо сказал Хью. – Когда я тебе эти хреновы ключи отдавал, я был уверен, что меня подвезут домой. Бобби Дугас сказал, что заедет сюда пропустить пару кружек. И разве я виноват, что этот гундосый придурок так и не появился.

Генри вздохнул:

– Искренне тебе сочувствую, но это не моя проблема. Если ты кого-то задавишь, на меня могут подать в суд. Тебя это вряд ли заботит, но мне-то не все равно. Приходится прикрывать свою задницу. В нашем поганом мире этого никто за тебя не сделает.

Хью буквально физически ощутил, как обида, жалость к самому себе и странное чувство собственной никчемности всплывают на поверхность его сознания, как какая-то гадкая жидкость из канистры с ядовитыми отходами, зарытой глубоко в землю. Он посмотрел на свои ключи, висевшие за стойкой рядом с надписью: ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ ПРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ИДИ НА ВОКЗАЛ, – и опять перевел взгляд на Генри. Тут он почувствовал, что сейчас заплачет, и испугался.

Генри обратился к другим клиентам:

– Эй вы, бездельники! Кто-нибудь из вас едет в сторону Касл-Хилл?

Все опустили глаза и молчали. Кто-то хрустнул пальцами. Чарли Фортин нарочито неторопливо направился в туалет. Никто не ответил.

– Вот видишь? – набычился Хью. – Ну же, Генри, отдай мне ключи.

Генри покачал головой:

– Если хочешь еще раз приехать сюда и пропустить пару стаканчиков, придется тебе прогуляться пешочком.

– Ну и ладно, а вот и пойду прогуляюсь! – выпалил Хью. Он был похож на избалованного ребенка, который сейчас закатит истерику с воплями и слезами. Он прошел через зал, опустив голову и сжав кулаки. Он боялся, что кто-нибудь засмеется. Он даже *надеялся*, что кто-нибудь засмеется. Тогда бы он начистил насмешнику морду, и пошла она на хрен, эта работа. Но все безмолвствовали, кроме Ребы Макинтайр, которая что-то там завывала про Алабаму.

– Завтра можешь забрать ключи! – крикнул ему вслед Генри.

Хью не ответил. Проходя мимо музыкального автомата, он неимоверным усилием воли подавил желание пнуть на прощание эту проклятую «Рок-Олу». Потом, опустив голову еще ниже, он вышел в темноту.

6

Туман превратился в противную морось, и у Хью было стойкое подозрение, что еще до того, как он доберется до дому, эта морось перейдет в затяжной, мерзкий дождь. Везет как утопленнику. Он упрямо шел вперед, уже не так сильно шатаясь (прогулка на воздухе все-таки отрезвляет) и зыря по сторонам. В голове был сумбур, и ему хотелось, чтобы кто-нибудь дал ему *повод*. Сегодня достаточно даже совсем пустякового повода. Он вдруг вспомнил мальчишку, который вчера выскочил прямо ему под колеса, и пожалел, что не размазал паршивца по мостовой. И он был бы не виноват. Раньше дети смотрели, куда идут.

Он прошел мимо пустого участка, где до пожара стоял «Эмпориум Галлориум», мимо пошивочного ателье, мимо магазина инструментов... и поравнялся с «Нужными вещами».

Мельком глянув на витрину, он еще раз оглядел улицу (до дома осталось что-то около полутора миль – всего ничего, можно попробовать успеть до дождя) и внезапно остановился.

Он уже отошел на десяток шагов от нового магазина, так что пришлось возвращаться. Над витриной горел светильник, заливая мягким приглушенным светом три выставленных в ней предмета. Свет из витрины падал и на него тоже, вызывая чудесные превращения. Внезапно Хью стал похож на усталого мальчика, давно пропустившего время сна, – маленького мальчика, который только что увидел свой самый желанный подарок на Рождество. Подарок, которого не заменят все богатства на земле. Эта штука лежала в самом центре витрины, окруженная двумя рифлеными вазами (это было любимое Нетти цветное стекло, хотя Хью этого и не знал, но даже если бы и знал, то плевать ему было на это).

В витрине лежал лисий хвост.

Внезапно Хью перенесся обратно во времени в 1955 год, когда он только что получил права и собирался поехать на матч чемпионата Западного Мэна среди старших школьников – Касл-Рок против Гринс-парка – на отцовском кабриолете, «форде» 1953 года выпуска. Была середина ноября, но день был не по сезону теплый. Достаточно теплый, чтобы ехать без крыши (и особенно если ты и твои друзья – отвязные безбашенные мальчишки, настроенные как следует побеситься). В машине их было шестеро. Питер Дойон притащил фляжку виски, Перри Комо возился с радиоприемником, Хью Прист сидел за рулем, а на конце антенны трепыхался ослепительно рыжий, пушистый лисий хвост – точь-в-точь такой, какой сейчас красовался в витрине.

Хью вспомнил, как он тогда смотрел на развевающийся хвост и думал, что, когда у него будет свой кабриолет, он обязательно купит себе такой же.

Он вспомнил, как отказался от виски, когда подошла его очередь. Он же сидел за рулем, а раз ты за рулем, то даже не думай пить – ведь ты отвечаешь за жизнь других. И он вспомнил еще одну вещь: это был самый счастливый час самого счастливого дня в его жизни.

Память удивила его болезненной четкостью и полнотой ощущений: дымный аромат горящих листьев, отблески ноябрьского солнца на хромированных деталях машины. Сейчас, пока Хью рассматривал лисий хвост в витрине «Нужных вещей», ему стало ясно, что это действительно был *лучший* день его жизни, один из последних хороших деньков перед тем, как зеленый змий крепко схватил его в свои мягкие резиновые объятия, превратив в некий извращенный вариант царя Мидаса: все, к чему он прикасался, теперь превращалось в дерьмо.

Неожиданно он подумал: *Я могу измениться.*

Мысль была захватывающе четкой.

Я могу начать все сначала.

Но разве такое бывает?

Наверное, все же бывает. Вот куплю себе этот лисий хвост и привяжу его к антенне своего «бьюика».

Но над ним же будут смеяться. Ребята его засмеют.

Какие ребята?! Генри Бофорт? Этот молокосос Бобби Дугас? Да пошли они куда подальше. Купи этот хвост, привяжи к антенне и вперед...

Вперед – куда?

Ну, для начала, может быть, на собрание общества Анонимных алкоголиков? Они каждый четверг собираются в Гринс-парке.

На мгновение одна только мысль о том, что такое возможно, ошарашила и восхитила его, как восхищает узника ключ, оставленный в замочной скважине нерадивым тюремщиком. На мгновение он даже поверил, что у него все получится. Он представил себе, как ему вручают сначала белый жетон⁶, а потом – красный и синий жетоны; представил себе, что остается трез-

⁶ Жетоны, отмечающие степень успеха лечящегося от алкоголизма.

вым день за днем, месяц за месяцем. Никаких «Подвыпивших тигров». Жалко, конечно. Но зато никаких дней полочки, проведенных в томительном ожидании розового листка, который придет вместе с чеком по почте. А это уже очень даже неплохо.

В эту минуту, стоя перед витриной «Нужных вещей», Хью заглянул в будущее. Впервые за многие годы он смотрел в будущее, и этот роскошный рыжий лисий хвост с белым кончиком развевался в нем, как боевое знамя.

Но потом наваждение прошло и реальность обрушилась на него. Реальность пахла дождем и сырой грязной одеждой. Не будет никакого лисьего хвоста, никаких собраний АА, никаких жетонов, никакого будущего. Ему *пятьдесят один год*, а пятьдесят один год – уже не тот возраст, чтобы мечтать о каких-то грядущих свершениях. В пятьдесят один год ты уже не строишь никаких планов на будущее, а лишь убегаешь от лавины прошлого.

Если бы сейчас был рабочий день, Хью скорее всего зашел бы в магазин. Да, черт подери, зашел бы. Он вошел бы в магазин и спросил, сколько стоит тот хвост с витрины. Но уже десять вечера, на Главной улице все закрыто и заперто, как пояс целомудрия сказочной Снежной Королевы. А завтра утром, когда он проснется с чувством, как будто ему воткнули шило промеж глаз, он и не вспомнит об этом прекрасном рыжем лисьем хвосте, трепещущем на ветру.

Но все же он медлил. Стоял у витрины и водил по стеклу грязными загубевшими пальцами, как ребенок перед магазином игрушек. Слабая улыбка тронула уголки его губ. На пропитом лице Хью Приста эта мягкая улыбка казалась совсем неуместной. А потом где-то на Смотровой пару раз гроыхнула машина, как будто выстрелы разрезали влажный воздух, и Хью очнулся.

На хрен, на хрен. О чем ты думаешь?!

Он отвернулся от витрины и направился к дому, если можно назвать домом ту двухкомнатную лачугу с пристроенным сараем, в которой он живет. Проходя под навесом, он посмотрел на дверь... и снова остановился.

На двери висела табличка с надписью:

ОТКРЫТО

Словно во сне, Хью взялся за ручку и повернул ее. Дверь легко подалась. Над головой звякнул маленький серебряный колокольчик. Впечатление было такое, что звук доносился откуда-то издалека.

Посреди магазина стоял человек. Он орудовал щеткой из перьев, смахивая пыль с прилавка, и что-то тихонечко напевал себе под нос. Услышав звон колокольчика, он повернулся к Хью. Его, похоже, нисколько не удивило, что кто-то пришел в магазин в десять минут одиннадцатого, вечером в среду. Хью не сумел разглядеть лица человека за прилавком, но его глаза он увидел отчетливо, и они поразили его. Даже не карие, а абсолютно черные, как у индейца.

– Парень, ты забыл перевернуть табличку на дверях, – услышал Хью собственный голос.

– Нет, вовсе нет, – вежливо отозвался мужчина. – Я, знаете ли, плохо сплю и иногда долго не закрываюсь. А вдруг кто-нибудь да заглянет из поздних прохожих... вот как вы, например... и что-нибудь себе приглядит. Не хотите войти осмотреться?

Хью Прист вошел в магазин и закрыл за собой дверь.

7

– Там у вас лисий хвост... – начал Хью, запнулся, откашлялся, прочищая горло, и попробовал еще раз. Но вместо нормальных слов выходило какое-то хриплое, неразборчивое бормотание: – Там у вас лисий хвост в витрине.

– Да. – Хозяин кивнул. – Очень красивый, правда?

Он держал щетку перед собой и с интересом смотрел на Хью поверх букета из перьев, скрывавших нижнюю половину его лица. Хью не видел его рта, но был уверен, что тот улыба-

ется. Обычно его напрягало, если кто-то – и особенно человек незнакомый – улыбается при разговоре с ним. Хотелось сразу же дать по морде. Однако сегодня его это не раздражало. Может быть, потому, что сегодня он принял всего половину своей обычной дозы.

– Да, – согласился Хью. – Он просто роскошный. Когда я был маленьким, у отца был кабриолет с таким же вот лисьим хвостом, прикрепленным к антенне. В этом убогом городишке никто не верит, что когда-то и я был ребенком, но это действительно так. Как и все.

– Конечно. – Хозяин пристально смотрел на Хью, и – странная вещь – Хью казалось, что его глаза *растут* и становятся все больше и больше, заполняя собой все пространство. Хью не мог отвести от них взгляда. От слишком долгого контакта «глаза в глаза» ему тоже обычно хотелось набить собеседнику морду. Но сегодня такого желания не возникло.

– Я тогда думал, что лисий хвост – самая роскошная вещь в мире.

– Конечно.

– Роскошно – так мы тогда говорили. Не то что сейчас: *круто*. Или: *кайфово*... я вообще не понимаю, что это за хрень собачья.

Хозяин «Нужных вещей» ничего не ответил на это. Он просто молча смотрел на Хью Приста своими черными индейскими глазами через листву метелки из перьев.

– Как бы там ни было, я хочу его купить. Он продается?

– Конечно, – в третий раз произнес Лиланд Гонт.

Хью почувствовал облегчение и внезапную радость.

У него вдруг появилась уверенность в том, что все будет в порядке – абсолютно *все*. Что в общем-то было безумием чистой воды: в Касл-Роке и трех ближайших городах трудно было бы найти человека, которому он не был должен денег, уже полгода он висел на волоске под угрозой увольнения, его «бьюик» держался на ходу лишь святыми молитвами... и все же, все же, все же...

– Сколько? – спросил Хью. Он впал в легкую панику, потому что не знал, хватит ли у него денег. Или еще того хуже: хвост будет стоить немерено, но он все-таки наскребет необходимую сумму завтра или послезавтра, а потом вдруг окажется, что хвост уже продан.

– Ну, так сразу не скажешь. Это зависит...

– От чего?

– От того, сколько ты готов заплатить.

Словно во сне, Хью достал из заднего кармана свой потертый бумажник.

– Убери это, Хью.

Разве я называл ему свое имя?

Он не помнил, но бумажник убрал.

– Выворачивай карманы. Прямо сюда, на прилавок.

Хью вытащил из карманов все. Складной нож, упаковка мятных леденцов, зажигалка «зипшо», около полутора долларов мелочью, пересыпанной табаком. Монеты звякнули о стекло.

Мужчина нагнулся над прилавком и исследовал кучку.

– Вполне подойдет, – сказал он и провел щеткой по этой скудной коллекции. Когда он убрал ее, на прилавке остались нож, зажигалка и конфеты. Все монеты исчезли.

Хью наблюдал за происходящим без всякого удивления. Он молчал, как говорящая игрушка с севшими батарейками. Высокий мужчина сходил к витрине, вернулся с лисьим хвостом и положил его на прилавок рядом с маленькой кучкой вещей из карманов Хью.

Хью медленно протянул руку и погладил мех, густой и прохладный. Он пощелкивал статическим электричеством. Гладить этот мех – все равно что гладить ясную осеннюю ночь.

– Хорош? – спросил хозяин.

– Хорош, – рассеянно согласился Хью и собрался взять хвост с прилавка.

– Подожди, – резко проговорил хозяин, и Хью тут же отдернул руку. Он смотрел на Гонта с такой неизбежной обидой, что она была больше похожа на горе. – Ты еще не расплатился.

– Да, – согласился Хью. *Я как под гипнозом*, подумал он. *Черт, кажется, этот парень меня загипнотизировал*. Но это было не важно. Даже немного... приятно.

Он опять потянулся к бумажнику, но как будто в замедленной съемке.

– Да оставь ты его, ты, осел, – раздраженно сказал мистер Гонт и отложил в сторону свою щетку.

Рука Хью безвольно повисла.

– Почему, интересно, почти все люди уверены, что все решают их деньги? – ворчливо спросил Гонт.

– Не знаю, – сказал Хью. Он никогда не задумывался об этом. – Глупо как-то получается.

– *Хуже*, – отрезал Гонт. Теперь в его голосе появились сварливые, раздраженные нотки, как будто он либо очень устал, либо сильно разозлился. Впрочем, он действительно утомился – сегодня был длинный день, насыщенный событиями. Он многого добился, но работы еще предстояло немало. Непочатый край. – *Намного хуже*. Это *преступная* глупость! Знаешь что, Хью? В мире полно людей, которым что-то такое нужно, но которые не понимают, что все продается, буквально *все*... если ты согласен платить. Они прикрывают свой идиотизм красивыми словами и гордятся своим здоровым цинизмом. Но все это полная чушь!

– Чушь, – механически согласился Хью.

– Те вещи, которые нужны *по-настоящему*, за деньги не купишь. Самый толстый бумажник в этом городе не стоит пота из подмышки рабочего человека. Полная *чушь*! А души! Если бы мне давали пять центов всякий раз, когда я слышу: «Я продам душу за то-то и то-то», – я бы давно уже прикупил себе Эмпайр-Стейт-Билдинг! – Он наклонился поближе к Хью, и его губы растянулись в нездоровой улыбке, обнажившей неровные зубы. – Скажи-ка мне вот что, Хью: на кой ляд, во имя всех тварей земных и подземных, сдалась мне твоя душа?

– Наверное, ни на какой ляд не сдалась. – У Хью было странное ощущение, что его собственный голос доносится издали. Как будто со дна глубокой, темной пещеры. – К тому же она сейчас не совсем в форме.

Мистер Гонт как-то разом расслабился и выпрямился за прилавком.

– Ладно, хватит лжи и полуправды. Хью, ты знаешь женщину по имени Нетти Кобб?

– Полоумную Нетти? Ее здесь, в городе, все знают. Она убила своего мужа.

– Да, мне говорили. А теперь слушай меня, Хью. Слушай внимательно. А потом забирай свой хвост и отправляйся домой.

Хью Прист слушал очень внимательно.

Снаружи лил настоящий дождь. И вдобавок поднялся ветер.

8

– *Брайан!* – резко проговорила мисс Рэтклифф. – *Как тебе не стыдно, Брайан Раск! От тебя я такого не ожидала! Выйди к доске! Сейчас же!*

Он сидел на задней парте в подвальном классе, где проходили логопедические занятия, и, кажется, только что сделал что-то плохое – ужасно плохое, судя по тону мисс Рэтклифф, – но не знал, что именно, пока не встал на ноги. Только тогда он заметил, что он совершенно голый. Его накрыло горячей волной стыда, но вместе с ней пришло и возбуждение. Он посмотрел вниз на свой пенис и испугался, увидев, что тот встает.

– *Я сказала, выйди к доске!*

Он медленно двинулся по проходу. Остальные ребята – Салли Мейерс, Донни Франкель, Нони Мартин и бедный дебил Слопи Додд – откровенно смеялись над ним.

Мисс Рэтклифф стояла за своим столом, уперев руки в бока и сверкая глазами. Ее роскошные темно-каштановые волосы были как облако света вокруг ее головы.

– Ты плохой мальчик, Брайан, очень плохой.

Он тупо кивнул головой, но его пенис поднял СВОЮ голову, и, казалось, ОН был вовсе не против того, чтобы побыть плохим. ЕМУ это даже ПРАВИЛОСЬ.

Мисс Рэтклифф вложила ему в руку кусок мела. Когда их руки соприкоснулись, он почувствовал проскочившую между ними искру.

– А сейчас, – строго сказала учительница, – ты должен пятьсот раз написать на доске: Я ОБЯЗАТЕЛЬНО РАСПЛАЧУСЬ ДО КОНЦА ЗА СВОЮ КАРТОЧКУ С СЭНДИ КУФАКСОМ.

– Да, мисс Рэтклифф.

Он начал писать, встав на цыпочки, чтобы достать до верха доски. Голыми ягодицами он ощущал теплый воздух в классе. Он дописал только первую строчку из обязательных пятисот Я ОБЯЗАТЕЛЬНО РАСПЛАЧУСЬ ДО КОНЦА ЗА СВОЮ КАРТОЧКУ С СЭНДИ КУФАКСОМ и вдруг почувствовал, как мягкая рука мисс Рэтклифф легла на его затвердевший пенис и начала нежно его ласкать. Он чуть не упал в обморок от удовольствия.

– Продолжай писать, – прошептала она, – и я тоже продолжу.

– М-мисс Р-рэ-рэтклифф, а к-как же мои я-языковые уп-пражнения? – спросил Слони Додд.

– Заткнись, Слони, или я перееду тебя машиной на стоянке у школы, – сказала мисс Рэтклифф. – Размажу тебя по асфальту, дружок.

Она продолжала двигать рукой. Брайан уже ничего не писал, а только стонал. Это было неправильно, и он это знал... но все равно так приятно. Ни с чем не сравнимо. Как раз то, что нужно. Именно то, что нужно.

Но когда он обернулся, он увидел, что у него за спиной стояла вовсе не мисс Рэтклифф, а Вильма Ержик с ее бледным лицом и глубоко посаженными карими глазками, похожими на две изюминки в пышном тесте.

– Он ее отберет, если ты не рассчитаешься до конца, – сказала Вильма. – И это еще не все, дружок. Он...

9

Брайан Раск проснулся с таким рывком, что чуть не упал с кровати. Он был весь в поту, сердце стучало как молот, а его пенис торчал в пижамных штанах маленьким твердым стручком.

Он сел на кровати. Его била дрожь. Первое, что пришло ему в голову, – надо позвать маму, как он делал, когда был маленьким и ему снились кошмары. Но потом до него дошло, что он уже не маленький, все-таки одиннадцать лет... и вообще это не тот сон, который можно пересказать маме.

Брайан откинулся на подушку и уставился в потолок. Электронные часы на столе показывали четыре минуты первого. С улицы доносился шум сильного дождя. За окном завывал ветер и бился в стекло.

Моя карточка. Моя карточка с Сэнди Куфаксом пропала.

Нет, никуда она не пропала. Умом он это понимал, но знал, что не сможет заснуть, пока не проверит, есть она там или нет – в папке с его коллекцией карточек клуба «Топпс» сезона 1956 года. Вчера, перед тем как идти в школу, он проверял папку. Вернувшись из школы, снова проверил. И еще вечером, после ужина. Он даже прервал игру со Стэнли Даусоном на заднем дворе – специально, чтобы сходить и проверить ее еще раз. Он сказал Стэнли, что ему надо в туалет. В последний раз он проверял карточку, перед тем как залезть в постель и

выключить свет. Брайан понимал, что это уже идиотизм, что он становится одержимым. Да, он все понимал, но это ничего не меняло.

Он выскользнул из постели, не обращая внимания на то, что от прохладного воздуха его разгоряченное тело покрылось гусиной кожей, а пенис обмяк. Он тихо подошел к шкафу с одеждой. На сбившейся простыне остался влажный отпечаток его тела. На шкафу, в пятне белого света от уличного фонаря, лежала большая папка.

Брайан взял ее в руки и начал быстро перебирать прозрачные пластиковые страницы с карманчиками для карточек. Быстренько пролистав Мела Парнелла, Уайти Форда и Уоррена Спана – сокровища, бывшие раньше предметом его несказанной гордости, – он добрался до пустых страниц, так и не обнаружив Сэнди Куфакса. Его сердце упало. Но потом он сообразил, что в спешке перевернул сразу несколько страниц. Пролистал назад, и вот, вот он, Сэнди: узкое лицо, еле заметная улыбка, преданный взгляд из-под козырька бейсболки.

Моему другу Брайану, с наилучшими пожеланиями, Сэнди Куфакс.

Брайан провел пальцами по наклонным черточкам надписи. Его губы шевелились, безмолвно выговаривая слова. Он успокоился... или почти успокоился. Карточка была еще не совсем *его*. Это был как бы пробный прокат. Надо было еще что-то такое сделать, чтобы она стала совсем его. Брайан был не уверен, что именно нужно сделать, но он знал, что это имело какое-то отношение к сегодняшнему сну и что он все узнает, когда время

(завтра? или уже сегодня?)

придет.

Он закрыл папку с наклеенным сверху кусочком картона: КОЛЛЕКЦИЯ БРАЙАНА. РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ! – положил ее обратно на шкафчик и вернулся в постель.

Насчет этой карточки с Сэнди Куфаксом была только одна проблема. Брайану очень хотелось показать ее папе. Возвращаясь домой из «Нужных вещей», он представлял себе, как пойдет разговор, когда он ее достанет. Он, Брайан, как бы между прочим: «Эй, пап, я тут зашел в этот новый магазин и нашел карточку 56-го года. Хочешь посмотреть?» Папа скажет: давай, – но без особого интереса. Он пойдет с Брайаном, просто чтобы не обижать ребенка. Но как загорятся его глаза, когда он увидит, *какую именно* карточку нашел его сын! А когда он увидит автограф...

Да, он удивится и, конечно, обрадуется. Может быть, хлопнет Брайана по плечу и даст ему пять.

Но что *потом*?

Потом начнутся расспросы, и в этом-то и заключалась проблема. Папа захочет знать, во-первых, где он купил эту карточку, и, во-вторых, откуда у него такие деньги. Такая карточка должна стоить немало. Она: а) редкая, б) в великолепном состоянии и в) с автографом. Печатная подпись гласила: *Сэндфорд Куфакс* – и это было полное имя знаменитого питчера. А рукописный автограф был от *Сэнди Куфакса*, то есть среди понимающих коллекционеров цена такой карточки составляет никак не меньше ста пятидесяти долларов.

Брайан прокрутил в уме все возможные ответы.

Я купил ее в новом магазине, пап. «Нужные вещи». Продавец дал мне большую скидку... сказал, что так будет больше покупателей, если он будет удерживать низкие цены.

Задумано было неплохо, но даже ребенок, который ходит в кино по детским билетам, понимал, что этого недостаточно. Когда говоришь, что тебе дали огромную скидку, у окружающих возникают вопросы. Очень неприятные вопросы.

Да? И сколько он тебе скинул? Тридцать процентов? Сорок? Отдал за полцены? Брайан, все равно это выходит шестьдесят – семьдесят баксов, а я знаю, что в твоём банке «Свинья-копилка» таких денег нет.

Ну... даже чуть меньше, пап.

Хорошо. Сколько ты заплатил?

Ну... восемьдесят пять центов.

Тебе продали бейсбольную карточку 1956 года с автографом Сэнди Куфакса в хорошем состоянии за восемьдесят пять центов?

Вот тут и начнутся проблемы. Настоящие проблемы.

Какие? Сложно сказать так вот сразу, но вони будет достаточно – можно не сомневаться. Папа с мамой уж точно придумают, в чем его обвинить.

Вовсе не исключено, что они будут настаивать, чтобы он вернул карточку в магазин. Но это уж извините, этого он ни за что не сделает. Ведь она не просто с автографом; она подписана специально для Брайана.

Блин, он даже Стэну Даусону не смог ее показать, когда тот зашел к нему в гости. Не смог, хотя очень хотел. Если бы Стэн увидел такую карточку, он съел бы свою коллекцию «Жокеев» без соли. Стэн должен был в пятницу ночевать у них дома, и Брайан представил себе, как он говорит его папе: *Вам понравилась карточка Сэнди Куфакса, мистер Раск? Кайфовая штука, да?* То же самое получалось и с остальными его друзьями. Брайан открыл для себя одну из главных истин маленьких городов: большинством секретов – на самом деле *всеми* более или менее важными секретами – нельзя делиться ни с кем. Потому что в противном случае уже через несколько дней твой секрет будет знать весь город.

Вот так получилось, что он оказался в очень странном и неудобном положении. У него появилась хорошая вещь, но он не может ее никому показать. Это печальное обстоятельство должно было умять радость от обладания этой вещью – и так и случилось, до определенного предела, – но при этом Брайан испытывал тайное, чуть ли не скупердяйское удовольствие. Конечно, он был очень рад, что у него есть *такая* карточка, но больше всего ему нравилось *рассматривать* ее в одиночестве. Так он открыл еще одну истину: когда что-нибудь принадлежит только тебе, в этом есть необычное удовольствие. Как будто кто-то построил глухую стену вокруг его светлой, открытой и добросердечной натуры и установил там специальный фонарь черного света, искажающий все, что попадало под его лучи.

Но он ни за что не вернет эту карточку.

Никогда в жизни.

Тогда тебе лучше быстрее за нее расплатиться, прошептал голос из глубины сознания.

Конечно. Какие проблемы. Он готов расплатиться. Ему казалось, что то, что ему предстояло сделать, – это вообще-то не очень хорошо, но почему-то он был уверен, что ничего особенно страшного в этом не будет. Просто... ну...

Это будет просто шутка, прошептал голос у него в голове, и он увидел глаза мистера Гонта – темно-синие, как море в ясную погоду, они так и лучились покоем. *Просто маленькая, безобидная шутка.*

Ну да, просто шутка, что бы там ни было.

Никаких проблем.

Брайан укрылся одеялом, повернулся на бок, закрыл глаза и мгновенно заснул.

Но перед тем как окончательно провалиться в сон, он вспомнил слова мистера Гонта. Как он там говорил? *Ты послужишь мне лучшей рекламой, чем все местные газеты.* Но ведь он даже не мог никому показать эту чудесную карточку. Какая же тут реклама?! И если эта простая мысль была очевидной даже для него, одиннадцатилетнего мальчишки, недостаточно сообразительного, чтобы, переходя через улицу, чуть не угодить под машину Хью Приста, то как же такой умный дядька, как мистер Гонт, мог этого не заметить?!

Хотя все может быть. Но может и не быть. Взрослые думают совершенно не так, как должны думать нормальные люди, и потом, карточка-то все равно у него, правильно? Лежит в папке с коллекцией, где ей и положено быть?

Ответ на оба вопроса был положительным, и Брайан решил не грузить мозги. Дождь по-прежнему барабанил в окно, а ветер все так же пронзительно завывал в желобах под карнизом.

Глава четвертая

1

Дождь лил всю ночь со среды на четверг и прекратился лишь на рассвете, а к десяти тридцати, когда Полли выглянула на улицу из окна своего ателье и увидела Нетти Кобб, небо начало потихонечку проясняться. Нетти семенила по Главной улице, зажав под мышкой свою сумочку и держа в руках зонт.

– Как твои руки? – спросила у Полли Розали Дрейк.

Полли украдкой вздохнула. Сегодня днем ей придется отбиваться от того же вопроса, только заданного более настойчиво: они с Аланом договорились встретиться в три часа в забегаловке у Нан. Нельзя обмануть людей, которые хорошо тебя знают. Они видят, какая ты бледная, видят синяки у тебя под глазами. И самое главное: они видят боль у тебя в глазах.

– Сегодня значительно лучше, спасибо, – сказала она, лишь слегка покривив душой. Рукам было лучше, да. Но вот насчет *значительно* лучше... Ну-ну.

– А я подумала, что из-за дождя и вообще...

– Это непредсказуемо. Никогда не знаешь, от чего они могут разболеться. В этом-то вся проблема. Ладно, Розали, оставим этот разговор. Посмотри лучше в окно. Я думаю, мы сейчас будем свидетелями небольшого чуда.

Розали подошла к окну и тоже увидела маленькую фигурку с зажатым в руке зонтом – Нетти держала его наперевес, как дубинку, – которая приближалась ко входу в «Нужные вещи».

– Это что, правда Нетти? – Розали чуть не подавилась от удивления.

– Да, это она.

– Боже мой, она собирается туда зайти!

На миг показалось, что предсказание Розали все сглазило. Нетти приблизилась к двери... и вдруг отпрянула, словно испугавшись собственной смелости. Она переложила зонтик из одной руки в другую и уставилась на фасад «Нужных вещей», будто это была змея, готовая ужалить.

– Давай, Нетти, – тихо сказала Полли. – Давай же, милая.

– Может, там закрыто? – предположила Розали.

– Нет, там другое. Там написано: **ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ ВХОД ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ**. Я заметила утром, когда проходила мимо.

Нетти опять подошла к двери, схватилась за ручку, но потом вновь отступила.

– Боже, она меня *убивает*, – сказала Розали. – Она мне говорила, что собирается зайти посмотреть, и я знаю, как она любит цветное стекло, но если честно, то я не верила, что она и в самом деле пойдет.

– А у меня она спросила, можно ли ей отлучиться из дому, чтобы сходить «в это новое место» и забрать мой контейнер для пирога, – прошептала Полли.

Розали кивнула:

– Да, в этом вся Нетти. Раньше она у меня спрашивала разрешения сходить в туалет.

– Мне кажется, в глубине души она надеялась, что я скажу «нет». Но в то же время ждала, что я скажу «да».

Полли не спускала глаз с поля локального, но жестокого боя, разыгравшегося на улице менее чем в сорока футах от ателье. Это была маленькая война между Нетти Кобб и Нетти Кобб. И какая будет значительная победа, если Нетти и вправду войдет в магазин!

Полли внезапно почувствовала тупую, жгучую боль в руках. Она опустила глаза и увидела, что от волнения сжала кулаки. Усилием воли она раскрыла ладони.

– Дело не в контейнере для пирога и не в цветном стекле, – сказала Розали. – Дело в *нем*. Полли удивленно посмотрела на нее.

Розали засмеялась и покраснела.

– То есть я не имею в виду, что Нетти влюбилась в него без памяти. Ничего подобного. Хотя, когда я вчера догнала ее на улице, она выглядела немного ошарашенной. Он хорошо к ней отнесся, Полли. Вот и все. Честно и хорошо.

– Многие люди относятся к ней хорошо, – возразила Полли. – Алан из кожи вон лезет, а она все равно его стесняется.

– У нашего мистера Гонга свой подход к людям, – просто сказала Розали, и, словно в подтверждение ее слов, Нетти все-таки повернула ручку и открыла дверь. Потом она замерла на пороге, теребя в руках зонтик, как будто на этом запасы ее решимости истощились. Полли была уверена, что сейчас она закроет дверь и убежит сломя голову. Ее руки, забыв про артрит, снова сжались в кулаки.

Давай, Нетти, входи. Пользуйся благоприятным моментом. Вернись в этот мир.

Тут Нетти улыбнулась – очевидно, кому-то, кого не могли видеть ни Полли, ни Розали. Она опустила свое грозное оружие, зонтик... и вошла в магазин.

Дверь за ней закрылась. Полли повернулась к Розали и была очень тронута тем, что в глазах у Розали стояли слезы. Две женщины посмотрели друг на друга, кинулись друг другу в объятия и засмеялись.

– Так держать, Нетти! – сказала Розали.

– Два-ноль в нашу пользу! – согласилась Полли, и солнце в ее душе засияло на добрых два часа раньше, чем в небе над Касл-Роком.

2

Через пять минут Нетти Кобб уже сидела на одном из обитых плюшем стульев с высокой спинкой, расставленных Гонгом вдоль стены. Зонтик и сумочка валялись на полу. Гонг сидел рядом, держа ее руки в своих и глядя в ее нерешительные глаза. На прилавке рядом с коробкой от пирога стоял абажур из цветного стекла. Это была очень красивая вещь, и бостонские антиквары оценили бы ее долларов в триста, не меньше; а Нетти Кобб только что приобрела ее за десять долларов сорок центов – все деньги, бывшие у нее в кошельке. Но даже такая замечательная покупка была на время забыта, как зонтик и сумочка.

– Пустяк? – будто во сне, переспросила она и еще крепче вцепилась в руки мистера Гонга. Он ответил на ее пожатие, и у нее на лице промелькнула едва заметная улыбка удовольствия.

– Да, пустячок. Ничего особенного. Вы ведь знаете мистера Китона?

– Да, разумеется, – отозвалась Нетти. – И Рональда, и его сына, Дэнфорда. Я знаю обоих. Вы про которого?

– Про младшего, – сказал мистер Гонг, поглаживая ее ладонь. Ногти его больших пальцев были слегка желтоватыми и очень длинными. – Главу городской управы.

– За спиной его кличут Бастером, – хихикнула Нетти. Звук был резкий, слегка истеричный, но Лиланд Гонг вовсе не выглядел встревоженным. Наоборот. Казалось, что звуки не совсем нормального смеха Нетти доставляют ему удовольствие. – С самого детства.

– Я хочу, чтобы вы расплатились за абажур, подшутив над Бастером.

– Подшутив? – Нетти встревожилась.

Гонг улыбнулся:

– Милая, безобидная шутка. Он и не узнает, что это были вы. Он подумает на кого-то другого.

– Да? – Нетти перевела взгляд на цветной абажур, и что-то мелькнуло в ее глазах: жадность или, может, тоска пополам с удовольствием. – Ну...

– Все будет в порядке, Нетти. Никто не узнает... а у вас будет абажур.

Нетти заговорила медленно и задумчиво:

– Мой муж много раз подшучивал надо мной. Если теперь я сыграю над кем-нибудь шутку, это может быть даже весело. – Она встревоженно посмотрела на Гонта. – Он ведь не *пострадает*? Я не хочу, чтобы он *пострадал*. Мой муж пострадал... из-за меня... вы знаете.

– Нет, он ни капельки не пострадает, – мягко сказал Гонт, сжимая ее руки. – Можете не сомневаться. Вам нужно будет кое-что положить в его доме.

– Но как я войду к нему...

– Вот.

Он положил ей на ладонь какую-то штучку. Ключ. Нетти сжала его в руке.

– Когда? – спросила она. Ее блуждающий взгляд снова остановился на абажуре.

– Скоро. – Он отпустил ее руки и встал. – А сейчас, Нетти, давайте я вам упакую этот абажур. Миссис Мартин должна зайти посмотреть на вазы через... – Он взглянул на часы. – Боже, уже через пятнадцать минут! Но я еще успею сказать вам, как я рад, что вы все же решились зайти. В наши дни очень немногие люди понимают и ценят красоту цветного стекла – большинство просто дельцы с кассовыми аппаратами вместо сердца.

Нетти тоже поднялась на ноги. Она смотрела на абажур влюбленными глазами. Судорожная нервозность, с которой она приближалась к магазину, исчезла без следа.

– Какой он красивый, правда?

– Да, – тепло согласился мистер Гонт. – Я просто не могу выразить... как я счастлив от того, что эта вещь попадет в хорошие руки, в хороший дом, место, где ее будут не просто протирать по пятницам и когда-нибудь обязательно разобьют из-за обычного небрежения, а осколки без всякого сожаления выбросят в мусор.

– Я никогда так не сделаю! – вскрикнула Нетти.

– Я знаю, знаю, – успокоил ее мистер Гонт. – В этом все ваше обаяние, Нетишия.

Нетти изумленно уставилась на него:

– Откуда вы знаете мое имя?

– Это моя особенность. Я никогда не забываю имен и лиц.

Он зашел за занавеску и вскоре вернулся с куском белого картона и ворохом упаковочной бумаги. Положил бумагу рядом с контейнером Полли (бумага тут же начала расправляться, с таинственным шорохом и треском превращаясь в некое подобие гигантского корсета), он сложил из картона коробку точно по размеру абажура.

– Я знаю, что лучше вас за этой вещицей никто не присмотрит. Поэтому я вам ее и продал.

– Правда? А я думала... мистер Китон... и эта шутка...

– Нет, нет, нет! – сказал мистер Гонт с мягким смехом. – Эту шутку может сыграть кто угодно! Люди любят подшучивать друг над другом! А вот свести вместе вещи и людей, которые в них нуждаются и будут любить их и холить... это, как говорится, другой компот. Иногда, Нетишия, мне кажется, что *на самом деле* я продаю счастье... как вы думаете?

– Может быть, – честно сказала Нетти. – Я знаю одно: меня вы точно сделали счастливой, мистер Гонт. Очень счастливой.

Он расплылся в широченной улыбке, обнажившей неровные, напалзающие друг на друга зубы.

– Замечательно! Просто отлично! – Мистер Гонт запихнул в коробку оберточную бумагу, аккуратно уложил абажур в эту хрустящую белизну и закрыл коробку. – Вот и готово! Еще один довольный покупатель нашел свою нужную вещь.

Он вручил Нетти коробку. Когда их пальцы соприкоснулись, она невольно вздрогнула от отвращения, хотя пару минут назад сама сжимала их с такой силой – и даже пылом. Но тот эпизод уже начал стираться из памяти. Мистер Гонт поставил контейнер для пирога поверх белой коробки. Из него торчала какая-то бумажка.

– А это что?

– Записка вашей хозяйке, – ответил Гонт.

Нетти встревожилась:

– Там что-нибудь про *меня*?

– Святые угодники, нет, конечно! – засмеялся Гонт, и она чуть расслабилась. Его смех отметал любое сопротивление и недоверие. – Храните свой абажур, Неттишя, и заходите еще.

– Да, конечно, – сказала Нетти, и это было ответом на оба пожелания, но в глубине души (в этом хранилище тайн и секретов, где нужды и страхи толпятся, пихаясь локтями, как пассажиры в переполненном вагоне метро) она знала, что, даже если она и зайдет сюда еще раз, все равно она больше уже ничего здесь не купит.

Ну и что с того? Абажур был просто *шикарным*, она давно о таком мечтала, как раз такого ей и не хватало для полноты ее скромной коллекции. Она подумала, стоит ли рассказать мистеру Гонту, что ее муж мог бы жить до сих пор, если бы четырнадцать лет назад не разбил абажур из цветного стекла, очень похожий на этот. И это было последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. За годы совместной жизни он столько раз избивал ее, причем нередко дело заканчивалось переломами, однако она его не убивала. Но когда он разбил абажур – отобрал у нее то единственное, что ей было *по-настоящему* нужно, – она в ответ отобрала у него жизнь.

Она решила, что ей не надо ничего говорить мистеру Гонту.

Такие люди, как он, сами все знают и понимают.

3

– Полли, Полли, она выходит!

Полли оставила портняжный манекен, на котором медленно и осторожно подрубала подол платья, и поспешила к окну. Из «Нужных вещей» вышла Нетти, нагруженная, как говорят, под завязку. На локте у нее висела сумочка, под мышкой был зажат зонтик, а в руках она несла какую-то белую коробку, на которой балансировал контейнер для пирога.

– Пойду помогу ей, – сказала Розали.

– Нет. – Полли мягко удержала ее за локоть. – Лучше не надо. Она от этого лишь засмущается.

Они наблюдали за тем, как Нетти идет по улице. Она больше не семенила: скорее – плыла. *Нет*, подумала Полли, *даже не так. Не плыла, а... парила.*

У нее в голове что-то щелкнуло, и из каких-то перекрестных ассоциаций родилась мысль, которая заставила Полли прыснуть со смеху.

Розали взглянула на нее, удивленно приподняв бровь.

– Ты чего?

– Ты посмотри на ее лицо, – сказала Полли, глядя, как Нетти медленно и мечтательно переходит Линден-стрит.

– А что у нее с лицом?

– Она похожа на женщину, которая только что переспала с мужчиной... и испытала как минимум три оргазма.

Розали слегка покраснела, еще раз взглянула на Полли и тоже засмеялась. Подруги повисли друг на друге, чуть ли не рыдая от смеха.

– Боже, – выдохнул Алан Пангборн с порога. – Дамы хохочут, а ведь еще нет и двенадцати. Не рановато ли для шампанского?

– Четыре! – заходясь смехом, выдавила Розали. Слезы текли у нее по щекам. – Не три, а четыре!

И они снова взорвались хохотом, держась за руки и повизгивая, уже не в силах смеяться, но не в силах и остановиться. Алан же только смотрел на них и озадаченно улыбался.

4

Норрис Риджвик явился в офис шерифа за десять минут до того, как фабричный свисток известил город о наступлении полудня. Он был в гражданском. На этой неделе его дежурство приходилось на смену с двенадцати дня до девяти вечера – его любимое время. Пусть кто-то другой занимается всей той грязью, которая иногда вываливается на улицы города после закрытия баров в час ночи. Он *может* с этим справляться, и справлялся уже не раз, но ему всегда было противно до рвоты. Его иной раз и вправду рвало, даже если жертвы ночных происшествий держались на ногах, болтались вокруг и орали, что не станут они дышать в эту говенную трубочку и что они знают свои права. Просто у Норриса был слабый желудок. Шейла Брайхем любила дразнить его – говорила, что он похож на Энди, помощника шерифа из сериала «Твин Пикс», – однако Норрис знал, что это не так. Энди рыдал, когда видел мертвецов. Норрис не плакал. Вместо этого он блевал на них. То есть не то чтобы прямо на них, а где-нибудь в сторонке. Но однажды он чуть было и вправду не облевал Гомера Гамаша, когда нашел его в канаве около кладбища забитым до смерти его же собственным протезом.

Норрис взглянул на расписание дежурств, увидел, что Энди Клаттербак и Джон Лапуант уехали на патрулирование, потом быстренько просмотрел бумажки на доске объявлений. Для него сообщений не было, и это он тоже любил. В качестве удачного завершения – по крайней мере *начала* дежурства – из химчистки пришла его сменная униформа... как и было обещано. То есть ему не придется тащиться домой, чтобы переодеться.

К пластиковому пакету из химчистки была приколота записка: «Эй, Барни, ты мне должен пять долларов и четвертак. В этот раз просьба меня не накалывать, иначе к закату ты станешь мудрее и печальнее». Подписано: *Клат*.

Даже фамильярное обращение в записке не испортило его хорошего настроения. Шейла Брайхем была единственным человеком в офисе шерифа Касл-Рока, считавшим Норриса похожим на персонажа «Твин Пикса» (Норрис не сомневался, что она была также единственной в отделении, кроме него самого, кто смотрел этот сериал). Остальные помощники шерифа – Джон Лапуант, Сит Томас, Энди Клаттербак – называли его Барни, по имени персонажа Дона Ноттса в старом «Шоу Энди Гриффина». Иногда это его раздражало. Иногда, но не сегодня. Четыре дня спокойного дневного дежурства, потом три дня отдыха. Удачная неделя. Жизнь таки бывает приятной.

Он достал из бумажника две купюры – пятерку и доллар – и положил на стол Клата.

«Вот, Клат, погуляй за мое здоровье», – написал он на обороте бланка ежедневного рапорта, размашисто подписался и положил бумажку с деньгами. Потом взял пакет с формой и направился в туалет. Переодеваясь, он что-то насвистывал, потом посмотрелся в зеркало и угрожающе сдвинул брови. Карающая Длань Закона как она есть. Сегодня злоумышленникам-злодеям из Касл-Рока лучше поостеречься, иначе...

Норрис уловил какое-то движение в зеркале, но прежде чем он успел обернуться, его схватили, развернули и швырнули в стену за писсуарами. Его голова стукнулась о стену, фуражка слетела, и перед ним предстало круглое, красное от ярости лицо Дэнфорда Китона.

– Ты соображаешь, что делаешь, Риджвик? – спросил тот.

Норрис успел забыть про квитанцию, которую он вчера вечером подсунул под дворник машины Китона. Теперь Бастер освежил ему память.

– Отстань от меня! – закричал он, стараясь, чтобы его голос звучал твердо и возмущенно, но получился какой-то жалкий всхлип. От испуга или от злобы – или от того и другого, вот

как сейчас, – Норрис всегда краснел, как девчонка. Он почувствовал, что щеки уже начинают гореть.

Китон, который был выше Норриса на пять дюймов и тяжелее фунтов на сорок, хорошенько встряхнул помощника шерифа и отпустил. Потом достал из кармана квитанцию и заорал, размахивая ею перед носом у Норриса:

– Твое имя на этой хреновине или нет?

Как будто Норрис пытался это отрицать.

Норрис Риджвик прекрасно знал, что это была его подпись – пусть факсимильная, но его, – и квитанция была вырвана из его штрафной книжки.

– Ты опять припарковался на месте для инвалидов, – сказал он, отходя от стены и потирая затылок. Черт его подери, шишка будет здоровенная. Первоначальный испуг (а Бастер чуть душу из него не вытряс, чего скрывать) потихонечку проходил. Злость же, напротив, набирала обороты.

– На каком месте?

– На месте, предназначенном для людей с физическими недостатками! – выкрикнул Норрис. *К тому же меня Алан попросил выписать эту квитанцию, хотел он добавить, но все же сдержался. Зачем давать этой жирной свинье лишний повод наехать на хорошего человека? – Тебя же предупреждали, Ба... Дэнфорд, и ты это знаешь.*

– Как ты меня назвал? – зловеще переспросил Дэнфорд Китон. Красные пятна расцвели на его щеках.

– Это официальный штраф, – проигнорировал Норрис последнюю фразу. – И, как я понимаю, лучше его заплатить. И тебе еще повезло, что я не подам на тебя в суд за нападение на офицера полиции.

Дэнфорд расхохотался. Эхо заметалось в кафельных стенах.

– Я что-то не вижу тут офицера полиции, – сказал он. – Я вижу тощий кусок дерьма, вылепленный в форме телячьей отбивной.

Норрис нагнулся и поднял фуражку. Внутри у него все кипело от страха – Дэнфорд Китон опасный враг – и от злости, которая переходила в ярость. У него дрожали руки. Но он все же сумел аккуратно надеть фуражку и отцентрировать, как полагается.

– Разбейся с Аланом, если хочешь...

– Я с тобой разберусь!

– А я с тобой разговаривать не намерен. Либо ты платишь штраф в течение тридцати дней, Дэнфорд, либо нам придется тебя арестовать. – Норрис вытянулся во все свои пять футов шесть дюймов и добавил: – Мы знаем, где тебя искать.

Он направился к выходу. Китон, лицо которого напоминало теперь заход солнца в зоне ядерного поражения, шагнул вперед, чтобы встать у него на пути. Норрис остановился и предупреждающе поднял руку.

– Если ты меня тронешь, я упеку тебя в камеру. Слово офицера.

– Ну все, – странным, совершенно без интонаций голосом произнес Китон. – *Ну все!* Ты уволен. Снимай форму и начинай искать другую ра...

– Нет, – произнес твердый голос у них за спиной. Они растерянно обернулись. В дверях туалета стоял Алан Пангборн.

Китон сжал кулаки.

– Не лезь в это дело.

Алан вошел. Дверь тихонько закрылась за ним.

– Нет, – повторил он. – Это я попросил Норриса выписать штраф. И еще я сказал ему, что прошу тебе этот штраф еще до собрания по ассигнованиям. И потом, штраф-то смешной. Всего на пять долларов, Дэн. Что на тебя нашло?

В голосе Алана чувствовалось удивление. Он *действительно* был удивлен и озадачен. Бастер и в лучшие времена не был милашкой и славным парнем, но чтобы *такое*... это был перебор даже для него. С конца этого лета Китон пребывал в состоянии тихой злости, всегда готовый прорваться вспышками ярости. Впечатление было такое, что он ходит на грани срыва. Иногда это чувствовалось в его голосе – Алан не раз замечал это во время собраний, – и у него в глазах иногда появлялось выражение загнанного зверя. Он часто задумывался, может быть, Китон болен. Вот и сейчас он задумался... но решил пока не забивать себе голову. Сейчас ему надо было как можно скорее разобраться с этой довольно паршивенькой ситуацией.

– Ничего на меня не нашло, – натянуто проговорил Китон и пригладил волосы. Норрис не без удовлетворения заметил, что у Китона тоже дрожат руки. – Я просто чертовски устал от таких вот самодовольных придурков... Я пытаюсь хоть что-нибудь сделать для этого города... Черт, я *уже столько сделал* для этого города... И я устал от того, что меня постоянно травят... – Он умолк на секунду, сглотнул слюну и снова взорвался: – Он назвал меня Бастером. Ты же знаешь, как меня это бесит!

– Он извинится, – успокоил его Алан. – Ведь ты извинишься, Норрис?

– Я не знаю, что сделаю, – сказал Норрис. Его голос дрожал, сердце сжималось, но он по-прежнему был очень зол. – Я знаю, что он этого не любит, но дело в том, что он меня ошарашил. Я просто стоял, смотрел в зеркало, поправлял галстук, а он схватил меня со спины и швырнул об стену. Я хорошо приложился головой. Господи, Алан, я мог *такого* наговорить... я сам не помню, что я говорил.

Алан перевел взгляд на Китона:

– Это правда?

Китон опустил глаза.

– Я был просто взбешен, – сказал он, и Алану показалось, что Бастер был близок к раскаянию, насколько это вообще возможно для людей его типа. Он быстро взглянул на Норриса. Похоже, что Норрис тоже это почувствовал. И это было хорошим признаком; это был большой шаг вперед к разминированию этой бомбы-вонючки. Алан слегка расслабился.

– Можем мы считать этот маленький инцидент исчерпанным? – спросил он обоих. – Примем к сведению свои ошибки, чтобы больше их не повторять, и тихо-мирно разойдемся?

– Я согласен, – помедлив секунду, ответил Норрис. Он был тщедушным и тощим, имел дурную привычку оставлять полупустые банки с лимонадом в патрульной машине, его отчеты были форменным безобразием... но сердце у него было доброе. Алан был тронут. Сейчас Риджвик отступал вовсе не потому, что боялся Китона. И если толстый глава городской управы думал, что его здесь бояться, то он очень сильно ошибался. – Прости, что я назвал тебя Бастером, – сказал Норрис. – Я был не прав. – На самом деле он вовсе не считал себя неправым, но сейчас эта маленькая ложь вовсе не повредит.

Алан взглянул на Китона.

– Дэнфорд?

– Ладно, забудем.

Китон произнес это таким преувеличенно великодушным тоном, что Алан снова почувствовал, как в нем закипает яростная неприязнь к этому человеку. Голос, запрятанный где-то в глубинах мозга, голос примитивного подсознания, высказался предельно ясно: *Почему бы тебе не поиметь разрыв сердца, Бастер? Может, окажешь нам всем услугу и наконец сдохнешь?*

– Вот и славно, – сказал Алан. – Договорились...

– Если, – поднял палец Китон.

Алан удивленно приподнял бровь.

– Если – что?

– Если мы что-то придумаем с этой квитанцией. – Он протянул ее Алану, держа двумя пальцами, будто это была тряпка, которой только что вытерли какую-то подозрительную жидкость.

Алан вздохнул:

– Дэнфорд, зайди ко мне в кабинет. Мы это обсудим. – Он посмотрел на Норриса. – У тебя сейчас дежурство?

– Да, – ответил Норрис. Он все еще злился. Хорошее настроение улетучилось, скорее всего – на весь день. И кто виноват? Эта жирная свинья! А Алан простит ему штраф. Он все понимал – политика, – но приятного в этом было мало.

– Ты пока в офисе? – спросил Алан. Сказать: «*Хочешь переговорить со мной?*» – при зыркающем на обоих Китоне он не мог.

– Нет, – сказал Норрис. – Надо кое-кого увидеть и кое-куда съездить. Поговорим позже, Алан. – Он вышел из туалета, не глядя протиснувшись между Китоном и дверью. Норрис не знал, что Китону пришлось приложить громадные, почти титанические усилия, чтобы сдержаться и не наподдать ему ногой под зад.

Алан рассматривал свое отражение в зеркале, дожидаясь, пока Норрис не отойдет подальше, а Китон неприязненно смотрел ему вслед. Потом шериф вышел в коридор, увлекая за собой Китона.

В одном из двух кресел напротив его кабинета сидел маленький аккуратный человечек в белом костюме и нарочито внимательно читал большую книгу в кожаном переплете – Библию. У Алана упало сердце. Он очень надеялся, что инцидент в туалете исчерпал лимит гадостей на сегодняшнее утро – через две-три минуты наступит полдень, так что он имел все основания на это надеяться, – но все надежды рассыпались прахом.

Преподобный Уильям Роуз закрыл свою Библию (почти такую же белую, как и его костюм) и вскочил на ноги.

– Шериф... э... Пангборн. – Преподобный отец Роуз был одним из тех дремучих баптистов, которые во время эмоционального напряжения начинают заикаться, бекать и мекать. – Можно мне с вами переговорить?

– Дайте мне пять минут, преподобный отец. Мне нужно закончить одно небольшое дело.

– Это чрезвычайно... э... важно.

Не сомневаюсь, подумал Алан.

– И это тоже. Пять минут.

Он открыл дверь и чуть ли не втолкал Китона в кабинет, прежде чем преподобный Вилли, как любил называть его отец Брайхем, успел еще что-то сказать.

5

– Опять эта «Ночь в казино», – сказал Китон, когда Алан закрыл за ними дверь. – Помни мое слово, он из-за этого и приперся. Отец Джон Брайхем – дубовый ирландец, но я все равно предпочитаю его этому скользкому типчику. Роуз – просто высокомерный урод.

Алан подумал: *Чья бы корова мычала...*

– Присаживайся, Дэнфорд.

Китон сел. Алан обошел свой стол, взял штрафную квитанцию, разорвал на мелкие кусочки и выбросил в мусорную корзину.

– Вот. Теперь ты доволен?

– Вполне. – Китон поднялся, чтобы уйти.

– Подожди минуточку.

Кустистые брови Китона сдвинулись, так что снизу его высокого, розового, как у младенца, лба образовалось подобие грозовой тучи.

– Пожалуйста, – добавил Алан, садясь в кресло. Он безотчетно сплел пальцы и попытался изобразить черного дрозда, но вовремя спохватился и положил руки на стол. – На следующей неделе у нас будет собрание. Будем обсуждать бюджет на февраль... – начал Алан.

– Твоя правда, – подтвердил Китон.

– ...и тут дело не столько в финансах, сколько в политике, – продолжал Алан. – Я это знаю, и ты это знаешь. Я только что, у тебя на глазах разорвал штрафную квитанцию, выписанную по всем правилам. Разорвал из политических соображений.

Китон бледно улыбнулся:

– Ты достаточно долго живешь в этом городе, и ты знаешь, как тут делаются дела, Алан.

Рука руку моет.

Алан облокотился на спинку кресла, которое издало серию протестующих скрипов и щелчков – эти звуки часто снились ему после длинных тяжелых дней. Как раз таких, каким обещал быть сегодняшний день.

– Да, – сказал он. – Рука руку моет. Но до определенных пределов.

Китон снова насупился:

– Что это значит?

– Это значит, что всему есть предел. Даже в маленьких городах, где все друг на друге повязаны. В какой-то момент политика кончается. Наверное, нужно тебе напомнить, что я не назначен на эту должность городским советом. Меня выбрали горожане. Наши избиратели. И избрали они меня для того, чтобы я их защищал, охранял и поддерживал правопорядок в городе. Я присягнул. То есть дал клятву. И я сделаю все, чтобы ее сдержать.

– Ты что, угрожаешь мне? Потому что если ты мне угрожаешь...

И тут взревел фабричный гудок. В помещении он звучал приглушенно, но Дэнфорд Китон все равно подскочил как ужаленный. Его глаза на мгновение широко распахнулись, а руки намертво вцепились в стул, на котором он сидел.

Алан опять удивился. *Он же весь возбужден, как кобыла в течке. Что с ним такое?*

Впервые у него появилась мысль, что у мистера Дэнфорда Китона – главы городской управы Касл-Рока еще с тех времен, когда сам Алан даже не слышал об этом городке, – рыльце может быть в пушку. По самые уши.

– Я тебе не угрожаю, – сказал он спокойно.

Китон немного расслабился, но все же не до конца... как будто он опасался, что гудок вновь пропоет свою песню, чтобы выставить его в дураках.

– Вот и хорошо, потому что дело не только в деньгах. Городская управа вместе с тремя окружными уполномоченными согласовывает наем – и увольнение – помощников шерифа. Плюс еще уйма всяких согласований, о которых, надеюсь, мне нет нужды тебе напоминать.

– Это всего лишь формальность.

– Так было раньше, – согласился Китон. Потом достал из внутреннего кармана сигару «Руа-Тан» и стал разминать ее между пальцами, хрустя целлофаном.

И кто кому теперь угрожает? – подумал Алан, но вслух этого не сказал. Он просто откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на Китона. Китон выдержал этот взгляд всего пару секунд и снова уставился на сигару, продолжая шуршать упаковкой.

– Если ты еще раз поставишь машину на месте для инвалидов, я сам тебя оштрафую, и *эта* квитанция не полетит в мусорную корзину, – сказал Алан. – И если ты еще раз поднимешь руку на кого-нибудь из моих помощников, я предъявлю тебе обвинение в нападении на сотрудника при исполнении. И это произойдет вне зависимости от того, сколько так называемых согласований мне требуется от управы. Потому что политика тут уже не действует. Ты это понимаешь?

Китон долго не отвечал. Он сосредоточенно разглядывал сигару, словно медитируя. Потом он поднял глаза, превратившиеся в холодные маленькие стекляшки.

– Если ты хочешь проверить, насколько я крут, можешь давить дальше.

На лице Китона читалась неприкрытая злость, но Алану показалось, что там было еще кое-что. Например, страх. Или ему это действительно показалось? Алан не был уверен, но это было не важно. Важно было другое: то, чего так боялся Китон. А он явно чего-то боялся.

– Ты понимаешь? – повторил он.

– Да. – Китон рывком содрал упаковку с сигары и швырнул ее на пол. – *А ты меня понял?* – спросил он с сигарой в зубах.

Алан подался вперед и серьезно посмотрел на Китона:

– Я понял, что ты говоришь, но черт меня подери, если я понимаю, что ты делаешь, Дэнфорд. Мы с тобой никогда не были лучшими друзьями...

– Это уж точно, – заявил Китон и откусил кончик сигары.

Секунду-другую Алан думал, что он выплюнет его на пол, и был готов закрыть на это глаза – политика-политика, – но Китон выплюнул его на ладонь и положил в девственно-чистую пепельницу, стоявшую на столе. Одинокий кусочек сигары был похож на крохотный образец собачьего дерьма.

– Но у нас всегда были нормальные рабочие отношения. И вот теперь между нами, похоже, возникло какое-то недоразумение. Что-то не так? Если да и я могу чем-то помочь...

– Все в порядке. – Китон вскочил на ноги. Он опять разъярился, вскипел. Алан чуть ли не воочию видел струи пара, бьющие у него из ушей. – Я просто устал от этой постоянной... *травли.*

Он использовал это слово уже второй раз. И уже второй раз Алан нашел его странным и неуместным. На самом деле *весь* их разговор был странным и неуместным. И явно не совсем нормальным.

– Ну ладно, ты знаешь, где меня найти, – сказал Алан.

– Ну уж конечно, – бросил Китон, направляясь к двери.

– И пожалуйста, Дэнфорд. Не забывай о стоянке для инвалидов.

– На хрен эту стоянку! – выругался Китон и захлопнул дверь.

Алан еще долго сидел за столом, озадаченно глядя на закрытую дверь. Потом он встал, обошел стол, подобрал с пола смятый пакетик из-под сигары, бросил его в мусорную корзину и открыл дверь, чтобы пригласить преподобного Парохода Вилли.

6

– Мистер Китон выглядел очень расстроенным, – сказал преподобный Роуз. Он бережно усадил себя в кресло, только что освобожденное главой городской управы, с отвращением посмотрел на кончик сигары в пепельнице и уложил свою белую Библию на тощие колени.

– В следующем месяце у них запланировано много встреч и совещаний, – неопределенно ответил Алан. – На всю управу ложится большая нагрузка.

– Да, – согласился преподобный Роуз. – Как сказал нам Иисус: отдай Цезарю цезарево, а Богу – богово.

– Ага, – уныло пробормотал Алан. Ему вдруг захотелось курить. Что-нибудь очень крепкое, вроде «Лаки Страйк» или «Пэлл-Мэлла», под завязку набитое смолами и никотином. – Чем я обязан вашему визиту, преподобный... Роуз? – Он ужаснулся, поймав себя на том, что только что чуть не назвал святого отца преподобным *Вилли.*

Роуз снял свои круглые очки, протер их и водрузил обратно на нос. Его черные волосы, намазанные каким-то пахучим бриолином, запах которого Алан не мог опознать, блестели в лучах лампы дневного света, вделанной в потолок.

– Я хотел поговорить с вами о том непотребстве, которое отец Джон Брайхем называет «Ночью в казино», – в конце концов объявил преподобный Роуз. – Если вы помните, шеф

Пангборн, я приходил к вам сразу после того, как услышал об этой ужасной затее, чтобы потребовать – во имя благоразумия – отказать им в разрешении на столь мерзостное мероприятие.

– Преподобный Роуз, если вы помните...

Роуз повелительно поднял одну руку, а вторую запустил в карман пиджака. Он вытащил из кармана брошюру размером со среднюю книгу, в которой Алан с упавшим сердцем (но без особого удивления) узнал сокращенную версию «Свода законов штата Мэн».

– И вот я вернулся, – голос Роуза звенел, как натянутая струна, – чтобы потребовать от вас запрещения этого мероприятия не только во имя благоразумия, *но и во имя закона!*

– Преподобный Роуз...

– Вот. Раздел 24, подраздел 9, параграф 2 «Свода законов штата Мэн», – перебил его преподобный Роуз. Его щеки пылали, и Алан с унынием заключил, что за последние пару минут он сменил одного безумца на другого. – Кроме специально оговоренных случаев... э, – читал преподобный Роуз. Его голос постепенно приобретал интонации церковной проповеди, знакомые наиболее истовым прихожанам. – Азартные игры, ранее перечисленные в разделе 23 настоящего «Свода...» э-э, в которых принимаются денежные ставки, являются незаконными. – Он захлопнул брошюру и воззрился на Алана. – *Являются незаконными!!!* – повторил он с нажимом.

Алан едва подавил порыв воздеть руки к небесам и заорать: «Слава Иисусу!» Когда этот безумный порыв прошел, он сказал:

– Я в курсе того, что написано в разделах, запрещающих азартные игры, преподобный Роуз. Я изучил их еще после вашего первого визита и показал их Альберту Мартину, юристу управы. По его мнению, раздел 24 не применим в случае с «Ночью в казино». – Он сделал паузу и добавил: – И я сам, кстати, придерживаюсь такого же мнения.

– Невозможно! – вскинулся Роуз. – Они хотят превратить Дом Господень в логово игроков, и вы мне говорите, *что это легально?*

– Вполне легально, так же как и лотереи, которые «Дщери святой Изабеллы» устраивают с 1931 года.

– Это... э... не лотерея! Это рулетка!.. Игра в карты на деньги! Это... – преподобный Роуз аж задрожал, – *игральные кости!*

Алан снова поймал себя на том, что он пытается изобразить пальцами очередную птицу, и опять положил руки на стол.

– Я попросил Альберта послать запрос Джиму Тьерни, генеральному прокурору штата. Ответ был таким же. Я прошу прощения, преподобный Роуз. Я знаю, вас это оскорбляет. Меня, к примеру, бесят дети на скейтбордах. Я бы с удовольствием объявил эту забаву вне закона, но, к сожалению, не могу. У нас демократия. И иногда нам приходится терпеть что-то такое, что нам не нравится и чего мы категорически не одобряем.

– Но это *азартные игры!* – взмолился преподобный Роуз, и в его голосе звучала настоящая мука. – Это игра на деньги. Как же это законно, когда «Свод законов» гласит...

– То, что они собираются сделать, не является азартными играми. Каждый... участник... на входе делает пожертвование. В обмен они получают равное количество игровых денег. В конце вечера разыгрываются призы. Не деньги, *призы*. Видеомагнитофон, тостер, фарфоровый сервиз и все такое. – И какой-то вредный внутренний чертенок заставил его добавить: – Насколько я понял, первичное пожертвование будет даже облагаться налогом.

– Это греховное непотребство, – сказал преподобный Роуз. Его щеки бледнели. Ноздри раздувались от возмущения.

– А вот это суждение уже моральное, а не юридическое. Так делают по всей стране. Обычное благотворительное мероприятие.

– Да. – Роуз встал, прижав к груди Библию, как щит. – Так делают *католики*. Католики *обожают* азартные игры. Но я положу этому конец, с вашей ли помощью или без оной, шеф Пангборн.

Алан тоже поднялся на ноги.

– Да, и еще кое-что, преподобный Роуз. Я не шеф, а *шериф* Пангборн. Я не могу диктовать вам, что говорить на проповедях, точно так же как не могу указывать отцу Брайхему, какие мероприятия ему можно, а какие нельзя проводить в своей церкви, в доме «Дщерей святой Изабеллы» или в зале Рыцарей Колумба, пока они не нарушают законов штата. Но я могу *посоветовать* вам быть осторожным, и, похоже, вам нужен такой совет.

Роуз холодно взглянул на него и спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что вы сейчас раздражены. Плакаты, которые ваши люди расклеивают по всему городу, – это нормально. Письма в газету – тоже. Но есть предел, которого вам не стоит переступать. Послушайтесь моего совета: оставьте все как есть.

– Когда... э-э... Иисус во Храме увидел блудниц и... э-э... ростовщиков, Он не обращался ни к какому своду законов, шериф. Когда Иисус увидел этих нечестивцев в Доме Господнем, Он не смотрел ни на какие пределы. *Господь сделал то, что Он должен был сделать, и знал, что Он прав!*

– Да, – спокойно ответил Алан. – Но вы-то не он.

Роуз посмотрел на него долгим взглядом, его глаза сверкали холодным пламенем, и Алан подумал: *Ого. У этого парня явно не все в порядке с головой.*

– Счастливо оставаться, шеф Пангборн, – холодно сказал Роуз.

В этот раз Алан не потрудился его поправить. Он только кивнул и протянул руку, прекрасно зная, что ее не пожмут. Роуз повернулся и пошел к двери, держа перед собой Библию.

– Оставьте все как есть, преподобный Роуз, хорошо?

Роуз не обернулся и не ответил. Он прошмыгнул за дверь и захлопнул ее с такой силой, что зазвенели оконные стекла. Алан сел за стол и сжал руками виски.

Где-то через минуту в кабинет заглянула Шейла Брайхем:

– Алан?

– Он ушел? – не поднимая глаз, спросил Алан.

– Проповедник? Да. Вылетел, как мартовский ветер.

– Элвис покинул здание, – опустошенно пробормотал Алан.

– Что?

– Да так. – Он посмотрел на нее. – Мне бы каких-нибудь сильных наркотиков. Посмотри в сейфе для улик, может, что и осталось.

Она улыбнулась:

– Я уже все проверила. Пустой шкаф. Может быть, кофе поможет?

Он тоже улыбнулся. Время перевалило за полдень, и день должен быть лучше, чем утро. Потому что хуже уже некуда.

– Ладно. Тащи.

– Спасибо за покупку. – Шейла закрыла дверь, и Алан наконец дал волю своим рукам. В хорошем смысле слова. Уже через пару секунд дрозды из теней летали один за другим по освещенной солнцем стене.

7

По четвергам во второй половине дня в средней школе Касл-Рока проходили обязательные кружки и внешкольные занятия. Брайан Раск был отличником, и, поскольку он не участвовал ни в каких театрально-художественных мероприятиях до самой постановки «Зимней

сказки», в которой у него была роль, ему разрешали уходить пораньше. Что компенсировало поздние занятия по вторникам.

Звонок с шестого урока еще не успел отзвенеть, а Брайан уже выскочил за дверь школы. У него в рюкзаке лежали учебники и смешно выпиравший наружу плащ-дождевик, который мама заставила его надеть перед выходом из дома.

Он быстро отъехал от школы. Сердце неистово билось в груди. Ему нужно было доделать *(задание)*

одну штуку.

Веселую в общем-то штуку. Теперь он знал, что ему нужно сделать. Все прояснилось, когда он сидел погруженный в мечты на уроке математики.

Когда Брайан спускался с Касл-Хилл по Школьной улице, впервые за день из-за облаков показалось солнце. Он взглянул влево и увидел мальчика-тень на тени-велосипеде, который составлял ему компанию на мокром тротуаре.

Тебе придется поднажать, чтобы не отстать от меня, дружище, подумал он. *Сегодня у меня много дел.*

Брайан пронесся через деловой квартал, слегка притормаживая только на перекрестках. Он проехал мимо «Нужных вещей», даже не взглянув в ту сторону. На пересечении Понд-стрит (на которой он жил) и Форд-стрит Брайан свернул направо, вместо того чтобы ехать налево, к своему дому. На перекрестке Форд-стрит и Уиллоу он повернул налево. Улицы Уиллоу и Понд шли параллельно; задние двory их домов соприкасались друг с другом, разделенные только сетчатым забором.

Пит и Вильма Ержик жили на Уиллоу-стрит.

Тут надо быть осторожнее.

Но он знал, как быть осторожным – по дороге из школы он прокрутил все в голове. Дело казалось таким пустяковым, хотя этот план появился у него в голове как бы сам собой – точно так же, как и внезапное понимание, что именно он должен сделать.

В доме Ержиков было тихо, а тротуар перед домом – пуст, но это не значило, что можно расслабиться и успокоиться. Брайан знал, что Вильма по крайней мере полдня работает в магазине Хемфилла на шоссе 117, потому что не раз видел ее там за кассовым аппаратом с ее неизменным платком на голове, но это не значило, что сейчас она там, а не дома. Ее старенький и побитый «юго» мог стоять в гараже, которого не видно с улицы.

Брайан заехал на тротуар, слез с велосипеда и поставил его на упор. Сердце стучало в висках и в горле, как оркестр тамтамов. Он подошел к двери, мысленно репетируя фразы, которые скажет, если миссис Ержик все же окажется дома.

Здравствуйте, миссис Ержик, я Брайан Раск, я живу на той стороне квартала, может быть, вы меня знаете? Я учусь в средней школе, и мы собираемся продавать подписку на журналы, чтобы школьный оркестр мог купить новую униформу, и я решил заранее выяснить, кто хочет на что подписаться. Так что, если хотите, я могу зайти к вам, когда нам раздают подписные квитанции. А тому, кто продаст больше всего подписок, дадут приз.

На словах это звучало отлично, и вроде все было продумано, но Брайан все равно волновался. Он стоял перед дверью, вслушиваясь в звуки дома: может быть, радио, или телевизор с очередной серией какой-нибудь «мыльной оперы» (не «Санта-Барбары», рано еще), или пылесос. Но в доме царила полная тишина, что, впрочем, тоже еще ничего не доказывало.

Брайан позвонил. Где-то в глубине дома раздалось еле слышное: *БимБом!*

Он стоял на пороге, ожидая ответа и нервно оглядываясь по сторонам, не заметил ли его кто-нибудь из соседей, но на Уиллоу-стрит не было ни души. А вокруг дома Ержиков шел высокий забор. Очень хорошо. Если ты собираешься сделать

(задание)

какую-то штуку, которую ты точно знаешь, что люди (мама и папа, к примеру) не очень одобряют, то высокий забор – это как раз то, что нужно.

Прошло уже полминуты, но никто не открыл ему дверь. Все идет по плану... но лучше перестраховаться. Он снова нажал на звонок, на этот раз – дважды, и из глубин дома послышалось двойное: *БимБом! БимБом!*

Опять – никакого ответа.

Ну, тогда все в порядке. Все просто отлично. В общем-то Брайан действительно нервничал. Все это было ему непривычно и даже немного пугало.

Но как бы там ни было, Брайан не смог удержаться и еще раз огляделся по сторонам, на этот раз – чуть ли не воровато, перекатил свой велосипед, не снимая его с упора, в проход между домом и гаражом, который его знакомые из компании «Фасады и двери Дика Перри в Южном Париже» называли подворотней. Затем он прошел на задний двор. Сердце стучало так, как никогда в жизни. Брайан боялся, что от этого бешеного сердцебиения у него будет дрожать голос. Он очень надеялся, что, если миссис Ержик окажется во дворе – вставляет лампочки или еще что-то делает, – его голос, когда он заговорит о подписке, все же не задрожит. А то она сможет что-то заподозрить. А если она что-нибудь заподозрит, у него могут возникнуть проблемы, о которых даже думать не хочется.

Он дошел до угла дома. Оттуда была видна примерно половина заднего двора Ержигов. Внезапно все происходящее перестало казаться ему смешным. Вполне безобидная на первый взгляд шутка вдруг превратилась в *подлюю* – ни больше ни меньше. Внутренний голос испуганно прошептал: *Давай-ка, родной, садись на свой велик, пока не поздно. Возвращайся домой, выпей молока и обдумай все как следует.*

Да. Это была очень хорошая мысль – очень *здравая* мысль. Брайан уже было развернулся... но тут перед его мысленным взором возникла картина, смявшая и опрокинувшая все, чего добился разумный внутренний голос. Ему представился длинный черный автомобиль – «кадиллак» или «Линкольн Марк-IV», – подъезжающий к его дому. Водитель открывает дверь, и из машины выходит мистер Лиланд Гонт. Только одет он уже не в смокинг, как у Шерлока Холмса в некоторых рассказах. Мистер Гонт, пересекавший сейчас пространство воображения Брайана, был одет в пугающий черный костюм – в точности как у гробовщика, – а его лицо было уже далеко не таким дружелюбным, как раньше. Его темно-синие глаза стали еще темнее от злости, а его губы кривились, обнажая неровные зубы... и это была не улыбка. Он направлялся к дому Брайана, а его длинная тонкая тень была похожа на висельника в фильме ужасов. Когда он дойдет до двери, он не остановится, чтобы позвонить или постучать. Он просто снесет ее. Если мама Брайана попытается встать у него на пути, он оттолкнет ее. Если папа Брайана попытается встать у него на пути, он врежет ему по лицу. И если младший брат Брайана, Шон, попытается встать у него на пути, он отшвырнет его, как бейсболист – мяч. Он поднимется по ступенькам, выкрикивая имя Брайана, и розы на обоях завянут, когда на них упадет тень висельника.

Он найдет меня, подумал Брайан в смятении и страхе. *Не важно, спрячусь я или нет, он меня найдет. Даже если я уеду в Бомбей. Он меня найдет. И когда он меня найдет...*

Он попытался прогнать это видение, выключить внутренний телевизор, но у него ничего не вышло. Глаза мистера Гонта росли, превращаясь в синие пропасти, манящие вниз – вниз, в ужасную вечность цвета индиго. Он видел, как длинные руки мистера Гонта – его странные средние пальцы превращаются в когти – опускаются ему на плечи. От этого омерзительного прикосновения по коже бегут мурашки. Он слышит, как мистер Гонт буквально ревет: *У тебя есть кое-что принадлежащее мне, Брайан, и ты еще не расплатился за это!*

Я отдам вам ее обратно, кричит Брайан в искаженное злобой, пылающее лицо. *Пожалуйста, отпустите меня. Я отдам вам ее обратно. Только не делайте мне больно.*

Брайан пришел в себя, такой же ошалелый и замороженный, как после захода в «Нужные вещи» во вторник. Но теперь это чувство было уже далеко не таким приятным.

Он *не хотел* отдавать карточку с Сэнди Куфаксом, вот в чем дело.

Он не хотел ее отдавать, потому что это была *его* карточка.

8

Майра Эванс подошла ко входу в «Нужные вещи» как раз в тот момент, когда сын ее лучшей подруги вышел на задний двор Вильмы Ержик. Майра огляделась, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, – и это смотрелось еще более воровато, чем поведение Брайана на Уиллоу-стрит.

Если бы Кора, которая *и вправду* была ее лучшей подругой, узнала, что она здесь и, что более важно, *зачем* она здесь, то, наверное, рассорилась бы с ней на всю жизнь. Потому что Кора *тоже* хотела эту фотографию.

Не важно, подумала Майра. Две поговорки крутились в ее голове, и обе очень даже подходили к данному случаю. Одна: *Первый пришел – первый купил*. Вторая: *То, чего человек не знает, не может ему повредить*.

Как бы то ни было, перед выходом из дома Майра нацепила громадные солнечные очки. *Лучше перестраховаться* – еще одна очень полезная мудрость. Теперь она медленно подошла к двери и изучила табличку:

ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ ВХОД ПО ОСОБЫМ ПРИГЛАШЕНИЯМ

У Майры такого приглашения не было. Он пришла сюда, повинуясь мгновенному порыву, заведенная телефонным разговором с Корой, который состоялся буквально двадцать минут назад.

– Я всю ночь про нее думала, про фотографию! Я просто обязана ее купить, Майра. Нужно было ее купить еще в среду, но у меня в кошельке было всего-то четыре доллара, а я не уверена, что он принимает чеки. Ты же знаешь, как *неудобно*, когда в магазине тебе отказывают принять чек. Я все это время себя ругала. Знаешь, я почти не спала этой ночью. Ты, наверное, думаешь, это глупо, но это *правда*!

Майра вовсе не думала, что это глупо, и она знала, что это правда, потому что *сама* не сомкнула глаз этой ночью. А то, что Кора считает, что фотография должна достаться ей просто потому, что она ее первой увидела – как будто это дает ей какое-то высшее право, – это уже просто бред, и Кора сильно ошибается.

– И вообще, я не думаю, что она ее первой увидела, – тихо буркнула Майра себе под нос. – Вообще-то *я* ее первая увидела. Я.

На самом деле вопрос о праве первооткрывателя этой восхитительной карточки был очень спорным. Бесспорным было одно: то, что чувствовала Майра, представляя себе, как она входит в комнату к Коре и видит эту фотографию Элвиса на стене над каминной полкой, как раз между Кориной глиняной статуэткой Элвиса и Кориной фарфоровой пивной кружкой в виде Элвиса. Когда она себе это представляла, ее желудок сжимался и мешал биться сердцу. Так она себя чувствовала только раз в жизни – в первую неделю войны с Ираком.

И это было *неправильно*. У Кору столько всяких штучек, посвященных Элвису, и она даже один раз была на его концерте. Он проходил в Концертном зале Портленда, за год или за два до того, как Король был призван на небеса к своей возлюбленной матушке.

– Эта фотография должна быть *моей*, – пробормотала Майра и, собрав всю свою храбрость, постучала в дверь.

Не успела она опустить руку, как дверь отворилась и выскочивший на крыльцо узкоплечий мужчина едва не сбил Майру с ног.

– Простите, – пробормотал он, не поднимая головы. Она еле успела узнать мистера Константина, фармацевта из аптеки «Ла Вердьер». Он перебежал через улицу и быстро пошел в направлении городской площади, прижимая к груди бумажный пакет и не глядя по сторонам.

Повернувшись к двери, Майра увидела мистера Гонта. Он стоял в дверном проеме и улыбался только своими приветливыми карими глазами.

– У меня нет специального приглашения... – тихо сказала она. Брайан Раск, который привык к тому, что Майра всегда говорит очень уверенно и даже властно, сейчас ни за что бы ее не узнал.

– Теперь есть, милая дама. – Мистер Гонт улыбнулся и пропустил ее внутрь. – Я рад, что вы вновь посетили мой скромный маленький магазинчик. Заходите и оставьте здесь толику принесенного с собой счастья!

После быстрой рекогносцировки, подтвердившей, что в магазине нет никого из знакомых, Майра Эванс проскользнула в «Нужные вещи».

Дверь за ней захлопнулась.

Из темноты показалась длиннопалая рука – белая, как у мертвеца, – нащупала висевшее на веревке кольцо и опустила жалюзи.

9

Брайан затаил дыхание и понял это только тогда, когда у него из груди вырвался долгий, свистящий вздох.

На заднем дворе Ержиков было пусто.

Вильма – видимо, вдохновленная хорошей погодой – перед уходом на работу (или куда она там пошла) вывесила сушиться белье. Оно хлопало в три ряда на теплом солнышке и освежающем ветерке. Брайан подошел к задней двери и всмотрелся в темноту дома, прикрывая глаза от солнца. Он увидел пустую кухню, подумал, не постучаться ли на всякий случай, но потом решил, что не стоит – это был просто способ отложить исполнение задуманного еще на несколько минут. В доме никого нет. Лучше всего побыстрее сделать дело и смыться отсюда подобру-поздорову.

Он медленно спустился с крыльца во двор. Веревки, растянувшиеся под грузом рубашек, штанов, белья, простыней и наволочек, были слева. Справа располагался небольшой огородик; все овощи, кроме пары тыквочек, были уже собраны. Сзади был высокий забор из сосновых досок. Брайан знал, что с другой его стороны был двор Хаверхиллов, которые жили всего в четырех домах от его собственного дома.

За ночь ливень превратил двор в настоящее болото – оставшиеся тыквы наполовину утонули в грязи. Брайан нагнулся, набрал две пригоршни темно-коричневой садовой грязи и двинулся к белью, не обращая внимания на тонкие струйки темно-коричневой воды, стекавшие между пальцев.

Самая первая веревка, ближняя к огороду, была во всю длину завешена простынями. Еще сырые, они быстро сохли на теплом ветру. Углы их лениво хлопали. Они были чистыми – девственно-белыми.

Давай, шепнул в голове голос мистера Гонта. *Вперед, Брайан. Как Сэнди Куффакс, вперед.*

Брайан отвел руки назад и вверх, за плечи, ладонями к небу. Он вовсе не удивился, что у него снова напрягся член – как в сегодняшнем сне, – и обрадовался, что не струсил. Сейчас будет *веселье*.

Он резко махнул руками вперед. Грязь сорвалась с его ладоней длинными коричневыми струями и шлепнулась на вздымающиеся простыни, расплывшись вязкими растекающимися параболами.

Брайан вернулся в сад, набрал еще две пригоршни грязи, швырнул их на простыни, снова сходил за грязью, набрал еще и опять швырнул. На него нашло какое-то буйное помешательство. Он без устали носился туда-сюда, набирал грязь и швырял ее на чистое белье.

Он так увлекся, что, наверное, носился бы так до вечера, но тут раздался чей-то крик. Сначала Брайан решил, что кричат на *него*. Он сразу сник и испустил слабый испуганный вскрик. Но потом он сообразил, что это миссис Хаверхилл всего лишь зовет свою собаку с другой стороны забора.

Но так или иначе, пора убираться отсюда. И поскорее.

На секунду он остановился, посмотрел на свою «работу», и ему вдруг стало стыдно.

Простыни защитили собой большую часть одежды, но сами были сплошь в грязи. Осталось лишь несколько редких пятен, по которым можно было узнать изначальный цвет ткани.

Брайан взглянул на свои руки, облепленные землей, и поспешил за угол дома, где был кран. Вентиль в доме не перекрыли, и из муфты ударила холодная струя. Брайан подставил под нее руки и принялся ожесточенно тереть. Он мыл руки до тех пор, пока мельчайшие следы грязи, включая темные полосы под ногтями, не исчезли совсем. Он даже подержал под водой рукава рубашки.

Закрыв кран, он вернулся к велосипеду, поднял упор и повел его обратно к тротуару. Его сильно перепугала проехавшая по улице маленькая желтая машина. Но это был «сивик», а не «юго». Он без остановки проехал мимо, водитель не заметил маленького мальчика с покрасневшими, обветренными руками, вывопившего велосипед на тротуар рядом с домом Ержиков, – маленького мальчика, у которого на лице было написано прописными буквами: ВИНОВАТ!

Когда машина уехала, Брайан сел на велосипед и нажал на педали. Он гнал что есть мочи до самого дома. Онемелость в руках прошла, но взамен они стали болеть и чесаться... и остались такими же красными.

Когда он вошел в дом, мать окликнула его из гостиной:

– Брайан, это ты?

– Да, мам!

То, что он делал во дворе у Ержиков, уже казалось каким-то сном. Разве может приличный мальчик, стоящий в светлой и чистой кухне, – мальчик, который сейчас откроет холодильник и нальет себе молока, – быть тем же самым хулиганом, который набирал полные горсти грязи и швырял ее на чистые простыни Вильмы Ержик?!

Конечно, нет.

Он налил в стакан молока и еще раз осмотрел свои руки. Они были чистыми. Красными, но чистыми. Он убрал молоко обратно в холодильник. Сердце вернулось к своему нормальному ритму.

– Брайан, в школе все хорошо? – донесся голос Кору.

– Все нормально.

– Хочешь посмотреть со мной телевизор? Сейчас начинается «Санта-Барбара», и у меня тут конфеты.

– Да, мам, – сказал он. – Только сначала схожу наверх.

– Не оставляй там стакан с молоком! Оно прокисает, воняет на весь дом и потом еще не отмывается!

– Я принесу его вниз, мам.

– Уж пожалуйста, принеси.

Брайан поднялся наверх и провел полчаса, сидя за столом и мечтая над карточкой с Сэнди Куфаксом. Когда в комнату зашел Шон, чтобы спросить, не хочет ли он сходить с ним в магазин на углу, Брайан захлопнул альбом и сказал Шону, чтобы тот убирался из его комнаты и

не возвращался, пока не научится стучаться в дверь, если она закрыта. Он слышал, как брат расплакался в коридоре, но ему было его не жалко.

В конце концов пусть уже учится правилам элементарной вежливости.

10

*Начальник тюрьмы закатил грандиозную вечеринку,
Позвал тюремных музыкантов, и те завыли под сурдинку,
Так завыли, что вся тюрьма ходила ходуном,
Вот это веселье – от воплей дрожал весь дом!*

Король стоит, широко расставив ноги, его голубые глаза сверкают, колокольчики на его белых брюках звенят. Стеклашки-бриллианты блестят и вспыхивают в лучах прожекторов. Копна иссиня-черных волос закрывает лоб. Микрофон около губ, но все-таки не настолько близко, чтобы Майра не видела капризный изгиб его верхней губы.

Она видит все. Она в первом ряду.

Вдруг ритм-секция замолкает, и он протягивает руку, протягивает руку ЕЙ, как Брюс Спрингстин (который никогда не будет Королем, как бы он ни старался) – той девушке в клипе «Танцующий в темноте».

Сначала она слишком ошеломлена, чтобы хоть что-то сделать, слишком ошеломлена, чтобы сдвинуться с места, но сзади ее подталкивают, и ЕГО рука обхватывает ее запястье, ЕГО рука вытягивает ее на сцену. Она чувствует его ЗАПАХ, смесь пота, выделанной кожи и горячего, чистого тела.

Мгновение – и Майра Эванс в объятиях Элвиса Пресли.

Шелк его костюма скользит под ее руками. Его мускулистые руки прижимают ее к себе. Его лицо, ЕГО лицо, лицо Короля – всего в паре дюймов от ее лица. Они танцуют. Майра Джозефина Эванс из Касл-Рока и Элвис Арон Пресли из Мемфиса, штат Теннесси! Они танцуют на сцене на глазах у четырех тысяч визжащих фанатов, и вокалисты на подпевках повторяют назойливый рефрен пятидесятых: «Let's Rock... Everybody let's rock».

Его бедра соприкасаются с ее бедрами; она чувствует его горячее напряжение возле своего живота. Потом он кружит ее, юбка взлетает вверх, обнажая ее ноги до самых трусиков, ее рука проворачивается в его руке, как ось в подшипнике. Он опять привлекает ее к себе, его рука скользит вниз по ее спине, к выпуклостям ягодиц, и прижимает ее к его телу. Она смотрит вниз и там, среди сияния рампы, успевает разглядеть Кору Раск. Кора смотрит на нее, ее лицо пышет ненавистью и черной завистью.

Но тут Элвис поворачивает к себе ее голову и произносит со своим сиропно-тягучим южным выговором: Дорогуша, нам полагается смотреть друг на друга!

Она не успевает ответить, его мягкие губы запечатывают ей рот; его запах, его близость к ней заполняют весь мир. В мире нет уже ничего, кроме НЕГО. А потом он раздвигает языком ее губы, и вот он уже в ней – его горячий язык. Король рок-н-ролла целует ее взасос – на глазах у Кору, на глазах у всего мира! Он еще крепче прижимает ее к себе, а вокруг гремит музыка, и Майра чувствует, как ее естество разгорается экстаическим жаром. Она никогда в жизни не заводилась вот так – даже тогда, на озере, с Тузом Мериллом. Ей хочется кричать от восторга, но ее рот запечатан его языком, и она впивается ногтями ему в спину, затянутую в шелка, и прижимается к нему бедрами под музыку «Моего пути».

11

Мистер Гонт сидел на одном из своих плюшевых стульев и наблюдал за бурным оргазмом Майры Эванс с равнодушием прирожденного экспериментатора. Она содрогалась, словно в тяжелом нервном припадке: фотография Элвиса зажата в руках, глаза закрыты, грудь судорожно вздымается, колени сжимаются и расходятся, сжимаются и расходятся. Парикмахерская завивка раскрутилась, и влажные волосы падают на лицо неопрятной копной. Двойной подбородок истекает потом, почти как у самого Элвиса во время его последней серии концертов.

– Оооох! – кричит Майра, сотрясаясь, как желе на тарелке. – Оооох! Оооо! О, Бооооже мой! Оооо, Бооооооооо! ОООООО!!!

Мистер Гонт лениво прогладил большим и указательным пальцами безупречную складку на своих черных брюках, резко подался вперед и выхватил фотографию из рук Майры. Ее глаза сразу раскрылись, полные безысходной тоски. Она потянулась за фотографией, но та была уже вне досягаемости. Тогда она начала вставать.

– Сядь, – сказал мистер Гонт.

Майра замерла, словно окаменев. Она так и не выпрямилась до конца, но и не села обратно на стул.

– Если ты хочешь еще раз увидеть эту фотографию, Майра, *сядь*.

Она покорно села, уставившись на него с выражением тупой боли. Большие пятна пота расплылись у нее под мышками и вокруг грудей.

– Пожалуйста, – выдавила она. Слово вышло сухим и пыльным, как ветер в пустыне. Она умоляюще протянула руки.

– Назови свою цену, – предложил Гонт.

Майра задумалась. Ее выпученные глаза сверкали белками на потном лице. Она то и дело нервно сглатывала.

– Сорок долларов! – выкрикнула она.

Он рассмеялся и покачал головой.

– Пятьдесят!

– Не смей меня, Майра. Как я понимаю, ты не очень-то хочешь ее получить.

– Хочу! – Слезы выступили в уголках ее глаз и потекли по щекам, смешиваясь с потом. – Я хочууу!

– Ну хорошо, – согласился он. – Хочешь. Будем считать, ты меня убедила. А вот нужна ли она тебе, Майра? Она тебе *нужна*?

– Шестьдесят! У меня больше нет! Правда!

– Майра, разве я похож на ребенка?

– Нет...

– Наверное, все же похож. Я уже старый – старше, чем ты себе представляешь, и годы оставили след у меня на лице, тут уже ничего не попишешь, – но *тебе* я, наверное, кажусь ребенком, ребенком, готовым поверить, что женщина, которая живет в новеньком двухэтажном доме, в трех кварталах от самого шикарного района города, имеет за душой всего шестьдесят долларов.

– Вы не понимаете. Мой муж...

Мистер Гонт встал, держа фотографию в руках. Милый и обходительный господин, уступивший ей дорогу при входе в магазин, исчез, как будто и не бывало.

– У вас ведь не было особого приглашения, Майра? Нет. Я вас впустил исключительно по доброте сердечной. Но теперь, боюсь, мне придется попросить вас уйти.

– Семьдесят! Семьдесят долларов!

– Не испытывайте мое терпение. Пожалуйста, уходите.

Майра упала перед ним на колени. Она судорожно рыдала, глотая слезы, потом скрючилась на полу, обхватив ноги Гонта.

– Пожалуйста! Пожалуйста, мистер Гонт! Мне очень нужна эта фотография! Я без нее не могу! Она... вы даже не представляете, что она со мной делает!

Мистер Гонт взглянул на фотографию Элвиса, и тень отвращения пробежала по его лицу.

– Не уверен, что мне захочется это знать, – сказал он. – На мой взгляд, это как-то уж слишком... потно.

– Но если это будет больше семидесяти долларов, мне придется выписывать чек. Чак узнает. Он спросит, на что я потратила эти деньги. И если я ему скажу, он... он...

– Это, простите, не моя проблема, – заявил мистер Гонт. – Я бизнесмен, торговец, а не консультант по вопросам семьи и брака. – Он смотрел на нее сверху вниз, обращаясь к ее потной макушке. – Не сомневаюсь, что на этот уникальный снимок мистера Пресли в конце карьеры покупатель обязательно найдется... миссис Раск, к примеру.

При упоминании о Коре Майра вскинула голову. Ее глаза превратились в запавшие сверкающие точки. Зубы обнажились в злобном оскале. В это мгновение вид у нее был совершенно безумный.

– Вы продадите фотографию *ей*?

– Я свободный торговец, – сказал мистер Гонт. – Именно свободная торговля сделала нашу страну великой страной. И я был бы вам очень признателен, Майра, если бы вы меня отпустили. У вас руки потные, мне и так уже придется сдавать брюки в химчистку, причем я не уверен...

– Восемьдесят! Восемьдесят долларов!

– В два раза больше, – твердо сказал мистер Гонт. – Сто шестьдесят долларов. – Он улыбнулся, обнажив неровные зубы. – Я приму у тебя чек, Майра.

Она завопила в отчаянии:

– Я не могу! Чак меня *убьет*!

– Может, и так, – согласился Гонт. – Но ты же и так умираешь от страстной и жгучей любви, разве нет?

– Сто! – захныкала Майра, снова хватая Гонта за икры и не давая ему отступить. – Пожалуйста, сто долларов!

– Сто сорок, – отрезал Гонт. – И ни центом меньше.

– Хорошо, – выпалила Майра. – Хорошо, ладно. Я заплачу...

– И разумеется, сделаешь мне минет, – с улыбкой добавил Гонт.

Она ошарашенно уставилась на него и вновь обрела дар речи лишь через пару минут.

– Что вы сказали?

– Отсосешь у меня! – пояснил он. – *Сыграешь на моей дудочке!* Откроешь свой прекрасный опломбированный ротик и *порадуешь моего дружка*.

– Боже мой, – прошептала Майра.

– Как хочешь, – сказал мистер Гонт, отвернувшись.

Она схватила его, прежде чем он успел сделать хоть шаг. Через секунду она уже возилась с его ширинкой.

Какое-то время он просто стоял, явно наслаждаясь ее унижением, а потом шлепнул ее по руке.

– Ладно, не надо. От орального секса у меня начинается амнезия.

– Что...

– Я сказал, оставь. – Он бросил ей фотографию.

Майра неуклюже взмахнула руками, кое-как умудрилась ее поймать и прижала к груди.

– Хотя нет, тебе все же придется *кое-что* сделать.

– Что? – сдавленно просипела она.

– Ты знаешь владельца бара за Оловянным мостом?

Поначалу она покачала головой, но потом поняла, о ком идет речь.

– Генри Бофорта?

– Да. Кажется, он еще владеет заведением под названием «Подвыпивший тигр». Забавное, кстати, название.

– Ну, его самого я не знаю, но имя слышала. – Она ни разу в жизни не заходила в «Подвыпившего тигра», но, как и все в городе, знала, кто им владеет и кто там работает.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты подшутила над мистером Бофортом.

– Подшутила... Как?

Гонт наклонился, взял Майру за потную, скользкую руку и помог ей подняться.

– А это, – сказал он, – мы с вами обсудим, пока вы будете выписывать чек. – Он улыбнулся, и все его обаяние вернулось. Его карие глаза поблескивали и смеялись. – Да, кстати, хотите, чтобы я завернул фотографию в подарочную упаковку?

Глава пятая

1

Алан проскользнул в кабинку закусочной «Перекуси у Нан» и уселся напротив Полли. Ему стоило только взглянуть на нее, чтобы понять, что боль не утихла. Мало того: Полли пришлось принимать перкордан и днем, а это случалось очень и очень редко. Он понял это еще до того, как она заговорила и он услышал ее голос; понял, едва взглянув ей в глаза – они изменились. В них появилось какое-то болезненное сияние. Он научился распознавать его... распознавать, но не принимать. Ему это очень не нравилось. Он даже подумал, а вдруг она уже успела «подсесть» на эту гадость. Хотя в данном конкретном случае такую зависимость от лекарств следует считать одним из многих побочных эффектов лечения: что-то подобное предполагалось, врачи знали об этом и даже, наверное, записали в историю болезни, после чего благополучно забыли – из-за главной проблемы, которая заключалась в том, что Полли постоянно жила с болью, которую он, Алан, вряд ли сможет себе представить. Такой вот простой и безжалостный факт.

– Как дела, красавица? – спросил он, очень стараясь, чтобы его голос не выдал его мрачных мыслей. И у него вроде бы получилось.

Она улыбнулась:

– Сегодня был интересный день. *Очень даже индересдый*, как говорил тот парень из «Вокруг смеха».

– Ты еще не такая старая, чтобы помнить эту передачу.

– Старая-старая вешалка. Кто это, Алан?

Он проследил за направлением ее взгляда и успел заметить женщину с каким-то прямоугольным свертком, которая прошла мимо окна закусочной. Ее взгляд был направлен куда-то вдаль, и шедшему навстречу мужчине пришлось отскочить в сторону, чтобы не столкнуться с ней. Алан быстро перебрал в голове имена и лица и вычленил информацию «неполную и частичную», как сказал бы Норрис, обожавший полицейскую терминологию.

– Это Эванс. Мейбл или Мевис, что-то в этом роде. Жена Чака Эванса.

– У нее такой вид, будто она только что хорошенько курнула панамской марихуаны, – заметила Полли. – Мне даже завидно.

Сама Нан Робертс подошла к ним принять заказ. Она была яркой баптисткой и состояла в «Воинстве Христовом» преподобного Уильяма Роуза, и на левой груди у нее был приколот маленький желтый значок. Это был уже третий, увиденный Аланом за сегодняшний день, а сколько их еще будет... На значке был изображен игровой автомат в черном круге, подчеркнутый красной диагональной линией. Никаких лозунгов или призывов; мнение носившего этот значок относительно «Ночи в казино» было понятно без слов.

Нан была симпатичной женщиной среднего возраста с пышным роскошным бюстом и сладеньким личиком, сразу напоминавшем о маме и яблочном пироге. По мнению Алана и его помощников, яблочный пирог в закусочной у Нан был выше всяких похвал и особенно – с тающей сверху щедрой порцией ванильного мороженого. Однако многие бизнесмены – в частности, агенты по недвижимости – поимели массу разочарований, рассудив, что характер Нан соответствует ее «сладкому» облику. За милым личиком скрывался беспощадный и хваткий делец, а под пышной громадой груди, в том месте, где у людей обычно располагается сердце, была только стопка бухгалтерских книг. Нан владела немаленькой долей недвижимости в Касл-Роке, включая по крайней мере пять офисных зданий на Главной улице, и Алан ни капельки не

сомневался, что теперь, когда папаша Мерилл почил в бозе, Нан Робертс стала самой богатой особой в городе.

Нан напоминала Алану одну мадам из борделя в Утике, которую он однажды арестовал. Эта женщина предложила ему взятку, а когда он отказался, она очень добросовестно и всерьез попыталась вышибить ему мозги птичьей клеткой. Причем обитатель клетки – золотушный попугай, любивший повторять задумчиво-печальным тоном: «Имел я твою матушку, Фрэнк!» – в этот момент находился внутри. Иногда, замечая, как Нан хмурит брови, Алан чувствовал, что и она тоже способна на что-то подобное. А то, что Нан – которая в последнее время не занималась ничем, кроме кассы, – решила лично обслужить шерифа графства, казалось ему вполне естественным. Это было проявление особого внимания, и на то были свои причины.

– Здорово, Алан! – сказала она в своей обычной грубоватой манере. – Тыщу лет тебя не видела. Где ты пропадаешь?

– А, где только не пропадаю, – ответил Алан. – Там не пропадаю, тут не пропадаю.

– Ну, ты уж не забывай старых друзей. – Нан одарила его сияющей материнской улыбкой. Алан машинально отметил, что надо общаться с Нан долго-долго, чтобы заметить, что хотя она и улыбается постоянно, ее *глаза* улыбаются очень редко. – Заходи к нам почаще.

– Так зри же! Аз есмь тут!

Нан разразилась громким, заливистым смехом, так что люди у стойки – в основном лесорубы – заинтригованно покосились в их сторону. А позже, подумал Алан, они расскажут друзьям, что своими глазами видели, как Нан Робертс запанибрата болтала с шерифом. Как с лучшим другом.

– Кофе, Алан?

– Да, пожалуйста.

– А к кофе, может быть, пирога? Домашний... яблоки из Швеции, с фермы Мак-Шерри.

Вчера собрали.

Хорошо еще, что она не сказала, что собирала их лично, подумал Алан.

– Нет, спасибо.

– Уверен? А ты, Полли?

Полли покачала головой.

Нан пошла за кофе.

– Ты ее недолюбливаешь, да, Алан? – тихо спросила Полли.

Его удивил этот вопрос – не то чтобы понравился не понравился, – просто удивил.

– Нан? Да нет, нормально я к ней отношусь. Просто я предпочитаю знать, что человек собой представляет на самом деле.

– И что ему нужно?

– Нет, на это я и не замахиваюсь, – рассмеялся Алан. – Знать хотя бы его намерения – это уже хорошо.

Она улыбнулась – ему очень нравилось, когда она улыбалась, – и сказала:

– Мы еще сделаем из тебя настоящего философа-янки, Алан Пангборн.

Он коснулся ее руки – на людях она постоянно носила перчатки – и улыбнулся.

Нан вернулась с чашкой черного кофе и пузатым кофейником, поставила все на стол и тут же исчезла. *Этого у нее не отнимешь,* подумал Алан, *всегда ведь чувствует, чертовка, когда сказаны все любезности и соблюдены все формальности.* Далеко не все люди с интересами и амбициями Нан знают, как вовремя остановиться.

– Так, – Алан отхлебнул кофе, – а теперь расскажи мне про свой интересный день.

Полли вкратце пересказала свои с Розали Дрейк утренние наблюдения: Нетти Кобб на пути к «Нужным вещам», ее сомнения перед дверью магазина – и как в итоге она все-таки собралась с духом и вошла внутрь.

– Но это же здорово, – сказал Алан. Он действительно обрадовался.

– Да, но это еще не все. Она вышла оттуда с *покупкой!* Я никогда раньше не видела Нетти такой довольной. Она как будто... парила. Да, не шла, а *парила* – вот подходящее слово. Ты же знаешь, какая она обычно робкая и зашуганная. И всегда бледная.

Алан кивнул.

– Так вот, у нее был румянец во всю щеку, и волосы были вроде как растрепанные, и она даже несколько раз рассмеялась.

– Ты уверена, что они там занимались только покупками? – Алан театрально закатил глаза.

– Не говори глупостей, – нахмурилась Полли так, как будто сегодня утром она не высказывала ничего похожего в разговоре с Розали. – В общем, она дождалась, пока ты уйдешь, потом вошла и показала нам, что купила. Ты видел ее коллекцию вещей из цветного стекла?

– Впервые слышу. В этом городе все-таки есть кое-что, что прошло мимо моего внимания. Немного, конечно, но есть. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

– Коллекция у нее маленькая – около полудюжины предметов. Большая часть досталась ей от матери. Как-то она мне сказала, что их было больше, но кое-что разбилось. Так вот, она купила очень красивый абажур из цветного стекла. Настоящее чудо. С первого взгляда я даже решила, что это «Тиффани». Это, конечно, не так. Нетти не может позволить себе настоящий «Тиффани». Но абажур просто великолепный.

– А сколько она за него заплатила?

– Я не спрашивала. Но готова поспорить, что чулок, где она хранит деньги, изрядно поистощился.

Алан нахмурился:

– Ты уверена, что ее не надули?

– Послушай, Алан, почему ты всегда такой подозрительный? У Нетти, может быть, не все дома, но в цветном стекле она разбирается – будь здоров. И раз она говорит, что купила абажур почти даром, значит, так оно и есть. Она была *так* счастлива!

– Ну что ж, замечательно. «Счастливый билет».

– Что?

– Так назывался один магазинчик в Утике, – пояснил Алан. – Давным-давно. Я тогда был совсем маленьким. «Счастливый билет».

– И как? Нашелся там твой счастливый билет? – поддразнила Полли.

– Понятия не имею. Я туда ни разу не заходил.

– А мистер Гонт, кажется, уверен, что для меня у него будет счастливый билетик.

– Что? Ну-ка, ну-ка, рассказывай!

– Нетти принесла мой контейнер для пирогов, и внутри была записка. От мистера Гонты. – Она пододвинула Алану свою сумочку. – Посмотри сам, а то я сегодня с застежкой не справлюсь.

Он на секунду забыл о записке.

– Что, так плохо?

– Плохо, – просто ответила Полли. – Бывало и хуже, но врать не буду... сейчас *очень* плохо. Всю неделю, как похолодало.

– Ты собираешься к доктору Ван Аллену?

Она вздохнула:

– Пока нет. Я надеюсь, что скоро должно полегчать. Каждый раз, когда боль становится невыносимой, так что я готова на стену лезть, все проходит само собой. Так было всегда. Но наверное, когда-то должен настать момент, когда боль возьмет да и не отпустит. Если к понедельнику не полегчает, я пойду к врачу. Хотя он мне ничем не поможет, разве что выпишет рецепт. Алан, я не хочу привыкать к сильным лекарствам, пока еще могу держаться.

– Но...

- И хватит, – мягко прервала его Полли. – На сегодня об этом хватит, договорились?
- Как скажешь, – неохотно уступил Алан.
- Прочти записку. Она очень милая...

Он открыл сумочку и достал тонкий конверт, который лежал на самом верху. Бумага была дорогой и шелковистой на ощупь. *Мисс Полли Чалмерс* – было написано на конверте. Почерк был вычурный, старомодный и очень изящный – словно в каком-нибудь дневнике из музея.

– Это каллиграфический почерк, – с улыбкой сказала Полли. – Раньше, где-то в юрском периоде, такому почерку обучали в школе.

Алан извлек из конверта листок бумаги. В верхней части было напечатано:

«Нужные вещи»
Касл-Рок, Мэн.
Лиланд Гонт, собственник

Рукописная часть была не настолько витиеватой, как на конверте, но и почерк, и обороты речи были приятно-старомодными.

Дорогая Полли.

Еще раз примите мою благодарность за дьявольски вкусный торт. Это мой самый любимый торт – и вкус просто божественный! Также примите мою искреннюю благодарность за Вашу чуткость и доброту – мне кажется, Вы понимали, как сильно я нервничал в день открытия, и тем более сейчас, в межсезонье.

У меня есть одна вещица (вернее, пока ее нет в магазине, но она скоро прибудет авиапочтой вместе с другими товарами), которая, как мне кажется, может Вас заинтересовать. Не буду сейчас ничего говорить; увидите сами. Это в принципе так, безделушка, но как только Вы вышли, я сразу подумал о ней. А должен сказать Вам без ложной скромности: интуиция редко меня подводит. Груз должен прибыть где-то в среду-четверг, так что если у Вас будет желание и время, сделайте мне любезность – загляните ко мне в воскресенье. Я собираюсь весь день провести в магазине – надо составить каталог товаров – и с удовольствием покажу Вам эту вещь. Опять же, не буду забежать вперед, она скажет сама за себя... если же Вас она не заинтересует, у меня хотя бы будет возможность отблагодарить Вас за Вашу заботу и доброту и угостить Вас чаем!

Надеюсь, Нетти не разочаровалась в своей покупке. Она очень милая женщина, и смею надеяться, что абажур ей понравился.

*Искренне Ваши,
Лиланд Гонт.*

– Как загадочно. – Алан вернул записку в конверт и убрал его обратно в сумочку. – Ну и что ты думаешь? Пойдешь на «предмет оперативной проверки», как говорят у нас в полиции?

– При такой-то наживке – да еще после этого Неттино абажура – как я могу отказаться? Да, наверное, я зайду... если с руками будет получше. Хочешь, пойдем вместе, Алан? Может, ты и себе что-нибудь подберешь.

– Может быть. А может, останусь дома смотреть игру «Патриотс». Когда-нибудь им все-таки нужно выиграть.

– Вид у тебя усталый, Алан. Под глазами круги.

– День был тяжелый. Началось все с того, что мне пришлось разнимать главу городской управы и одного из наших. Иначе они бы устроили драку в комнате для мальчиков.

Полли озабоченно нахмурилась:

– В смысле?

Он рассказал ей о стычке Китона с Норрисом Риджвиком, закончив тем, как странно вел себя Китон: постоянно повторял слова *травля*, весь день, в самые неподходящие моменты. Когда он закончил, Полли надолго замолчала.

– Ну? – не выдержал Алан. – Что ты думаешь?

– Я думаю, что пройдет еще много лет, прежде чем ты будешь знать *все* о Касл-Роке. Наверное, это касается и меня. Я долго отсутствовала, и я никому не рассказываю о том, где я была и как разрешилась «моя маленькая проблема». Поэтому, как мне кажется, многие в городе мне не доверяют. Но ты, Алан, ты наблюдаешь, и делаешь выводы, и все помнишь. Знаешь, как я себя чувствовала, когда вернулась в Касл-Рок?

Он покачал головой.

– Как будто переключаешь каналы и вдруг натыкаешься на «мыльную оперу», которую давным-давно перестал смотреть. Даже если ты пропустил пару лет, ты все равно узнаешь персонажей и их проблемы – они по большому счету никогда по-настоящему не меняются. Смотришь сериал и словно надеваешь старые, севшие по ноге туфли.

– О чем это ты?

– Просто тут, в городе, много таких сериальных историй, которых ты не застал. Ты знаешь, что дядя Дэнфорда Китона лечился в Джунипер-Хилл в то же время, что и Нетти?

– Нет.

Она кивнула:

– Ему было около сорока, когда у него начались проблемы... с головой. Моя мать называла его шизофреником. Я не знаю, был ли у него именно этот диагноз или мама сама домыслила, но с ним точно было не все в порядке. Я помню, как он цеплялся к людям на улице и начинал им что-то доказывать: про государственный долг, про то, что Кеннеди – коммунист, и черт знает чего еще, всякую ересь, в общем. Я тогда была еще маленькой девочкой, но помню – меня это очень пугало.

– Еще бы.

– Или вот еще: иногда он ходил по улицам и громко и неразборчиво говорил сам с собой. Мама потом мне рассказывала, что я очень его боялась, когда он был в таком состоянии, пусть даже рядом был кто-то из взрослых. А потом он попытался застрелить свою жену – так я слышала по крайней мере, – но ты же знаешь, как досужие слухи искажают правду. Может, он просто помахал у нее перед носом своим табельным оружием. Но как бы там ни было, этого было достаточно, чтобы упрятать его в тюрьму. Потом было слушание о его дееспособности, и по окончании судебного разбирательства Билла перевезли в Джунипер-Хилл.

– Он до сих пор там?

– Нет, он уже умер. Как только он попал в клинику, болезнь начала прогрессировать. Перед смертью он впал в кому. Ну, так я слышала.

– О Господи.

– Но это еще не все. Ронни Китон, отец Дэнфорда и брат Билла, в середине семидесятых провел четыре года в психиатрическом отделении в Тогусе. Сейчас он в доме престарелых под специальным присмотром. Болезнь Альцгеймера. А еще была бабушка – или двоюродная сестра, я уже точно не помню. Она покончила с собой в пятидесятых. Там был какой-то скандал. Я не совсем в курсе, но слышала как-то раз, что она предпочитала женщин мужскому полу.

– То есть это у них генетическое? Ты это хочешь сказать?

– Нет. Я ничего не хочу сказать. Просто я знаю чуть больше тебя об истории этого города, потому что это не та история, о которой произносят по праздникам речи с трибуны на городской площади. Я тебе излагаю факты. А делать выводы – это задача полиции.

Она сказала это с таким важным видом, что Алан поневоле рассмеялся. Но мысль уже накрепко засела у него в голове: может ли сумасшествие передаваться в семье генетически? В школе на занятиях по психологии им внушали, что все это – бабушкины сказки. А через

несколько лет в Полицейской академии Олбани лектор сказал, что такое случается, хоть и нечасто: определенные душевные заболевания прослеживаются по генеалогическим линиям, в точности как физические особенности – голубые глаза или обилие родинок. В частности – алкоголизм. Но вот упоминал ли он шизофрению? Алан не помнил. Сколько уже лет прошло...

– Наверное, стоит порасспросить людей о Бастере, – задумчиво проговорил Алан. – А то мне что-то не нравится мысль о том, что глава городской управы в любой момент может съехать с катушек. Мне, знаете ли, не нужна здесь граната замедленного действия.

– Да, конечно. Я просто подумала, что тебе нужно об этом знать. И люди будут тебе отвечать... если ты сможешь задать *правильные* вопросы. Если вопросы будут неправильные, то наши добрые горожане будут с радостью наблюдать, как ты ходишь кругами, но не скажут ни слова.

Алан ухмыльнулся. Это была чистая правда.

– Но это еще не все. Как только Бастер ушел, меня осчастливил своим посещением сам преподобный Вилли.

– Шшш! – шикнула на него Полли, так что Алан сразу же прикусил язык. Она осмотрелась, убедилась, что их никто не подслушивает, и повернулась обратно к Алану: – Алан, иногда ты меня удивляешь. Если ты не научишься быть осмотрительнее, то через два года на выборах ты пролетишь, как фанера... и будешь стоять там с озадаченной идиотской улыбкой типа: «А шо случилось?» Нужно быть осторожнее. Если Дэнфорд Китон – это граната, то Роуз – настоящий гранатомет.

Он наклонился к ней и прошептал:

– Никакой он не гранатомет. Самоуверенный и надутый маленький мудачок – вот кто он такой.

– «Ночь в казино»?

Алан кивнул.

Полли накрыла его руки своими.

– Бедный ты мой. А ведь с виду – такой маленький сонный городок!

– Ну, обычно он такой и есть.

– Он злился, когда уходил?

– Злился?! Это еще мягко сказано. Он был просто взбешен, – сказал Алан. – Это был мой второй разговор с добрым и кротким священником о законности «Ночи в казино». Я думаю, что пока католики не проведут наконец это проклятое мероприятие и не успокоятся, мне предстоит еще не одна встреча с нашей «церковной верхушкой».

– Так, значит, он самоуверенный и надутый маленький мудачок? – тихо спросила Полли. Лицо ее было очень серьезным, но глаза искрились смехом.

– Да. А теперь еще эти значки.

– Какие значки?

– Перечеркнутые игральные автоматы вместо обычных улыбающихся рожиц. Нан такой носит. Кто их придумал?

– Наверное, Дон Хемфилл. Он не только верный баптист, но и член Республиканского комитета штата. Дон кое-что знает об агитационных хитростях, но, мне кажется, он скоро поймет, что, когда речь идет о религии, все становится намного сложнее. – Полли погладила Алана по руке. – Успокойся, Алан. Потерпи. Подожди. В этом почти вся жизнь Касл-Рока: спокойствие, терпение и ожидание ветра, который унесет случайную тучу. Понимаешь?

Он улыбнулся, повернул руки ладонями вверх и взял Полли за руки... но осторожно и нежно.

– Понимаю. Ты свободна сегодня вечером?

– Ой, Алан, я не знаю...

– Никаких танцев-шманцев, – уверил он ее. – Просто разожжем камин, сядем в удобные мягкие кресла, и ты, к моему вящему удовольствию, вытащишь из городского шкафа еще пару-тройку скелетов.

Полли неуверенно улыбнулась:

– Алан, я думаю, что за последние шесть-семь месяцев ты повидал все скелеты, про которые я знаю, включая и те, что в *моем* шкафу. Если хочешь углубить свои знания по касл-рокологии, тебе надо завести дружбу либо со старым Ленни Партриджем, либо... с *ней*. – Она кивнула в сторону Нан и понизила голос: – Разница между Ленни и Нан заключается в том, что Ленни просто собирает информацию, а Нан Робертс пользуется тем, что знает.

– В смысле?

– В смысле, что эта дама не всегда платила полную рыночную цену за принадлежащую ей собственность, – сказала Полли.

Алан задумчиво посмотрел на нее. Он никогда в жизни не видел Полли в таком настроении: сосредоточенной, разговорчивой и подавленной одновременно. Впервые с тех пор, как он стал ее другом, а потом и любовником, Алан задумался, чей голос он сейчас слышит, Полли Чалмерс... или ее одурманивающих лекарств.

– Я думаю, сегодня мне лучше побыть одной, – вдруг сказала она. – Сегодня я не в самой лучшей форме. И это заметно даже по твоему лицу.

– Нет, Полли, это не так.

– Сейчас я пойду домой и приму горячую ванну. И не буду сегодня пить кофе. Я отключу телефон, лягу спать очень рано, и есть шанс, что, проснувшись назавтра, я почувствую себя заново родившейся. И *тогда*, может быть... ну, ты понимаешь. Но только танцы и никаких шманцев.

– Я за тебя очень переживаю, – сказал Аллан.

Она мягко коснулась его руки:

– Я знаю. Это не помогает, но я все равно очень тебе благодарна. Ты даже не представляешь как.

2

По дороге домой, проезжая мимо «Подвыпившего тигра», Хью Прист сбавил скорость... но потом снова нажал на газ. Он приехал к себе, припарковал «бьюик» и вошел в дом.

В доме было две комнаты: в одной из них Хью спал, в другой делал все остальное. В ее центре стоял поцарапанный пластиковый стол, заставленный алюминиевыми поддонами от замороженных полуфабрикатов (в их растекшемся соусе были погребены сигаретные бычки). Хью подошел к открытому шкафу, встал на цыпочки и пошарил на верхней полке. Сперва ему показалось, что лисий хвост исчез, что кто-то влез в дом и украл его – на секунду он даже запаниковал. Но тут его рука наткнулась на шелковистую мягкость, и вздох облегчения вырвался у него из груди.

Остаток дня он провел, размышляя о лисьем хвосте – как он привяжет его к антенне «бьюика» и как здорово он будет выглядеть, весело развеваясь на ветру. Он хотел привязать хвост к антенне еще утром, но утром был дождь, и Хью совсем не хотелось, чтобы из-за сырости хвост превратился в сырую мохнатую тряпку, уныло свисающую с антенны, как дохлая тушка. Он занес хвост обратно. По дороге он безотчетно гладил рукой мягкий мех. Господи, как это было приятно!

Хью сходил в гараж (где было столько всякого барахла, что с 1984 года машина туда уже не влезала) и после недолгих поисков нашел кусок жесткой проволоки. Так, сначала надо прикрутить лисий хвост к антенне, потом чего-нибудь перекусить, а потом можно ехать в Гринс-парк. Собрание общества Анонимных алкоголиков начинается в семь часов в Доме американ-

ского легиона. Может быть, начинать новую жизнь уже поздно... но надо хотя бы попробовать. Как говорится, попытка – не пытка.

Он соорудил из проволоки небольшую крепкую петлю и надел ее на толстый конец хвоста. Потом начал прикручивать другой конец к антенне, но пальцы стали терять первоначальную гибкость. Хью почувствовал, что его уверенность куда-то утекает, как вода – в песок, а на освободившееся место заползает сомнение.

Он представил себе, как он ставит машину на стоянке перед Домом американского легиона, – тут все было в порядке. Он входит в зал – и это тоже было вполне нормально. Но потом ему представился тот говнюк-недоносок, который пару дней назад выскочил на дорогу прямо перед его машиной. И вот *этот* мальчишка проходит мимо Дома американского легиона как раз в тот момент, когда он сам – находясь внутри – сидит на собрании Анонимных алкоголиков и рассказывает, что его зовут Хью П. и что он не может избавиться от тяги к спиртному. Что-то привлекает взгляд мальчика: вспышка ярко-оранжевого в бело-голубом сиянии уличных фонарей, освещающих стоянку. Парень подходит к «бьюику» и смотрит на лисий хвост... потом робко касается, потом гладит его обеими руками. Он оглядывается по сторонам, видит, что поблизости никого нет, и ломает антенну, сдирая хвост. Хью представил себе, как этот маленький сукин сын несется в зал игровых автоматов и хвастается перед друзьями: *Ха, гляньте-ка, что я слямзил на легионовской стоянке! Неплохо, да?*

Хью взбесился в бессильной ярости, как будто все это уже случилось. На самом деле, а не у него в воображении. Он еще раз погладил свою драгоценность и всмотрелся в сгущающиеся сумерки, словно ожидал увидеть на улице толпы вороватых детей, которые собрались на той стороне и только и ждут, пока он приладит хвост и уйдет в дом. И тогда им ничто уже не помешает спереть его лисий хвост.

Нет. Он не оставит хвост без присмотра – не на того напали. В наши дни у детей совсем нет уважения. Они украдут все, что угодно, потому что им просто нравится воровать. Подержат день или два у себя, потом потеряют всякий интерес и зашвырнут куда-нибудь. Эта картина, почти видение – его драгоценный хвост валяется в грязной канаве вместе с обертками от бигмаков и пустыми пивными банками, мокнет под дождем и превращается в грязный ершик – привела его в тихое бешенство.

Только *дурак* может так рисковать.

Хью снял с антенны проволоку, крепившую хвост, вернулся в дом, убрал хвост на самую верхнюю полку и закрыл шкаф. Дверца закрывалась неплотно.

Надо будет купить замок, подумал он. *Дети куда хочешь влезут. Никакого у них уважения, никаких авторитетов. То есть абсолютно.*

Он подошел к холодильнику, достал банку пива, повертел ее в руках и вернул на место. Пиво – даже четыре-пять банок – не вернет его в норму. Сегодня ему нужно что-то покрепче. Он открыл нижний шкафчик буфета, разгреб кучу кастрюль и тарелок, сваленных там, и извлек на свет Божий початую бутылку виски «Черный бархат», приберегаемую для особых случаев. Он наполнил стакан сначала наполовину, потом поразмыслил и долил доверху. Опустошив его в два глотка, Хью подождал, пока жидкий огонь растекся по желудку, и снова наполнил стакан. Настроение стало слегка подниматься, и Хью немного расслабился. Взглянув на шкаф, он улыбнулся. Там хвост в безопасности, а когда он купит хороший вискайский крейговский замок, будет *совсем уже* в безопасности. Да. Хорошо, когда у тебя есть что-то, что тебе нужно и дорого, но еще лучше, когда ты уверен, что эта вещь так и останется при тебе. Это лучше всего.

Но его улыбка тут же погасла.

Так ты для чего его покупал? Чтобы держать в шкафу за семью замками?!

Хью выпил еще. Ладно, может быть, это действительно не фонтан. Но все-таки лучше, чем если его сопрет какой-нибудь вороватый мальчишка.

– В конце концов, – сказал он вслух, – сейчас уже не 1955 год. Сейчас время другое.

Он кивнул в знак согласия с самим собой. Но в голову все равно лезли самые разные мысли. Для чего он купил этот лисий хвост? Какая ему с него радость?

Впрочем, раздумывал он недолго. Еще две-три порции виски разогнали сомнения. Теперь Хью казалось, что то, что он снял хвост с антенны и убрал его в шкаф, было самым логичным решением. Он решил отложить обед; такое умное и проницательное решение заслуживало вознаграждения – выпить еще.

Он налил себе еще виски, уселся на один из кухонных табуретов со стальными трубчатыми ножками и закурил. И пока он сидел, попивая виски и стряхивая пепел на алюминиевый поднос, его мысли сами собой перешли от лисьего хвоста к Нетти Кобб. Полоумная Нетти. Надо было приколоться над полоумной Нетти. Может, на следующей неделе, может быть, через неделю... но скорее всего уже на этой. На прощание мистер Гонт сказал, что, насколько он может судить, Хью не из тех, кто любит терять зря время, и Хью, как говорится, решил соответствовать.

Он уже предвкушал, как все будет.

Эта шутка развеселит его. Развеет скуку.

Он пил, курил, а когда – в четверть десятого – пошел в спальню и растянулся на грязных простынях, у него на лице светилась довольная улыбка.

3

Магазин Хемфилла закрывался в семь. Вильма Ержик сегодня работала в вечернюю смену. Она ушла сразу после закрытия и подъехала к дому в пятнадцать минут восьмого. Сквозь опущенные шторы гостиной наружу сочился мягкий желтый свет. Войдя в дом, Вильма принялась. Макароны с сыром. Неплохо... для начала.

Пит валялся на диване. Он смотрел «Колесо Фортуны», а на коленях у него лежал портлендский «Пресс-Геральд». Кстати, домашние туфли он снял.

– Я прочел твою записку, – сказал он, быстро вскочив и убрав газету. – И уже поставил запеканку. К половине восьмого можно будет вынимать. – Он смотрел на нее преданным и немного встревоженным взглядом. Как пес, желающий угодить хозяину, Пит Ержик давно научился работать по дому и весьма в том преуспел. У него бывали попытки бунта, но уже очень давно Вильма не заставляла мужа валяющимся на диване в обуви, он не пытался курить в доме трубку, и скорее в августе пойдет снег, чем Пит, помочившись, забудет опустить стульчак.

– А белье снял?

На его круглом, открытом лице появилось смешанное выражение удивления и вины.

– Гос-споди! Зачитался и забыл. Я сейчас... – Он уже натягивал туфли.

– Ладно, оставь, – бросила она, направляясь в кухню.

– Вильма, я быстренько!

– Не беспокойся, – притворно-мягко сказала она. – Я вовсе не хочу, чтобы ты отрывался от свой газеты или от Ванны Уайт только потому, что я провела последние шесть часов на ногах, выбивая чеки. Сиди, сиди. Отдыхай.

Ей даже не нужно было оглядываться, чтобы увидеть его реакцию: после семи лет совместной жизни Вильма была стопроцентно уверена, что читает Питера Майкла Ержика как раскрытую книгу. У него на лице будет смесь детской обиды и легкой досады. Когда она уйдет, он еще пару минут постоит посреди комнаты с видом человека, который только что вышел из сортира и не может вспомнить, подтерся он или нет, а потом он отправится накрывать на стол и доставать запеканку. Он задаст Вильме массу вопросов о том, как прошел ее день в магазине, будет внимательно слушать ответы и ни разу не перебьет, порываясь рассказать о том, как прошел день у *него*, в его фирме «Уильямс и Браун», крупном агентстве по недвижимости, расположенном в Оксфорде. Для Вильмы это было в самый раз; она считала, что в мире нет

ничего нуднее торговли недвижимостью. После ужина он, не пикнув, уберет со стола, а *она* будет читать газету. И он будет заискивать перед ней из-за такой вот мелочи – что он зачитался и не снял белье. Вильме было совсем не трудно самой снять белье, она даже любила свежий запах чистого белья, которое сохло на солнце, – но Пити об этом знать не обязательно. Пусть это останется ее маленькой тайной.

У нее была масса таких секретов, и хранила она свои тайны по одной-единственной причине: на войне все средства хороши. Иногда по возвращении домой с работы ей приходилось тратить час или даже два на перепалку с Питом, прежде чем он признавал свое полное и безоговорочное поражение, и она заменяла на карте сражения флажки, его белые – на свои красные. Сегодня бой занял всего две минуты, и Вильму это вполне устраивало.

Она была твердо уверена, что семейная жизнь – это пожизненная военная кампания, а в такой длинной кампании, где не берут пленных, не ждут пощады и вражескую территорию выжигают дотла, такие легкие победы могут быстро наскучить. Но это время еще не пришло, и Вильма вышла во двор с бельевой корзиной на сгибе локтя и сердцем, горящим в груди.

Она прошла уже полдвора и только тогда озадаченно остановилась. А где, собственно, простыни?

Они должны быть видны: большие белые прямоугольники в сгустившихся сумерках, – но их не было. Ветром, что ли, унесло? Чуть какая-то. Днем дул ветерок, но не *ураган* же! Или их украли?

Но тут поднялся ветерок, и раздался ленивый хлопок. Ага, стало быть, простыни все-таки где-то тут... Когда ты – старшая дочь в нормальной католической семье, где тринадцать детей, ты сразу узнаешь шорох висящего на веревке белья. Но *этот* звук был какой-то неправильный. Слишком тяжелый.

Вильма сделала еще шаг вперед. Ее лицо, и без того мрачное и угрюмое, как у человека, постоянно ожидающего беды, стало еще мрачнее. Теперь она различала простыни... или что-то, что *должно было быть* простынями. Но они были *темными*.

Она сделала еще шаг, и через двор пронесся порыв вечернего ветерка. Прямоугольники выпучились в ее сторону, и прежде чем Вильма успела выставить руку вперед, на нее навалилось что-то липкое и тяжелое. Что-то скользкое размазало по ее щекам, что-то густое и влажное облепило ее. словно ее пыталась схватить громадная холодная и липкая рука.

Вильма была не из тех, кто начинает вопить по любому поводу. Скорее наоборот. Но сейчас она закричала – закричала и выронила бельевую корзину. снова раздался этот невнятный хлопотавший звук, и она попыталась увернуться от темного силуэта, надвигавшегося на нее. Она задела ногой упавшую корзину и упала на одно колено. Только благодаря удаче и хорошей реакции она не пропахала носом влажную землю.

Что-то тяжелое и влажное обхватило ее сзади; влажная, липкая масса потекла по шее. Вильма опять закричала, поднялась на карачки и поползла к дому. Волосы выбились из-под платка и щекотали лицо. Это было отвратительно... но липкая, чавкающая ласка темного прямоугольника, висевшего на ее бельевой веревке, была еще более гадкой.

Дверь кухни со стуком распахнулась, и раздался встревоженный голос Пита:

– Вильма? Вильма, что с тобой?

Тяжелое движение у нее за спиной не прекращалось – отвратительные звуки, как будто грязь булькает в чьем-то гигантском горле. За забором, у Хаверхиллов, разлаялась их истеричная шавка – аж зашлась тонким противным визгом, – что не добавило Вильме хорошего настроения.

Она поднялась на ноги и увидела, что Пит удивленно таращится на нее.

– Вильма, ты что, упала? Ты в порядке?

– Да! – яростно закричала она. – Да, я упала! Да, я в порядке! Включи лучше свет!

– Ты не ушиблась...

– *Черт тебя подери, включи свет!* – завопила она и провела рукой по пальто. Рука покрылась липкой грязью. Вильма так разъярилась, что могла бы сосчитать свой пульс по ярким точкам, бившимся у нее в глазах... и сильнее всего она злилась на самое себя, за свой испуг. Пусть даже секундный.

Проклятая шавка на соседнем дворе буквально сходила с ума. Господи, как же она ненавидит собак, и особенно таких голосистых.

Силуэт Пита исчез со ступенек, дверь открылась, в мягком свете внутри протянулась рука, и двор наконец озарился ярким электрическим светом.

Вильма взглянула на себя и увидела широкую бурую полосу на животе и груди на ее новом осеннем пальто. Она вытерла лицо и посмотрела на руку – рука тоже стала коричневой. А по спине – Вильма это очень хорошо чувствовала – медленно стекала густая струя грязи.

– Грязь! – Она даже не поняла, что говорит вслух, настолько все это было невероятно. В голове не укладывалось... Кто это сделал? Кто *осмелился* на такое?

– Что ты сказала, милая? – спросил Пит. Он шагнул было к ней, но теперь остановился на безопасном расстоянии. Он знал, что к Вильме лучше не подходить, когда у нее такое лицо: как будто под кожей закопошилось гнездо только что вылупившихся змеенышей.

– *Грязь!* – заорала она, протягивая к нему руки. Густые бурые ошметки полетели во все стороны. – *Грязь, говорю! Грязь!*

Пит заглянул ей за спину и наконец понял, о чем она говорит. У него челюсть отвисла. Вильма обернулась. Мощный прожектор, закрепленный над кухонной дверью, осветил бельевые веревки и сад с беспощадной ясностью, обнажая все, что того заслуживало. Чистые простыни, вывешенные Вильмой с утра, теперь болтались унылыми, мокрыми тряпками. Они были не просто заляпаны грязью – они были пропитаны ею сверху донизу, покрыты грязью *сплошным слоем*.

Вильма посмотрела в сад и увидела глубокие рытвины в тех местах, где набирали грязь. Она увидела и вытопанную в траве дорожку, по которой ходил взад-вперед неизвестный гряземет – набирал заряды, подходил к белью, швырял комья грязи и возвращался за новой порцией.

– Проклятие! – завопила она.

– Вильма... Пойдем в дом, дорогая, я... – Пит запнулся, пытаясь придумать, *что* он, и наконец нашелся: – Я сделаю чаю.

– *Да пошел ты со своим чаем!* – завизжала она на самой высокой ноте, на которую только была способна, и собака на соседнем дворе залаяла еще пуще. Вильма скривилась. Господи, как же она ненавидит собак, как ее это бесит... Паршивая шавка, когда же ты наконец подавишься своим поганым языком?!

Чаша ее терпения переполнилась, и Вильма накинулась на простыни, как на врага, – вцепилась обеими руками и стала срывать их с веревки. Веревка натянулась и со звоном лопнула, как гитарная струна. Простыни, висевшие на ней, шлепнулись на мокрую землю. Вильма сжала кулаки и выпучила глаза, как ребенок, закативший истерику. Она сделала один большой лягушачий прыжок и приземлилась на одну из упавших простыней. Раздался ленивый *хлоп*, простыня вздулась и опала, разбрызгивая во все стороны комья бурой слизи. Большая часть попала на Вильмины новые чулки. Это стало последней каплей. Вильма оскалилась и *заверещала* от ярости. Она найдет того, кто это сделал. Ой найдет! Уж поверьте! И когда она его найдет...

– Мистер Ержик, у вас что-то случилось? – Голос мистера Хаверхилла дрожал от волнения.

– *Нет, черт тебя подери, ничего не случилось. Мы тут пьем Стерно и смотрим шоу Лоуренса Велка, и, может быть, вы уже заткнете свою брехучую собаченцию?* – провизжала Вильма.

Она слезла с простыни и встала рядом, тяжело дыша. Ее спутанные волосы в беспорядке упали на пылающее лицо. Она отбросила их назад, яростно тряхнув головой. Эта гребаная собака доведет ее до помешательства. Гребаная визгливая собака...

И тут поток ее мыслей резко остановился с почти осязаемым шелчком.

Собаки.

Гребаные визгливые шавки.

А кто живет прямо тут, за углом, на Форд-стрит?

Точнее: какая полоумная тетка живет прямо тут, за углом, с гребаной визгливой шавкой по кличке Бандит?

Нетти Кобб, кто же еще!

Эта чертова собака лаяла всю весну, таким тонким щенячьим тьявканьем, которое прямо под кожу тебе влезает и все нервы выматывает, так что в итоге Вильме пришлось позвонить Нетти домой и сказать, что если она не справляется со своей собакой и не может ее заткнуть, то пусть тогда усыпляет, а то житья никакого нет. Через неделю, когда никаких улучшений не наступило (по крайней мере таких улучшений, которые Вильма была бы согласна признать), она опять позвонила Нетти и заявила, что, если та не справляется со своей собакой, придется прибегнуть к помощи полиции. И на следующий день, ближе к вечеру, когда эта дрянная шавка устроила очередной концерт, Вильма вызвала-таки полицию.

А где-то через неделю после этого случая Нетти пришла в магазин, где работала Вильма (в отличие от Вильмы Нетти всегда очень долго раздумывала, прежде чем приниматься за дело). Она встала в очередь перед Вильминой кассой, хотя у нее не было никаких покупок. Когда подошла ее очередь, Нетти пискляво прошипела:

– Перестань портить нам жизнь, мне с Бандитом. Он очень славный маленький песик, так что оставь нас в покое, Вильма Ержик.

Вильму, всегда готовую к драке, ничуть не смутило то, что стычка происходит на ее рабочем месте. Ей это даже понравилось.

– Дамочка, вы еще не знаете, что такое по-настоящему *портить жизнь*. Но скоро узнаете, если не заткнете свою убудочную собаку.

Миссис Кобб стала бледной как мел, вытянулась во весь рост и так крепко стиснула свою сумочку, что сухожилия на ее тощих ручонках обозначились под кожей от кисти до локтя.

– Я тебя предупредила, – проскрипела она и поспешно направилась к выходу.

– Ой-ой-ой, я прямо уже описалась со страху! – громко крикнула Вильма ей вслед (любая, пусть даже пустячная перепалка всегда приводила ее в хорошее настроение), но Нетти прибавила шаг и, даже не обернувшись, выскочила из магазина.

После этого собака примолкла. Это даже слегка разочаровало Вильму: весна выдалась скучной, Пит не выказывал признаков неповиновения, – и Вильму охватила зеленая тоска, но не в честь распускающихся деревьев и веселой зелени газонов. Чтобы раскрасить жизнь и придать ей остроту, нужна была хорошая свара. Какое-то время Вильме казалось, что Нетти – как раз подходящий объект, но раз ее собака решила все-таки последить за своими манерами, Вильма подумала, что для разнообразия можно найти и какой-то другой объект для приложения воинственных сил.

Как-то раз, в мае, собака залаяла снова. Эта шавка успела издать всего пару гавков, но Вильма тут же бросилась к телефону, чтобы позвонить Нетти; она подчеркнула номер Нетти Кобб в телефонной книге. Так... как говорится, на всякий случай.

Она сразу же приступила к делу, не тратя времени на любезности.

– Это Вильма Ержик, дорогуша. Я вот что звоню. Хочу вам сказать, что, если вы не заткнете своего пса, я заткну его сама.

– Он уже перестал! – закричала Нетти. – Я завела его в дом сразу, как только пришла и услышала, как он лает! Оставь нас с Бандитом в покое, а не то пожалеешь! Я тебя предупреждаю!

– Просто запомни, что я тебе сказала, – ответила Вильма. – С меня довольно. Когда он снова забрешет, я не буду звонить в полицию. Я сама ему глотку-то перережу.

Она повесила трубку, прежде чем Нетти успела ответить. Главное правило сражения с врагами (родственниками, соседями и мужьями) – последнее слово должно остаться за тобой.

С тех пор собака больше не лаяла. Ну, может, она иногда и тявкала, но Вильма этого не замечала. На самом деле пес Нетти Кобб никогда ее *особенно* не беспокоил, и потом, Вильма уже нашла, чем заняться, – она разругалась с владелицей парикмахерской из Касл-Вью, так что почти забыла про Нетти и ее Бандита.

Но может быть, Нетти ее не забыла? Только вчера Вильма видела ее в новом магазине. *И если бы взглядом можно было убить*, подумала Вильма, *я бы вчера не вышла из магазина.*

И сейчас, стоя над своими изгвазданными, напрочь убитыми простынями, она вспомнила испуганный и одновременно вызывающий взгляд, которым ее одарила Нетти; вспомнила, как у нее приподнялась верхняя губа, на секунду обнажив зубы. Вильма хорошо знала, что такое взгляд, исполненный злобы и ненависти, и вчера Нетти Кобб смотрела на нее именно так – с ненавистью и злобой.

Я тебя предупредила... Ты еще пожалеешь!

– Вильма, пойдём в дом, – сказал Пит, положив руку ей на плечо.

Она сбросила его руку.

– Отстань от меня.

Пит отступил на шаг. Было видно, что он готов был заломить руки в отчаянии, но не решился.

Может быть, она тоже забыла, размышляла Вильма. *А вчера вспомнила, когда увидела меня. Или она все это время что-то такое вынашивала (Я тебя предупредила) в своей сдвинутой голове и вот только сейчас решилась.*

В общем, Вильма окончательно уверилась, что именно Нетти испортила ее простыни: кому еще она могла насолить за последние несколько дней, да так, чтобы тот затаил злобу? В городе ее многие не любили, но на такую подлую и трусливую месть могла сподобиться только Нетти – вчера все было видно по ее взгляду, полному страха (*ты пожалеешь*) и жгучей ненависти. Вчера Нетти Кобб напомнила ей собаку, которая кусает только тогда, когда жертва поворачивается к ней спиной.

Да, это была Нетти Кобб. Чем дольше Вильма размышляла об этом, тем меньше у нее оставалось сомнений. И то, что сделала Нетти, было возмутительно и непростительно. И вовсе не потому, что простыни были безнадежно испорчены. Не потому, что это была подлая, низкая выходка. И даже не потому, что Нетти была с тараканами в голове.

Это было непростительно, потому что Вильма испугалась.

Да, всего лишь на секунду, на ту коротенькую секунду, когда бурое *нечто* выступило из тьмы и коснулось ее лица, как мягкая лапа чудовища... но даже эта секунда страха тянулась секундой дольше, чем Вильма могла допустить.

– Вильма? – встревоженно произнес Пит, когда она повернулась к нему. Ему совсем не понравилось выражение, высвеченное прожектором на ее плоском лице: сияющая бледность и темные провалы глаз. Ему не понравился ее тяжелый и ровный взгляд. – Дорогая? С тобой все в порядке?

Она обошла его, не удостоив даже взглядом, и направилась к дому. Пит поспешил следом. Вильма вошла в дом... и первым делом пошла к телефону.

4

Когда зазвонил телефон, Нетти сидела в гостиной, держа на коленях свой новый абажур из цветного стекла. Бандит лежал у ее ног. Как только раздался звонок, Нетти вздрогнула и еще крепче вцепилась в абажур, с испугом глядя на телефон. Ей вдруг показалось – причем на секунду она преисполнилась самой что ни на есть твердой уверенности, – что это звонит Некая Важная Персона; звонит, чтобы сказать, что она должна вернуть этот чудесный абажур, потому что он принадлежит кому-то другому, что такой красивый предмет все равно не может войти в ее маленькую коллекцию, что сама мысль об этом смешна и нелепа. Это было, конечно же, глупо. И Нетти это понимала, но все равно испугалась.

Бандит поднял голову и взглянул на нее, словно спрашивая, собирается ли она поднимать трубку.

Нетти бережно отложила абажур и взяла трубку. Наверное, это всего лишь Полли – звонит, чтобы попросить завтра утром, перед работой, купить у Хемфилла кое-что к обеду.

– Здравствуйте, говорит Нетти Кобб, я вас слушаю, – хрипло выдавила она. Всю свою жизнь она страшно боялась Неких Важных Персон, и, как она давно уже поняла, лучший способ бороться с этим дурацким страхом – самой говорить, как важная персона. Страх от этого не проходит, но и не дает себе воли.

– Я знаю, что это *ты* сделала, полоумная сучка! – хлестнул ее голос из трубки. Это было внезапно и страшно, как удар ножа.

У Нетти перехватило дыхание. На лице застыло выражение затравленного ужаса, а сердце сначала ухнуло в пятки, а потом попыталось выскочить через горло. Бандит опять поднял голову и вопросительно взглянул на нее.

– Кто... Кто это...

– Ты отлично знаешь, кто это, – сказал голос в трубке.

Так оно и было. Это была Вильма Ержик. Та нехорошая злая женщина.

– Он не лаял! – Голос Нетти стал высоким и тонким, как у человека, который только что вдохнул содержимое целого шарика с гелием. – Он уже совсем вырос, и он не лает! Он вообще сейчас в доме, прямо у моих ног!

– Ну и как, понравилось тебе швыряться грязью в мои простыни, манда ты лысая? – Вильма была вне себя от ярости. Эта придурочная Нетти еще делала вид, что речь идет о *собаке*.

– Простыни? Какие простыни? Я... Я... – Нетти смотрела на абажур и как будто подпитывалась от него, набираясь уверенности и сил. – Оставь меня в покое! Это *ты* полоумная, а не я!

– Ты заплатишь за это. Я никому не спущу, чтобы в мое отсутствие ко мне залезли во двор и пачкали мое белье. Никому, НИКОМУ! Ты поняла? Дошло до твоих завернутых мозгов?! Ты не будешь знать где, ты не будешь знать когда, и самое главное, ты не будешь знать как, но я... я тебя... ДОСТАНУ. Понятно тебе?

Нетти плотно прижала телефонную трубку к уху. Ее лицо почти полностью побелело, кроме узкой красной полоски на лбу, между бровями и линией волос. Стиснув зубы, она тяжело дышала, раздувая щеки.

– Оставь меня в покое, а не то пожалеешь! – визгливо выкрикнула она своим тонким, дрожащим голосом. Бандит вскочил, наострил уши и встревоженно распахнул глаза. Он почувствовал опасность и громко гавкнул. Но Нетти его не слышала. – Ты еще пожалеешь! Я... я знаю *Важных Персон!* Очень хорошо знаю! Я тебя предупредила!

Четко и медленно выговаривая слова тихим, но раскаленным от ярости голосом, Вильма произнесла:

– Лучше бы ты со мной не связывалась. Это твоя самая крупная в жизни ошибка. В общем, ты жди – я тебя достану.

Слабый щелчок в трубке.

– Ты не посмеешь! – взвыла Нетти. Слезы текли у нее по щекам, слезы ужаса и предельной, но бессильной ярости. – Ты не посмеешь, дрянная ты женщина! Я... Я...

Второй щелчок. Короткие гудки.

Нетти повесила трубку. Минут пять она просто сидела, выпрямившись в кресле и уставившись в никуда. Бандит гавкнул еще раз и положил лапы на край кресла. Нетти притянула его к себе и погладила против шерсти. Бандит лизнул ее в шею.

– Я не дам ей обидеть тебя, Бандит, – сказала она, вдыхая тепло его чистого собачьего тельца и пытаясь обрести в нем утешение. – Я не дам этой злой, дрянной женщине тебя обидеть. Она никакая не Важная Персона, вовсе нет. Она просто плохая, склочная баба, и если она попытается обидеть тебя... или меня... она пожалеет.

Тут Нетти выпрямилась, нащупала упаковку салфеток между сиденьем и спинкой кресла, достала одну и вытерла глаза. Она была очень напугана... но в душе закипала злость. Именно так она себя чувствовала перед тем, как взять вилку для мяса и воткнуть ее в глотку спящего мужа.

Она взяла со стола абажур и нежно прижала к себе.

– Если она что-то такое затеет, она пожалеет. *Очень* пожалеет.

Она еще долго сидела вот так – с абажуром на коленях и Бандитом в ногах.

5

Норрис Риджвик медленно ехал по Главной улице в патрульной машине, рассматривая здания на западной стороне. Смена приближалась к концу, и это, как говорится, грело. Сегодня утром у него было отличное настроение – до того, как на него набросился этот бесноватый кретин. Норрис вспомнил, как он стоял перед зеркалом в туалете, поправлял фуражку и с удовольствием думал, как браво он выглядит, но сейчас эти воспоминания казались старыми и пожелтевшими, как фотографии девятнадцатого века. С того момента как этот идиот Китон схватил его в туалете, все пошло кувырком. День не задался.

Он пообедал в «Ко-Ко», кафе, где подавали жареных цыплят, на 119-м шоссе. Обычно кормят там вкусно и качественно, но в этот раз у Норриса случилась острая изжога, а потом еще и понос. Около трех часов дня на Седьмой улице около Камбер-Плейс он пробил шину гвоздем, и пришлось ее менять. При этом он машинально вытер руки о свою свежеччищенную форменную рубашку. Он хотел подсушить влажные пальцы, чтобы они не соскальзывали с ключа, но руки-то были в грязи и машинном масле, которые он размазал по всей рубашке четырьмя отчетливыми темно-серыми полосами. Пока он с унынием созерцал испорченную форму, кишечник снова ожил и приготовился к очередному могучему извержению, так что Норрису пришлось бежать в придорожные кусты. Там состоялось небольшое состязание на скорость – на предмет, успеет ли он снять штаны, или и этой детали одежды сегодня не повезет. Эту гонку он выиграл... но ему очень не нравился вид кустов, под которыми он поневоле устроил полевой сортир. Слишком уж они были похожи на ядовитый сумах, и, судя по общей тенденции сегодняшнего невезучего дня, это и был сумах.

Норрис медленно проехал мимо зданий в «деловом центре» Касл-Рока: «Банк и трастовый фонд Норвегии», «Западные автоперевозки», «Перекусы у Нан», пустырь, где раньше стоял «дворец» папаши Мерилла, ателье, «Нужные вещи», «Скобяные товары»...

Вдруг Норрис резко ударил по тормозам. В витрине «Нужных вещей» он увидел... или ему это *показалось*.

Он посмотрел в зеркало заднего вида: Главная улица была пуста. В конце делового квартала светофор, на котором горел зеленый, потух на несколько секунд, а потом загорелся снова – только теперь в середине мигал желтый свет. Значит, сейчас ровно девять часов.

Норрис дал задний ход и развернулся. Взглянул на рацию и подумал, что, наверное, нужно подать сигнал 10–22 – дежурный офицер покидает машину, – но потом решил, что не надо. Ему нужно было всего лишь взглянуть на витрину. Он вывел рацию на полную громкость и подъехал поближе к витрине. Так вполне сойдет.

Тебе показалось, на самом деле там ничего нет, урезонивал он себя, подтягивая на ходу брюки уже на пути к магазину. Зря только себя заводишь. Сегодня день у тебя неудачный, так что даже и не надейся на что-то хорошее. Это просто какой-нибудь старый спиннинг «Зебко»...

Но это был вовсе не старый «Зебко». Удочка, выставленная в витрине, составляла довольно-таки милый ансамбль с рыболовной сетью и парой желтых резиновых сапог и уж точно была не «Зебко». Это был настоящий «Базун». Норрис не видел таких с тех пор, как умер его отец, а это было шестнадцать лет назад. Тогда Норрису было четырнадцать и он обожал «Базун» по двум причинам: за то, чем она была, и за то, что она в себе воплощала.

Что это было? Просто самая лучшая в мире удочка для пресноводной ловли.

Что она в себе воплощала? Лучшие времена. Только и всего. Время, которое тощий парнишка по имени Норрис Риджвик провел со своим стариком: когда они вдвоем пробирались сквозь лес к какой-нибудь речке на окраине города, когда они сидели в маленькой лодке посреди Касл-Рокского озера, а все вокруг было белым от густого тумана, поднимавшегося от воды маленькими колоннами пара, – тумана, который обозначал границу их личного маленького мирка, принадлежавшего только им двоим. Мира только для мужиков. В каком-то другом мире мама готовила завтрак, и это тоже был очень хороший мир – кто же спорит, – но все-таки не такой, как на озере. Никогда больше – ни до, ни после – Норрису не было так хорошо.

А когда папа умер от спазма коронарных сосудов, базуновский спиннинг куда-то пропал. Норрис помнил, что после похорон искал его в гараже, но там его уже не было. Он смотрел в погреб и даже в шкафу в родительской спальне (хотя знал, что мама скорее бы разрешила мужу хранить там слона, нежели рыболовные снасти), но «Базуна» не было нигде. Норрис подозревал, что удочку взял дядя Фил. Пару раз он почти набирался смелости, чтобы спросить дядю в лоб, но, когда разговор доходил до этой скользкой темы, он всегда отступал.

И вот теперь, глядя на спиннинг в витрине, который как две капли воды был похож на отцовский, Норрис впервые за этот дурацкий день забыл про Бастера Китона. Все перекрыло одно простое и яркое воспоминание: его отец сидит в лодке, между ног у него стоит ящик с наживками и блеснами, и вот он передает «Базун» Норрису, чтобы налить себе чашку кофе из красного, с серыми полосками, термоса. Воспоминание было настолько живым, что Норрис буквально почувствовал запах кофе, крепкого и горячего, и запах папиного лосьона «Джентльмен с Юга» – так он, кажется, назывался.

Сердце вдруг защемило от пронзительно-острой тоски: он так скучал по отцу. После стольких лет старая боль по-прежнему терзала сердце, такая же сильная и щемящая, как в тот день, когда мать, вернувшись из больницы, сказала: *Теперь нам надо крепиться, Норрис.*

Свет лампы, закрепленной над витриной, отражался яркими лучами от стальных деталей спиннинга. Старая любовь – темная и золотая любовь – снова проснулась в нем. Норрис смотрел на удочку и чувствовал запах кофе из большого красного термоса с серыми полосками; слышал спокойный и тихий плеск озера. Он опять ощущал в руках ребристую ручку спиннинга. Он и сам не заметил, как поднял руку, чтобы вытереть глаза.

– Офицер? – спросил тихий голос.

Норрис вздрогнул от неожиданности и отскочил от витрины. В первое мгновение он испугался, что все-таки напрудит в штаны – это было бы достойным завершением дня. Как

говорится, последний штрих. Тем более что очень в тему. Но спазм прошел, и Норрис оглянулся. В открытых дверях магазина стоял высокий мужчина в твидовом пиджаке и смотрел на него с легкой улыбкой.

– Я вас напугал? Прошу прощения.

– Нет. – Норрис даже умудрился выдавить улыбку. Сердце у него колотилось, как паровой молот. – Ну... может, совсем чуть-чуть. Я смотрел тут на удочку у вас в витрине и вспоминал былые времена.

– Ее только сегодня доставили, – сказал высокий мужчина. – Она старая, но в безупречном состоянии. Это, знаете ли, «Базун». Не очень известная марка, но серьезные рыбаки ее ценят. Она...

– Японская, – опередил его Норрис. – Я знаю. У моего папы была такая же.

– Правда? – Улыбка хозяина магазина стала еще лучезарнее. Зубы у него были неровными и местами подгнившими, но Норрис все равно нашел ее очень приятной, эту улыбку. – Какое совпадение, не правда ли?

– Да, действительно, – согласился Норрис.

– Я Лиланд Гонт. Это мой магазин, – сказал высокий мужчина и протянул руку.

Когда его длинные пальцы сомкнулись вокруг руки Норриса, того охватило мгновенное омерзение. Рукопожатие Гонта было недолгим, и как только он убрал руку, это странное чувство тут же пропало. Норрис решил, что это у него пошаливает желудок, все еще беспокойный после тех злополучных даров моря, которые он ел на обед. В следующий раз надо будет заказать у них курятину, в конце концов они на этом и специализируются.

– Могу предложить вам эту удочку на весьма выгодных для вас условиях, – сказал мистер Гонт. – Заходите, офицер Риджвик. Давайте обсудим это дело.

Норрис испуганно вздрогнул. Он хорошо помнил, что не говорил этому старикашке, как его зовут. Он открыл было рот, чтобы поинтересоваться, откуда мистер Гонт знает его имя, но потом до него дошло... У него на рубашке была приколотая маленькая карточка с именем и фамилией.

– Нет, я не могу, – сказал он и махнул рукой в сторону патрульной машины. Оттуда доносился шум работающей рации, но только шум, и ничего больше; за весь вечер его ни разу не вызвали. – Я на дежурстве... Вообще-то смена кончается в девять, но пока я не загоню машину в участок...

– Я не займу у вас много времени. Пару минут, не больше, – настаивал Гонт. Его глаза искрились весельем. – Когда я собираюсь заключить с кем-нибудь сделку, офицер Риджвик, я не люблю терять времени. Особенно если этот «кто-то» исполняет свой долг и охраняет меня и мой бизнес глухой, темной ночью.

Норрис хотел было сказать, что девять часов вечера не очень похоже на «глухую и темную ночь» и что в их тихом, сонном городке защищать жизнь и бизнес местных коммерсантов приходится не так уж часто. Но потом он оглянулся на базуновский спиннинг, и воспоминания – на удивление яркие и живые – нахлынули вновь. Он подумал о том, как хорошо было бы рано утром в субботу поехать на озеро с такой вот снастью, захватив с собой банку червей и большой термос с кофе, который можно купить у Нан. Поехать пусть даже и одному, но все равно *как будто* с отцом.

– Ну...

– Давайте, заходите, – убеждал его Гонт. – Я вот могу продавать *по окончании* рабочего дня, а вы вполне можете покупать *до* его окончания. В конце концов, офицер Риджвик, я не думаю, что сегодня кто-нибудь соберется ограбить банк.

Норрис взглянул на здание банка на том конце улицы и рассмеялся:

– Да, пожалуй.

– Ну так что?

– Ладно, – согласился Норрис. – Но только на пару минут. Я не могу долго задерживаться. Лиланд Гонт кашлянул и засмеялся:

– Я, кажется, уже слышу шорох моих выворачиваемых карманов. Проходите, офицер Риджвик. Я не займу у вас много времени.

– Мне правда хочется купить эту удочку, – сказал Норрис. Он знал, что так торговлю не начинают, но ничего не мог с собой сделать.

– И вы ее обязательно купите, – кивнул мистер Гонт. – Я предложу вам такую сделку, от которой вы просто не сможете отказаться, офицер Риджвик.

Он провел Норриса в магазин и закрыл дверь.

Глава шестая

1

Вильма Ержик знала своего мужа Пита вовсе не так хорошо, как ей всегда казалось.

В тот четверг, ложась спать, Вильма решила, что завтра утром она первым делом отправится к Нетти Кобб и *разберется*. Она постоянно собачилась с соседями, и чаще всего эти конфликты просто выдыхались и забывались, но когда доходило до дела, то выбор оружия и поля боя Вильма всегда оставляла за собой. Первое правило склочно-боевого образа жизни: *Последнее слово всегда остается за тобой*. Второе: *Всегда делай первый ход*. В данном конкретном случае ее первым ходом и будет то, что она называла «разборкой». И она собиралась устроить разборку с Нетти, не откладывая дела в долгий ящик. Перед сном она заявила Питу, что будет считать, сколько раз она повернет голову «этой полоумной сучки», прежде чем открутит ее совсем.

Вильма думала, что не сможет заснуть этой ночью – она вся клокотала от злости и напряжения. Такое с ней случалось и раньше. Но вот что странно: она провалилась в глубокий сон чуть ли не сразу же, как легла, и, проснувшись наутро, почувствовала себя отдохнувшей и непривычно спокойной. Сидя на кухне за завтраком, Вильма задумалась, а не слишком ли рано *окончательно разбираться* с Нетти. Вчера вечером, по телефону, она напугала Нетти до полу-смерти; как бы Вильма ни бесилась, уж *это* она заметила. Только глухой не заметил бы.

Так что пусть Мисс Психушка-91 еще поживет. Пусть *она* не спит по ночам, гадая, с какой стороны обрушится на нее гнев Вильмин. А Вильма пока будет действовать ей на нервы: проедет несколько раз мимо ее дома, сделает еще пару звонков. Потягивая кофе (Пит сидел напротив, трусливо поглядывая на жену из-под прикрытия газеты), она решила, что, если Нетти и вправду такая двинутая, как говорят, может быть, ей и вообще не придется *разбираться* с этой полоумной паршивкой. Этот случай вполне мог оказаться одним из тех, когда *все решается само собой*. Эта идея так ей понравилась, что она даже позволила Питу поцеловать ее, когда он собрался уходить на работу.

Мысль о том, что эта забитая мышь – ее дорогой муженек – может подсыпать ей в кофе успокоительное, была настолько нелепой, что даже не приходила ей в голову. Но именно это Пит Ержик и сделал, и, кстати, уже не в первый раз.

Вильма знала, что муж ее жутко боялся, но даже не представляла, *насколько* сильно. Он не просто ее боялся; он жил в постоянном благоговейном ужасе, сходном с суеверным благоговением диких племен, которые почитают Великого Бога Гремящей Горы, каковой Бог может годами или даже десятилетиями молчать и никак себя не проявлять, а потом вдруг разразиться смертельной тирадой горящей лавы.

У этих диких племен – не важно, настоящих или гипотетических – всегда есть особые ритуалы почитания их божества. Они не особенно помогают, когда вулкан уже проснулся, мечет громы и молнии и испускает потоки огня, что выжигают дома и посевы, но в тихие периоды, когда Бог спит, эти обряды очень даже помогают сохранять спокойствие и присутствие духа. Пит Ержик не придумал никаких величественных ритуалов для служения Вильме; в данном случае более прозаические меры оказались гораздо действеннее. Например, успокоительные лекарства вместо облаток святого причастия.

Он записался на прием к Рэю Ван Аллену, единственному частнопрактикующему врачу в Касл-Роке, и сказал ему, что ему нужно средство от беспричинного чувства тревоги и беспокойства. Он пожаловался на большую загруженность на работе и посетовал на то, что с ростом процента обязательных комиссионных отчислений становится все труднее и труднее не думать

о проблемах работы по окончании рабочего дня. А все это – нервы... В общем, ему нужно попить что-нибудь успокоительное.

Рэй Ван Аллен совершенно не разбирался в торговле недвижимостью, и тяготы, связанные с этим видом деятельности, были ему неведомы, но зато он отлично понимал, какие тяготы испытывает человек, женатый на Вильме Ержик. По его скромному мнению, Пит Ержик запросто бы избавился от беспричинной тревоги и беспокойства, если бы вообще не вылезал из офиса. Но разумеется, он не мог высказать этого вслух. В общем, он выписал Питу рецепт на занакс и пожелал ему удачи и Божьей помощи. Ван Аллен ни капельки не сомневался, что Питу на его жизненном пути в одной упряжке с этой кобылой понадобится и то и другое.

Пит пользовался занаксом, но не злоупотребляя. И не говорил об этом Вильме; она бы взбесилась, узнав, что он ПРИНИМАЕТ УСПОКОИТЕЛЬНОЕ, что в ее понимании было равносильно наркотикам. Пит был осторожен и хранил рецепт на занакс у себя в дипломате, вместе с бумагами, которыми Вильма совершенно не интересовалась. В месяц он принимал пять или шесть таблеток, причем большую часть – перед Вильмиными «критическими» днями.

Однажды – а именно прошлым летом – Вильма сцепилась с Генриеттой Лонгман, владелицей салона красоты в Касл-Хилл. Причиной скандала была испорченная «химия». На следующий день после первичной перебранки у них случился обмен «любезностями» в магазине у Хемфилла, а где-то через неделю – большая ругань на Главной улице. В тот раз дело едва не дошло до драки.

Вернувшись домой, Вильма металась по дому, как львица в клетке, и вопила, что, мол, она эту суку достанет, что она ее в больницу уложит.

– Мне бы только до нее добраться, ей потом никакой салон красоты не поможет, – шипела Вильма сквозь сжатые зубы. – Я это так не оставлю. Завтра же пойду к ней. Пойду и со всем разберусь.

Пит не на шутку встревожился. Он понял, что это не просто пустые угрозы. Вильма всерьез собиралась их осуществить. И бог знает, на что его дорогая супруга способна в бешенстве. Он уже представлял, как Вильма макает Генриетту головой в чан с каким-нибудь едким дерьмом и та на всю жизнь остается лысой, как Шиннед О'Коннор.

Он очень надеялся, что за ночь страсти поутихнут, но Вильма проснулась наутро еще даже злее, чем была с вечера. Он бы не поверил, что такое возможно, если бы не видел это своими глазами. Темные круги у нее под глазами говорили о том, что она не спала всю ночь. Не спала и, должно быть, копила злость.

– Вильма, – неуверенно начал он, – по-моему, тебе не стоит сегодня ходить в салон красоты. Я уверен, что если ты все обдумаешь...

– Я все обдумала еще вчера вечером. – Взгляд у Вильмы был пугающе пустым. – Я все обдумала и решила, что, когда я с ней закончу, она больше уже никому не сожжет корни волос. Когда я с ней закончу, этой гадине нужно будет приобрести собаку-поводыря, чтобы ходить дома в сортир. И если ты собираешься со мной спорить, Пит, то можешь сразу купить себе поводыря из одного с ней помета овчарок.

В отчаянии – даже не надеясь, что это сработает, но не видя другого способа предотвратить надвигающуюся катастрофу, – Пит Ержик достал из внутреннего карманчика дипломата пузырек с таблетками и бросил одну из них Вильме в кофе. И ушел на работу.

В каком-то смысле этот незамысловатый поступок стал для Пита Ержика первым причастием.

Весь день он провел в мучительном ожидании и, возвращаясь домой, уже настроился на самое худшее (чаще всего его разыгравшаяся фантазия выдавала картинки типа: «Генриетта Лонгман в луже крови, а Вильма – в камере»). Поэтому он несказанно обрадовался, застав Вильму за пением в кухне.

Пит глубоко вздохнул, опустил забрало своих эмоций и спросил как бы между прочим, как там дела с миссис Лонгман.

– Она открыла салон только после обеда, а у меня к тому времени вся злость прошла, – сказала Вильма. – Ну, я все равно зашла, чтобы выяснить отношения... вроде как я сама себе обещала. И знаешь что? Она предложила мне бокал шерри и сказала, что вернет деньги!

– Ух ты! Отлично! – воскликнул Пит, успокоившийся и довольный... и на этом история с Генриеттой благополучно закончилась. Пару дней он выжидал, не вспыхнет ли Вильмина ярость по новой, но этого не случилось – по крайней мере не в направлении Генриетты Лонгман.

Он даже подумал, что, может быть, стоит попробовать предложить Вильме самой сходить к доктору Ван Аллену, чтобы тот выписал ей успокоительное, но после долгих и тяжелых раздумий отверг эту идею. Вильма его в Африку зашвырнет (а может, и на орбиту), если он ей предложит ПРИНИМАТЬ УСПОКОИТЕЛЬНОЕ. Для нее это типа наркотиков, а наркотики – это удел отбросов. А *легкие* транквилизаторы – это для слабаков. Большое спасибо, но она будет сражаться с жизнью по правилам самой жизни. И кроме того, неохотно заключил для себя Пит, все было значительно проще: Вильма *любила* буйствовать. Вильма в ярости была Вильмой цельной. Вильмой, служащей высокой цели.

А он ее любит – как наше гипотетическое дикое племя любит своего Великого Бога Гремящей Горы. Его трепет и ужас даже усиливали любовь; это была ВИЛЬМА, вещь в себе, сила, с которой нельзя было не считаться, и он решался сбивать ее с курса только в тех случаях, когда она могла навредить себе... что, через некие таинственные трансформации любви, ударит и по нему тоже.

С тех пор он подсыпал ей занакс всего три раза. Третьим – и, кстати, самым кошмарным – случаем и стала «Ночь грязных простыней». Он упорно старался заставить ее выпить чаю, и когда она наконец соизволила согласиться (после короткого, но весьма содержательного телефонного разговора со сбрендившей Нетти Кобб), он заварил крепкий чай и бросил туда не одну, а целых две таблетки. И когда на следующее утро он увидел, что она более или менее успокоилась, он испытал несказанное облегчение.

Вильма Ержик – уверенная, что знает своего мужа как облупленного, – не знала о его тихих манипуляциях; но именно эти тихие манипуляции и удержали ее от того, чтобы в пятницу утром не въехать в дом Нетти на «юго», вышибив дверь, и не выдрать (во всяком случае, не попытаться выдрать) у нее все волосы.

2

Но это вовсе не значит, что Вильма забыла про Нетти, или простила ее, или вдруг усомнилась в том, что это именно Нетти испортила ее постельное белье, – такое было не под силу никаким успокоительным.

Вскоре после того как Пит ушел на работу, Вильма села в машину и медленно поехала по Уиллоу-стрит (на бампере ее «юго» красовалась наклейка: ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ, КАК Я ВОЖУ МАШИНУ, ЖАЛОБЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ 1–800-ИДИ-В-ЖОПУ). Она свернула направо на Форд-стрит, еще сбросила скорость и проползла мимо опрятного домика Нетти Кобб. Ей показалось, что одна из занавесок дрогнула, и это было хорошим началом... Но только началом.

Вильма объехала квартал (не удостоив взглядом дом Расков), проехала мимо своего дома и снова свернула на Форд-стрит. Теперь, приближаясь к дому Нетти, она дважды пробибикала и припарковалась прямо перед домом, не заглушая двигатель.

Занавеска определенно дернулась. На этот раз ошибки быть не могло. Нетти стоит у окна и смотрит. Вильма представила Нетти за занавеской, трясущуюся страха и запоздалого осозна-

ния вины, и эта картина понравилась ей даже больше, чем то, о чем она думала перед сном: как она свернет шею этой придурочной сучке и будет крутить ее голову, пока та не слетит с плеч, как у той девочки в «Изгоняющем дьявола».

– Ку-ку, я тебя вижу, – мрачно сказала Вильма, когда занавеска опустилась на место.

Она сделала еще один круг по кварталу, снова остановилась перед домом Нетти и посигналила, извещая жертву о своем появлении. На этот раз она проторчала перед домом минут пять, не меньше. Занавеска дернулась дважды. В общем, Вильма поехала домой с чувством глубокого удовлетворения и сознанием исполненного долга.

Сегодня моя притыренная подружка проведет весь остаток дня, прячась за занавеской и высматривая меня, подумала она, выходя из машины. *Она побоится и шагу ступить на улицу.*

Вильма вошла в дом с легким сердцем и шлепнулась на диван с каталогом в руках. Уже минут через десять она выбрала, что закажет: три новых комплекта простыней – белый, желтый и серо-голубой.

3

Бандит сидел на ковре посреди гостиной и смотрел на хозяйку. В конце концов он спокойно тьякнул, как будто напоминая Нетти, что сегодня рабочий день и она опаздывает уже на полтора часа. Сегодня она собиралась пропылесосить второй этаж в доме Полли, и еще туда должен был прийти телефонист и принести новые аппараты – с большими кнопками. Вроде как людям с артритом удобнее пользоваться именно такими телефонами.

Но как же ей выйти?!

Эта бешеная полячка все еще где-то здесь, рядом.

Нетти села в кресло, держа абажур на коленях. Она не выпускала его из рук с того самого момента, как эта психованная полячка впервые проехала мимо ее дома. Потом она приехала еще раз, остановилась и посигналила... и снова уехала. Нетти надеялась, что этим все и ограничится, но не тут-то было. Эта бесноватая баба приехала в третий раз. Нетти была уверена, что эта малахольная попытается ворваться в дом. Она сидела, прижимая к себе абажур с одной стороны и Бандита – с другой, и пыталась придумать, что делать, если это произойдет. Как ей защищаться? Нетти понятия не имела.

Наконец она собралась с духом и снова выглянула в окно. Бесноватая полячка уехала. Но первоначальное облегчение почти тут же сменилось ужасом. Нетти вдруг испугалась, что Вильма затаилась где-то поблизости и ждет, когда она выйдет на улицу. Но еще больше ее пугало другое: когда она уйдет, бешеная полячка может залезть к ней в дом.

Она вломится в дом, увидит красивый абажур и разобьет его.

Бандит опять тьякнул.

– Я знаю, – простонала она. – Я знаю!

Нужно идти. Ее ждали дела. Тем более что Нетти никогда не пренебрегала своими обязанностями. Потому что она знала, кому и чем она обязана. Полли Чалмерс всегда относилась к ней хорошо. Именно Полли написала рекомендацию, благодаря которой Нетти выпустили из Джунипер-Хилл; именно под поручительство Полли Нетти выдали кредит на покупку дома. Если бы не Полли, отец которой был лучшим другом ее отца, она так до сих пор и жила бы в наемной квартире по ту сторону Оловянного моста.

Но что, если она уйдет, а бешеная полячка вернется?!

Бандит не сможет защитить абажур; он очень смелый, но он всего-навсего маленький безобидный песик. Эта малахольная полячка может ударить его, если он попытается ей помешать. Нетти почувствовала, как закипают ее мозги, не в силах разрешить эту ужасную дилемму. Она опять застонала.

И тут ее осенила внезапная спасительная идея. Она вскочила, по-прежнему прижимая к груди абажур, прошла через темную комнату – она так и не решилась раздвинуть шторы, – вошла на кухню и открыла дверцу в дальнем углу. К тому концу дома был пристроен маленький сарайчик, куда можно было пройти из кухни. Там хранились дрова для камина и всякое барахло.

Единственная лампочка свисала на проводе с потолка. Никакого тумблера или выключателя не было – лампочка зажигалась, когда ее плотнее вкручивали в патрон. Нетти потянулась к ней... но передумала. Если психопатическая полячка притаилась на заднем дворе, она увидит, как зажегся свет. А если она увидит свет, то сразу поймет, где нужно искать Неттин абажур из цветного стекла, правильно?

– Э нет, меня так просто не возьмешь, – буркнула Нетти себе под нос, пробираясь к поленнице мимо старого материнского сундука и древнего книжного шкафа. – Даже и думать забудь, Вильма Ержик. Я не такая уж глупая. Вот увидишь.

Прижав абажур левой рукой к животу, правой Нетти сгребла плотную паутину, закрывавшую единственное окошко. Она осторожно выглянула в окно и пристально осмотрела свой задний двор, стреляя глазами из стороны в сторону. Во дворе не шелухнулось ни травинки. В какой-то момент ей показалось, что она видит бешеную полячку – та вроде бы скорчилась в дальнем углу двора, – но, приглядевшись, она поняла, что это просто тень от дуба, что рос на дворе у Фиронов. Нижние ветки дуба нависали и над ее двором тоже. Они слегка качались от ветра, и из-за этого ей померещилась сумасшедшая баба (сумасшедшая *польская* баба, если быть точным).

У нее за спиной заскулил Бандит. Она оглянулась. Он стоял на пороге сарая, черный силуэт со склоненной набок головой.

– Я знаю, – сказала она. – Я знаю, мой мальчик... но мы ее одурачим. Она думает, что я глупая. Ну, она у меня *узнает*.

Нетти вернулась обратно к поленнице. Глаза постепенно привыкли к темноте, и она решила, что лампа ей и не понадобится. Поднявшись на цыпочки, она нащупала на крыше подвесного ящика ключ от буфета. Ключи от выдвижных ящиков потерялись давным-давно, но это было не страшно – Нетти уже нашла то, что нужно.

Она открыла буфет – где были лишь клочья пыли и мышинный помет – и убрала туда абажур.

– Он заслуживает места получше, я знаю, – тихо сказала она Бандиту. – Но тут он будет в безопасности, и это сейчас важнее.

Закрыв дверцу на ключ, Нетти подергала ручку. Дверца не поддалась, и Нетти почувствовала, что у нее с души свалился громадный камень. Она еще раз подергала дверцу, одобритительно кивнула и опустила ключ в карман фартука. Когда она придет к Полли, она первым делом отрежет кусок бечевки и повесит ключик на шею.

– Так! – обратилась она к Бандиту, который немедленно завилял хвостом. Наверное, он почувствовал, что кризис уже миновал. – Об этом я позаботилась, песик мой, а теперь мамочке пора на работу! Я опаздываю!

Когда Нетти уже надевала пальто, зазвонил телефон. Она шагнула было к нему, но остановилась на полпути.

Бандит громко гавкнул и посмотрел на нее с таким видом, как будто хотел сказать: «Ты что, не знаешь, что надо делать, когда звонит телефон? Даже я знаю, хотя я всего лишь *собака*».

– Нет, – сказала Нетти.

Я знаю, что это сделала ты, полоумная сучка, я знаю, что это ты, я знаю, что это ты, и я... я... Я тебя ДОСТАНУ.

– Нет, я не буду брать трубку. Я пойду на работу. Это она полоумная, а не я. Что я ей сделала?! Я ее и пальцем не тронула.

Бандит гавкнул в знак согласия.

Телефон замолчал.

Нетти расслабилась... но сердце в груди все равно колотилось так, что, казалось, оно сейчас выпрыгнет.

– Будь хорошим мальчиком, – сказала она Бандиту, погладив его по голове. – Я вернусь поздно, потому что поздно ухожу. Но я тебя очень люблю и надеюсь, что ты будешь вести себя хорошо. Как хорошая, воспитанная собачка.

Это было привычное заклинание ежедневного ритуала «Я ухожу на работу», хорошо знакомого и Бандиту, и его виляющему хвосту. Нетти открыла дверь и осмотрелась по сторонам, прежде чем выйти наружу. На секунду ей показалось, что она заметила яркую вспышку желтого в просвете между деревьями; но это был всего лишь трехколесный велосипед, оставленный сыном Поллардов на тротуаре.

Нетти закрыла за собой переднюю дверь, потом обошла дом, чтобы убедиться, что дверь сарая тоже закрыта. Потом она направилась к дому Полли, постоянно оглядываясь в поисках желтой машины этой сумасшедшей полячки (она так для себя и не решила, а что ей, собственно, делать, если Вильма появится, – прятаться за ближайший забор или вести себя как ни в чем не бывало). Когда Нетти дошла уже до конца квартала, ей вдруг стукнуло в голову, что она не закрыла входную дверь на замок. Озабоченно взглянув на часы, она поспешила обратно и подергала дверь. Та была плотно закрыта и заперта. Нетти с облегчением вздохнула и решила проверить замок на двери сарая. Просто на всякий случай.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, – пробормотала она, обходя дом.

Она уже протянула руку к двери сарая... и замерла на месте.

Внутри снова звонил телефон.

– Она ненормальная, – прошептала Нетти. – Я же ей ничего не сделала!

Дверь была заперта, но Нетти стояла на месте, пока телефон не перестал звонить, и только потом пошла на работу.

4

На этот раз она прошла почти два квартала, и тут ей опять стукнуло в голову, что передняя дверь все-таки не заперта надлежащим образом. Она *знала*, что все в порядке, но все равно опасалась – а вдруг нет?!

Встав на углу Форд и Диконесс, она попыталась решить, что ей делать. Уже почти убедив себя, что все в порядке и надо идти дальше, она заметила желтую машину, проехавшую перекресток в квартале от нее. Это была не Вильмина машина, это вообще был «форд», но Нетти решила, что это знамение, и поспешила обратно к дому, чтобы проверить обе двери. Закрыто. Она дошла почти до тротуара, и тут ей подумалось, что надо бы еще проверить дверцу буфета, чтобы убедиться, что она надежно закрыта.

Она *знала*, что все закрыто, но *боялась* – а вдруг нет?!

Она открыла переднюю дверь и вошла в дом. Бандит бросился к ней, радостно виляя хвостом. Она погладила его – всего один раз, потому что нужно было скорее закрыть дверь. А то ведь эта малахольная полячка может явиться в любое время.

Нетти захлопнула дверь, закрыла ее на задвижку и поспешила в сарай. Разумеется, буфет был закрыт. Она вернулась в дом и на секунду остановилась на кухне. Она опять испугалась, что дверца буфета на самом деле не заперта. Может, она недостаточно сильно потянула за ручку, чтобы быть абсолютно – на сто процентов – уверенной?! Может, дверца просто застряла?!

Она вернулась в сарай для последней проверки, и тут опять зазвонил телефон. Нетти побежала в дом, зажав в потной руке ключ от буфета. На кухне она налетела на стул, ударила голень и закричала от боли.

К тому времени как она вошла в комнату, телефон замолчал.

– Не могу я пойти на работу сегодня, – прошептала она. – Я должна... я должна...

(охранять)

Правильно. Надо остаться и охранять.

Она схватила трубку и быстро набрала номер, прежде чем робость и неуверенность попытаются вгрызться в нее, как Бандит вгрызается в свои сыромятные жевательные игрушки.

– Да? – раздался в трубке голос Полли. – Ателье «Мы тут шьем понемножку».

– Здравствуй, Полли, это я.

– Нетти? Что с тобой? Ты в порядке?

– Да, но я звоню из дома, Полли. У меня тут желудок совсем взбунтовался. – И это пока что была не ложь. – Я боюсь выходить из дома. – И это тоже была чистая правда. – Я знаю, что нужно пропылесосить второй этаж... и телефонист должен прийти... но...

– Ничего-ничего, – оборвала ее Полли. – Телефонист придет только после двух, а я все равно собираюсь уйти пораньше. Руки очень болят... долго работать не получается. Я его сама встречу.

– Если я тебе нужна, я могу...

– Нет, правда, – мягко успокоила ее Полли, и у Нетти на глаза навернулись слезы. Полли такая добрая, такая *хорошая*. – Нетти, боли не сильно острые? Может быть, вызвать доктора?

– Нет, не острые. Так, колики. Все нормально. Может быть, я приду во второй половине дня.

– Не надо, – быстро сказала Полли. – За все время, что ты у меня работаешь, ты ни разу не попросила отгулов. Давай залезай в кровать и постарайся поспать. И сразу предупреждаю: если ты сегодня придешь, я все равно отошлю тебя обратно.

– Спасибо, Полли, – сказала Нетти. Она готова была разреветься. – Ты так добра ко мне...

– Это все потому, что ты заслуживаешь хорошего отношения. Ой, мне пора идти, Нетти. Клиенты пришли. Ложись. После обеда я позвоню узнать, как у тебя дела.

– Спасибо.

– Да не за что. Все, пока.

– Пока-пока, – сказала Нетти и повесила трубку.

Она подошла к окну и отодвинула занавеску. Улица была безлюдна – пока что. Она сходила в сарай, открыла буфет и вынула абажур. Чувство облегчения и покоя сразу взяли верх над тревогой. Она взяла абажур с собой в кухню, вымыла его теплой мыльной водой и тщательно вытерла полотенцем.

Потом открыла ящик и достала мясницкий нож. Вместе с ножом и абажуром она вернулась в гостиную и уселась в кресло. Так она и просидела все утро: с абажуром на коленях и мясницким ножом, стиснутым в правой руке.

Телефон звонил дважды.

Но Нетти не брала трубку.

Глава седьмая

1

Пятница, одиннадцатое октября, стала красным днем календаря для только что открытого в Касл-Роке нового магазина, и особенно – когда дело подошло к полудню и народ принялся обналичивать свои чеки. Деньги для магазина – что сухие дрова для костра, а разговоры и слухи, пущенные горожанами, побывавшими здесь в среду, стали настоящей горючей жидкостью. Были, правда, и такие, кто считал, что суждения людей, невыдержанных настолько, *что они в первый же день посещают новый магазин*, недостойны доверия, но они были в значительном меньшинстве, и серебряный колокольчик над дверью «Нужных вещей» звенел практически весь день.

За прошедшие дни товаров (доставленных позже или просто распакованных) стало еще больше. Если бы кто-то дал себе труд задуматься, то версия с запоздалой доставкой показалась бы ему очень маловероятной – никаких грузовиков к магазину не подъезжало, – но так или иначе, об этом никто не задумался. Самое главное: в пятницу торговля в «Нужных вещах» шла весьма бойко.

Чего там только не было! Куклы, к примеру. Или отлично сработанные деревянные картинки-головоломки, некоторые даже двусторонние. Или уникальный шахматный набор – фигурки в виде африканских животных, вырезанные из горного хрусталя в примитивистском стиле, но невероятно талантливо: скачущие жирафы вместо слонов-офицеров, носороги с угрожающе опущенными головами вместо ладей, шакалы – пешки, львы – короли, гибкие леопарды – ферзи. Было тут и ожерелье из черных жемчужин, явно очень дорогое и такой ослепительной красоты, что аж больно смотреть; некоторые посетители «Нужных вещей» вернулись домой, томимые непонятной тоской и под властью странного наваждения, потому что образ жемчужного ожерелья плясал у них перед глазами – черные камни на черном бархате. Излишне, наверное, говорить, что все, кто поддался очарованию украшения, были особами женского пола.

Потом была еще пара танцующих пяцев-марионеток. И музыкальная шкатулка, старая и богато изукрашенная. Мистер Гонт говорил, что она играет что-то очень необычное, но что именно – вспомнить не мог, а шкатулка была заперта. Он честно предупреждал покупателей, что им придется поискать мастера, который сделает к ней ключ; еще живы несколько старичков, которые на это способны. Несколько раз его спросили, можно ли будет вернуть шкатулку, если купивший все-таки сможет отпереть замок и обнаружит, что мелодия не в его вкусе. Мистер Гонт всякий раз улыбался и показывал на объявление на стене за прилавком:

**ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ И ОБМЕНУ НЕ
ПОДЛЕЖАТ.
CAVEAT EMPTOR!⁷**

– И что *это* значит? – спросила Люсиль Данхем. Люсиль работала официанткой у Нан и зашла в «Нужные вещи» в обеденный перерыв вместе со своей подругой Роуз Эллен Майерс.

– Это значит, что если ты покупаешь кота в мешке, то у тебя останется кот, а у него – мешок. С твоими деньгами, – сказала Роуз Эллен. Она заметила, что мистер Гонт услышал ее слова (а ведь она готова была поклясться, что только что видела его в другом конце магазина), и покраснела.

⁷ Латинская фраза, означающая примерно следующее: «ПОКУПАТЕЛЬ ДА БУДЕТ ПРЕДУПРЕЖДЕН».

Однако мистер Гонт лишь рассмеялся:

– Все правильно. Именно это я и имел в виду!

Старый длиннотвольный револьвер с табличкой: НЕД БАНТЛ – ОСОБАЯ СЕРИЯ; кукла, изображавшая мальчика с рыжими деревянными волосами и застывшей дружеской улыбкой (ПРОТОТИП ХАУДИ-ДУДИ – надпись на карточке); ящики с канцелярской дребеденью – милой, но не заслуживающей внимания; стопка старинных почтовых открыток; наборы ручек и карандашей; льняные носовые платки; мягкие игрушки. Тут были вещи на любой вкус и, – хотя в магазине не было ни одного ценника, – вроде бы и на любой кошелек.

Мистер Гонт в этот день заработал весьма неплохо. Большая часть из того, что он продал, были красивыми и интересными, но уж никак не уникальными вещами. Однако он все-таки заключил пару «особых» сделок, и все они произошли в тот момент, когда в магазине не было других посетителей.

– Когда вещи залеживаются, я начинаю нервничать, – сказал он Салли Рэтклифф, педагогу-логопеду, у которой занимался Брайан Раск, – а когда я начинаю нервничать, то становлюсь безрассудным. Для продавца это плохо, но для покупателя – это *шанс*.

Мисс Рэтклифф была благочестивой прихожанкой преподобного Роуза; среди его паствы она встретила своего жениха, Лестера Пратта, и вместе со значком «Нет – “Ночи в казино”» она носила еще один, с надписью «Я спасена! А ты?». Щепка с табличкой ОКАМЕНЕЛОЕ ДЕРЕВО СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ сразу же привлекла ее внимание, и она не стала возражать, когда мистер Гонт достал деревяшку из стеклянной витрины и вложил ей в руку. Салли приобрела ее за семнадцать долларов и клятвенное обещание невинно подшутить над Фрэнком Джунттом, директором средней школы Касл-Рока. Мистер Гонт предложил упаковать покупку, но Салли отказалась – сказала, что хочет держать деревяшку в руках. Когда она шла к выходу, со стороны было никак не понять: касаются ее ноги пола или она просто плывет по воздуху.

2

Звякнул серебряный колокольчик.

Кора Раск вошла в магазин с твердым намерением купить фотографию Короля и очень расстроилась, когда мистер Гонт сказал ей, что фотография уже продана. Кора спросила, кто ее купил.

– Прошу прощения, – сказал мистер Гонт, – но та женщина была из другого штата. На машине стояли оклахомские номера.

– Чтоб мне *провалиться!* – со злостью выкрикнула Кора. Пока мистер Гонт не сказал ей, что фотография продана, она даже не представляла, как ей сильно хотелось иметь этот снимок.

В магазине были еще посетители – Генри Гендрон с женой Иветт, – и мистер Гонт попросил Кору подождать минуту, пока он их обслужит. Он сказал ей, что у него, кажется, есть кое-что равноценное или даже еще лучше. После того как он продал Гендронам плюшевого мишку – подарок для дочери – и проводил их к выходу, он попросил Кору подождать еще чуть-чуть и ушел в заднюю комнату. Кора ждала, но без особого интереса и энтузиазма. На нее навалилась депрессия, серая и глубокая. Она видела сотни фотографий Короля, может быть, даже *тысячи*, у нее у самой их было с полдюжины, но *та* фотография почему-то казалась... особенной. Какая же сволочь эта бабища из Оклахомы!

Мистер Гонт вернулся с маленьким футляром для очков из змеиной кожи. Он открыл его и показал Коре авиационные очки с темно-серыми дымчатыми стеклами. У нее перехватило дыхание; рука безотчетно потянулась к дрожащему горлу.

– Это... они... – начала она и умолкла, не в силах продолжать.

– Темные очки Короля, – закончил за нее мистер Гонт, – одна из шестидесяти пар. Но мне сказали, что эти были его любимые.

Кора купила очки за девятнадцать долларов пятьдесят центов.

– А еще мне нужна информация. – Мистер Гонт заговорщицки подмигнул Коре. – Назовем это доплатой.

– Информация? – с сомнением переспросила Кора. – Какая еще информация?

– Гляньте в окно, Кора.

Кора подошла к окну, по-прежнему сжимая очки в руках. На противоположной стороне улицы стояла патрульная машина № 1 муниципальной полиции Касл-Рока. Алан Пангборн и Билл Фуллертон стояли тут же, на тротуаре, и о чем-то беседовали.

– Видите того парня? – спросил Гонт.

– Кого? Билла Фул...

– Нет, тупая ты баба. Другого.

– Шерифа Пангборна?

– Точно.

– Да, вижу. – Кора вдруг почувствовала себя вялой и совершенно разбитой. Голос Гонта, казалось, доносился откуда-то издалека. Она не могла думать ни о чем другом, кроме своей покупки. Сейчас ей хотелось лишь одного: скорее добраться до дома и сразу опробовать покупку... но она не могла уйти без разрешения, потому что сделка еще не свершилась и не свершится до тех пор, пока *мистер Гонт не скажет*, что все – по рукам.

– Таких в моем бизнесе называют въедливым покупателем, – сказал мистер Гонт. – А что ты о нем думаешь, Кора?

– Он очень умен, – ответила Кора. – Он в жизни не станет таким шерифом, каким был старый Джордж Баннерман... так мой муж говорит... но палец ему в рот не клади.

– Да ну? – Голос мистера Гонта вновь стал сварливым и чуть усталым. Глаза превратились в узкие щелочки, цепко следящие за Аланом Пангборном. – Кора, хочешь, открою тебе один маленький секрет? На умников мне наплевать, а вот въедливых покупателей я *ненавижу*. Мне они отвратительны. Я не доверяю людям, которые всюду суют свой нос и уверены в том, что им обязательно должны подсунуть бракованную вещь.

Кора молчала. Она просто стояла, зажав в руках футляр с очками Короля, и тупо пялилась в окно.

– Если мне вдруг понадобится человек, чтобы присматривать за умненьким-благоразумненьким шерифом Пангборном, кого ты мне посоветуешь, Кора?

– Полли Чалмерс, – отозвалась Кора пловущим голосом. – У них очень хорошие отношения.

Гонт покачал головой. Он не спускал глаз с Алана, который подошел к машине, мельком взглянул на «Нужные вещи», сел за руль и уехал.

– Не пойдет.

– Шейла Брайхем? – неуверенно предложила Кора. – Она в участке диспетчером работает.

– Неплохая идея, но опять отпадает. Очередной въедливый покупатель. Они попадаются в каждом городе – печально, но факт.

Мысли Кору витали в далеком тумане.

– Может быть, Эдди Варбертон? – сказала она наконец. – Он главный техник в здании муниципалитета.

Лицо мистера Гонта расплылось в улыбке.

– Уборщик! Да! То, что нужно! Просто великолепно! – перегнувшись через прилавок, он поцеловал Кору в щеку.

Она отпрянула, скривилась и начала яростно тереть то место, куда он ее чмокнул. Мистер Гонт вроде как этого и не заметил, равно как и вырвавшегося у нее возгласа отвращения. Его лицо озарилось сияющей, лучезарной улыбкой.

Кора вышла из магазина (все еще безотчетно потирая щеку основанием ладони), столкнувшись в дверях со Стефани Бонсан и Синди Роуз Мартин из Бридж-клуба с Эш-стрит. В спешке Кора чуть не сбила с ног Стеффи; ей нетерпелось скорее добраться до дома. Прийти домой и надеть очки. Но прежде надо будет умыться и избавиться от этого тошнотворного поцелуя. От него кожа горит, как от крапивы.

Над дверью звякнул серебряный колокольчик.

3

Стеффи задержалась у окна, поглощенная красочными орнаментами старомодного калейдоскопа, а Синди Роуз подошла к мистеру Гонту и напомнила ему об их разговоре в среду: что у него может сыскаться стеклянная ваза в пару той, уже купленной.

– Да. – Мистер Гонт загадочно улыбнулся. – Очень даже вероятно. Вы можете на пару минут избавиться от своей подружки?

Синди Роуз попросила Стеффи пойти к Нан и заранее заказать кофе.

– А я сейчас подойду.

Стеффи удивленно взглянула на подружку, но ничего не сказала и вышла на улицу.

Мистер Гонт сходил в заднюю комнату и вышел с вазой. Точно такой же, которую Синди Роуз уже купила. Один в один.

– Сколько? – выдохнула Синди Роуз, погладив плавный изгиб вазы дрожащим пальцем. Она с некоторым сожалением вспомнила свою радость от дешевизны той, первой покупки. Должно быть, в тот раз он только закинул удочку. Теперь же он будет подсекать и тянуть. *Эта* ваза потянет уже не на жалкие тридцать долларов; тут он сдерет с нее по полной. Но ваза была ей нужна – под пару к первой на каминной полке. Ей *нужна* эта ваза.

Услышав ответ мистера Гонга, она не поверила своим ушам.

– Поскольку я тут торгую всего лишь первую неделю, почему бы мне не устроить небольшую рекламную акцию и не продать вам две по цене одной? Так что теперь она ваша, поздравляю с удачной покупкой.

Потрясение было настолько сильным, что Синди Роуз чуть не выронила вазу, которую мистер Гонт сунул ей в руки.

– Но... мне казалось, вы говорили...

– Все правильно, я говорил, – сказал он, и Синди Роуз вдруг поняла, что не может отвести взгляда от его глаз. *Франси все перепутала*, подумала она отстраненно. *Они у него не зеленые. Они серые. Темно-серые.* – Вот разве что...

– Что?

– Да... Вы знаете помощника шерифа по имени Норрис Риджвик?

Звякнул серебряный колокольчик.

Эверетт Франкель – медбрат у доктора Ван Аллена – приобрел трубку, которую Брайан Раск заметил в свой первый визит в «Нужные вещи», в обмен на двенадцать долларов и обещание подшутить над Салли Рэтклифф. Несчастный Слопи Додд – заика, который по вторникам вместе с Брайаном посещал логопедические занятия, – купил луженый чайник маме на день рождения. Это стоило ему семьдесят один цент... и обещание, данное добровольно, что он подстроит смешную шутку над женихом Салли, Лестером Праттом. Мистер Гонт сказал, что, когда придет время, он даст Слопи кое-какие вещички для этой шутки, и Слопи ответил, что это было бы «оч-ч-ч-чень х-х-хо-рошо». Джун Гэвино, жена самого преуспевающего в округе владельца молочной фермы, купила фигурную вазу за девяносто семь долларов и обещание устроить забавную проказу отцу Брайхему из церкви Богоматери Тихих Вод. Вскоре после ее ухода мистер Гонт уговорил кого-то сыграть подобную шутку и над преподобным Вилли.

Это был хлопотный и плодотворный день, и, когда мистер Гонт наконец повесил на входной двери табличку ЗАКРЫТО и опустил шторы, он был хотя и усталым, но очень довольным. Дела шли отлично, и шериф Пангборн его не беспокоил и уже вряд ли побеспокоит. Это хорошо. Открытие – это самая приятная часть операции, но она же и самая нервная, а иногда даже рискованная. Конечно, Гонт мог ошибаться насчет Пангборна, но он научился доверять своим чувствам в таких делах, а Пангборн казался ему человеком, от которого было бы лучше всего избавиться... по крайней мере до тех пор, пока он не будет готов диктовать шерифу свои условия. Мистер Гонт предвидел, что следующая неделя будет не менее хлопотной, и до того, как она закончится, следует ожидать уйму сюрпризов.

Уйму.

4

Когда Алан подъехал к дому Полли в четверть шестого, Полли уже ждала его, стоя в дверях. Они поцеловались. Алан обратил внимание, что даже для такого короткого выхода на вечерний холод она натянула перчатки, и нахмурился.

– Перестань, – сказала она. – Сегодня чуть лучше. Курицу привез?

Он предъявил ей белые пакеты в пятнах жира.

– Ваш покорный слуга, госпожа.

Она сделала небольшой реверанс.

– Взаимно.

Она взяла у него пакеты и проводила его на кухню. Он вытянул из-за стола стул, развернул его, уселся верхом и принялся наблюдать, как она снимает перчатки и раскладывает курицу на стеклянном блюде. Он привез все готовое из «Ко-Ко». Название было до отвращения деревенским, но цыплят там готовить умели (если верить Норрису, с дарами моря все обстояло значительно хуже). Единственное неудобство, когда покупаешь навывнос, а ехать до дома миль двадцать – все успеваешь остыть. Но для чего тогда выдумали микроволновки? Алан допускал три области применения для микроволновых печей: подогреть остывший кофе, приготовить попкорн и разогреть еду, купленную в местах типа «Ко-Ко».

– Они правда лучше? – спросил он, когда она запихнула цыплят в печку и нажала соответствующие кнопки. Уточнять, что это за «они», не было необходимости – они оба знали, о чем идет речь.

– Совсем чуть-чуть, – призналась она, – но я уверена, что скоро наступит уже ощутимое улучшение. Я уже чувствую теплое покалывание в ладонях – верный признак, что все должно нормализоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.